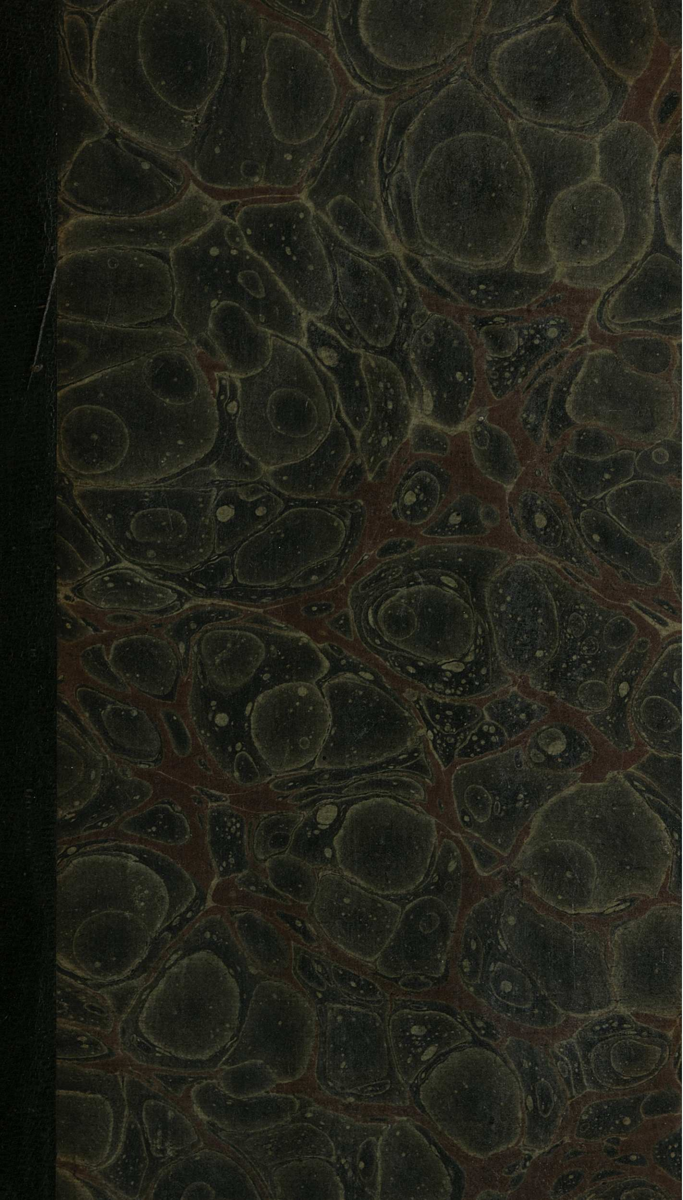
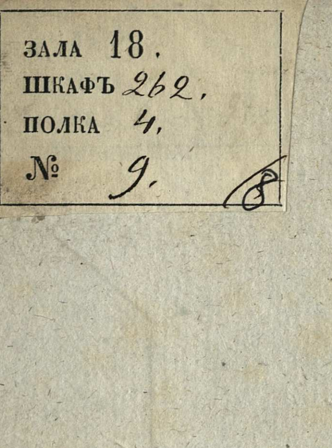
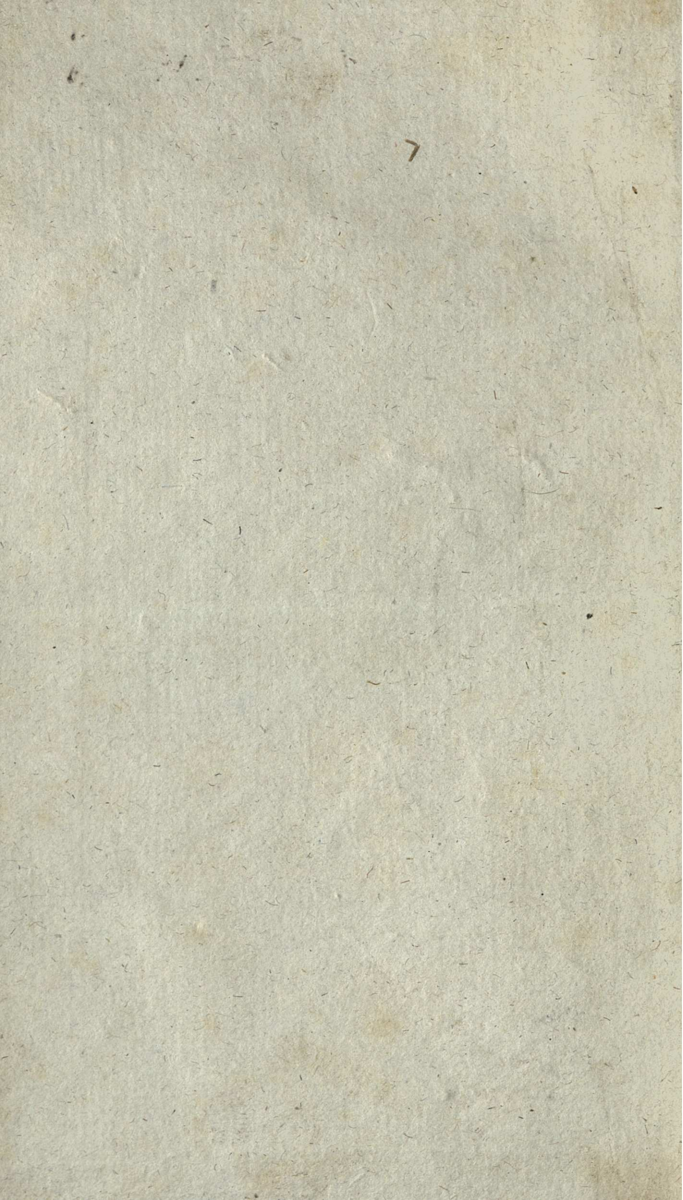








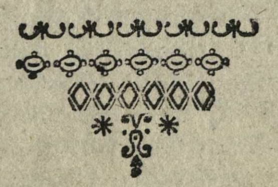
СТО НОВЫХЪ НОВОСТЕЙ

сочиненія

ГОСПОЖИ ГОМЕЦЪ

ТОМЪ VIII.

съ Французскаго на Россійской языкъ переведенъ.



Въ Санктпетербургѣ,

1767 года.

СТО НОВЫХЪ НОВОСТЕЙ

XXIII. НОВОСТЬ

Великодушный морской разбойникъ.

ВСякъ знаетъ, что Генуесцы имѣютъ обычай воспитывать дѣтей своихъ съ младолѣтства въ мореплаванiи, и наизнатнѣйшiя фамилiи почитаютъ то за необходимость, дабы здѣлать ихъ полезными республикѣ, когда силы приведутъ ихъ въ состоянiе носить оружiе; и сему политическому воспитанiю долженствовали они Дорiями, Грималдiями, и толь многими другими великими мужьями, коихъ имена и дѣла никогда въ забвенiи не останутся.

Славный Муратъ родившiйся въ Генуи въ 1604 году безъ сомнѣнiя подражалъ бы симъ Героямъ въ пользу своего отечества, естьли бы однимъ изъ сихъ ударовъ рока, кои превосходятъ благоразумiе человѣческое, не былъ онъ отлученъ навсегда отъ своихъ соотчичей и отъ своего закона: родители его были благородны, и сопряжены союзомъ крови съ знатнѣйшими домами республики, и какъ скоро началъ онъ говорить, то даны ему были учители, могшiе здѣлать его способнымъ къ произведенiю того въ практикѣ, чему обучали его въ Теорiи. Склонность его толь изрядно поспѣшествовала намѣренiю его родителя, что на двѣнатцатомъ году почиталъ онъ его способнымъ воспользоваться вперенным въ него ученiемъ. Для сей причины отдалъ онъ его одному изъ своихъ братьевъ, капитану карабля, дабы привадить его заблаговременно къ мореплаванiю. Младый Муратъ оказывалъ равное усердiе подъ повелѣнiями своего дяди, какое изъявлялъ и съ своими учителями; и мало времени спустя, когда сенатъ повелѣлъ

повелѣлъ сему капитану вооружить свой корабль, дабы отправиться въ Константинополь, тогда знатно сїю своею доставилъ онъ племяннику мѣсто прапорщика, желая симъ степенемъ придать ему болѣе смѣлости къ подражанїю, и укрѣпить младое его мужество ужѐ и такъ возрастъ его превосходившїе. По полученїи наставленїй поѣхалъ онъ изъ Генуи и прибылъ къ Портѣ благополучно. Во время мореплаванїя Муратъ оказывалъ такое вниманїе ковсему, что до правленїя корабля касалося, что дядя его и всѣ офицѣры разсуждали, что будетъ онъ современемъ наиспособнѣйшїй въ семъ искуствѣ.

Между тѣмъ капитанъ имѣя повелѣнїе по возвращенїи изъ Константинополя крюисировать около береговъ Варварїи, коея морскїе разбойники тревожили берега Италїи, поплылъ туда въ семъ намѣренїи; но Тунисъ, Алжиръ и Триполи извѣстясь о его предпрїятїи и отъѣздѣ, ополчилися всѣ, и дали повелѣнїе Магомету Исуфу, адмиралу сего флота, разъѣзжать около береговъ, и захватить корабль

Генуескій, на коемъ почитали они знатныя суммы, и драгоцѣнныя товары.

Какъ Генуесцы и Варвары имѣли одинакое намѣреніе, то неумедлили они сойтися, но Генуесцы видя ихъ превосходство, и что вѣтръ имъ благопріятенъ, хотѣли было бѣжать: Магометъ Исуфъ узнавшій ихъ намѣреніе, и не хотѣвшій потерять своея добычи, гнался за ними во весь день, и нѣкоторую часть ночи; и какъ по несчастію Генуесцевъ вѣтръ перемѣнился, то на разсвѣтѣ увидѣли они себя окруженныхъ осьмью разбойническими кораблями. Генуескій корабль былъ нарочито снабдѣнъ екипажемъ и парусами, и множество находилось на ономъ молодыхъ Генуескихъ господъ, кои воспользовались симъ случаемъ, дабы видѣть славный городъ Константинополь; и такъ вознамѣрились они къ бою, и капитанъ уповавшій твердо на ихъ храбрость, первый ихъ къ тому ободрялъ. Хотя Мурату не было тогда двѣнатцати лѣтъ, однакожъ оказывалъ онъ не менѣе къ тому усердія, какъ и старѣйшіе; наконецъ

нецЪ разбойники напали мужественно на Генуескій корабль, и оный обоьронялся не инако: два Варварскіе корабля лишились мачтЪ, а адмиралЪ Триполитанскій потопленЪ. КакЪ сіе начало заставило думать Магомета, что пушками онЪ ничего произвесть не можетЪ, то вознамѢрился онЪ сцѢпиться: ГенуезецЪ избѢгалЪ отЪ того многократно, но наконецЪ настиженЪ онЪ былЪ АдмираломЪ ТунисскимЪ: Турки поскакали на оной тотчасЪ со обнаженными саблями, а Генусцы оборонялись такЪ чтобЪ либо побѢдить или умереть. Юный МуратЪ сЪ обнаженною саблею производилЪ дѢла приводившія вЪ равное удивленіе ГенуесцевЪ и ВарваровЪ, кои не взирая на жаркій бой примѢтили его сколько по безмѢрному его мужеству, столько по великой его младости и чрезвычайной красотѢ; между тѢмЪ капитанЪ и большая часть офицеровЪ были побиты; почему надлежало необходимо здаться. МагометЪ ИсуфЪ былЪ почти столько же доволенЪ тѢмЪ, что имѢлЪ Мурата во всей власти, сколько и остаткомЪ своея добычи, ко-

торую отвезъ торжественно въ Тунисъ.

Лишь только онъ туда прибылъ, выхвалялъ храбрость малаго Мурата Солиману бею или королю Тунискому, который восхотѣвъ его видѣть, такъ плѣнился пріятностьми его особы, что взялъ его къ себѣ; и желая испытать, соотвѣтствовалъ ли разумъ его тому что изъявлялъ видъ лица его, спросилъ онъ у него, кто онъ таковъ, какъ ево зовутъ, и не досадно ли ему будетъ остаться у него. Сіе любезное дитя не удивляясь отвѣчалъ ему съ почтительною горделивостію, что онъ благородный и называется Муратомъ и что почтетъ за великую честь быть у него во услуженіи, поелику не будетъ онъ невольникъ, потому что руки назначенныя носить оружіе, не должны быть обремѣнены оковами.

Сей отвѣтъ совершенно привлекъ къ нему сердце Солиманово, который обнялъ его съ горячностію и сказалъ ему, что будутъ съ нимъ поступать въ его чертогахъ не такъ какъ съ невольникомъ, но какъ съ роднымъ его сыномъ. Сіи

слова

слова возбудили радость въ глазахъ Муратовыхъ; Юная его горделивость ласкаемая привѣтливостію Короля Туниского, побудила его показаться въ сію минуту таковымъ, какъ обѣщали его содержать, и придала ему видъ вольности, которая усугубивъ его прелести, умножила и горячность Солиманову; и съ сего самаго дня вознамѣрился онъ подать тому опыты, отдавъ его наруки стараго Ренегата Сицилійскаго именемъ Мулея, который своими науками и искуствомъ обрѣлъ всю его довѣренность; онъ назначилъ его Гофмейстеромъ Муратовымъ, и приказалъ ему испытывать его склонности, и здѣлать его совершеннымъ въ той, которую усмотритъ въ немъ владычествующею.

Мулей не долго пребывалъ, не познавъ, что слава была правиломъ всѣхъ поступокъ Муратовыхъ, и что начало его воспитанія утвердило его въ сихъ чувствованіяхъ; что желаетъ онъ точію случаевъ оказать храбрость свою и мужество, а сіе изъявлялъ онъ часто спрашивая у Мулея, скоро ли Солиманъ поручитъ ему такую должность,

гдѣбъ онъ могъ прославиться, и оказать ему благодарность за всѣ ево милости; и сїе принудило Ренегата сказать Королю Тунисскому, что надлежало наипаче всего стараться, дабы побудить сего невольника къ послѣдованїю закону Магометову.

Солиманъ, коего дружество къ Мурату ежедневно утверждалося, не колебался послѣдовать совѣту Мулѣеву; и дабы прїуготовить юнаго своего невольника къ желаемому, не было никаково роду забавъ, ни какихъ увеселенїй, коихъ бы онъ ему непромышлялъ въ такое время, когда давалося ему отдохновенїе отъ тѣхъ упражненїй коихъ требовало его воспитанїе. Солиманъ имѣлъ у себя дщерь нѣсколькими мѣсяцами моложе Мурата, но толь великїя красоты, что помрачала ужѐ всѣхъ тѣхъ, коими Сераль ево былъ наполненъ. Сей Государь любилъ ее съ чрезвычайною горячностїю, и препровождалъ цѣлыя часы въ покояхъ своихъ женщинъ, единственно для того, чтобъ быть вмѣстѣ съ несравненною Туркїею, [такъ именовалася ная сїю принцесса].

Муратъ

Муратъ, который иногда хаживалъ на поклонъ къ бею въ такіе часы, кои назначивалъ онъ своей дщери, слыша всегда во отвѣтъ, что онъ находится у женщинъ и не можно его видѣть, пока отъ туда не выдетъ, прогуливаясь нѣкогда въ садахъ его Сераля, послѣ многихъ разумныхъ и остроумныхъ разговоровъ, кои много веселили Солимана, Муратъ оборотясь ко дворцу и остановясь: Государь, сказалъ ему, ничто бы не недоставало моему при тебѣ благополучїю; я осыпанъ твоими милостями, и сердце мое оныя чувствуетъ; но нѣкое любопытное желанїе препятствуетъ мнѣ наслаждаться всемъ моимъ счастїемъ: Сей дворецъ заключаетъ въ себѣ тьму такихъ вещей, коихъ я не видалъ, и горю желанїемъ видѣть; къ сему я тѣмъ наипаче возбуждаюся, зная, что онѣ составляютъ часть твоихъ упражненій, потому что пришедшему къ тебѣ во оныя часы, для отданїя моего поклона, возбранено мнѣ было, къ тебѣ итти. Ахъ! Государь, продолжалъ онъ съ прїятнымъ видомъ, есть ли ты меня любишь, не скрывай отъ меня

того,

того, что находишь ты толь достойнымъ всего твоего внимание.

Солиманъ не могъ удержаться, чтобъ не неулыбнутся при сихъ словахъ, и желая доводить сей разговоръ толь далеко сколько можно, отвѣчалъ ему, что невозможно ево удовольствовать; потому что сiи чертоги заключаютъ въ себѣ ево женщинъ, накоихъ никто иной кромѣ ево не долженъ бросать своихъ взоровъ подъ опасенiемъ живота; что точiю невольники назначенные къ ихъ услугѣ имѣютъ сiе дозволенiе, а какъ онъ не хощетъ почитаемъ быть таковымъ, то и взоръ ихъ ему возбраняется: Но, отвѣчалъ ему Муратъ нѣсколько изумясь, младые мои лѣта не могутъ ли мнѣ дать тѣхъ преимуществъ, коихъ другiе не имѣютъ, и какъ Король не ужѣ ли не властенъ ты удостоить меня сея милости?

Властенъ, отвѣчалъ ему Солиманъ, но ето такая отмѣнная милость, что естьли я тебѣ окажу оную, то надобно, чтобъ ты заплатилъ мнѣ за то скорымъ послушанiемъ первому приказанiю, кое Мулей тебѣ отъ меня объявитъ: ахъ! Государь,

Государь, отвѣчалъ скоро Муратъ, не надобно договоровъ, чтобъ повиноваться мнѣ твоимъ повелѣніямъ; я всегда къ тому готовъ; и поелику не лишишь ты меня своего благоволенія, ничто въ свѣтѣ неможетъ меня отвратить, тебѣ послушествовать.

Я того весьма желаю, сказалъ ему бей, и посему обѣщанію хощу подать тебѣ знатный опытъ моея къ тебѣ горячности: Младость твоя, продолжалъ онъ, учинила бы тебя точію посредственно чувствительнымъ ко взиранію на моихъ Султаншъ; ты ихъ неувидишъ, но вмѣсто того хощу тебѣ показать одну равную тебѣ лѣтами, которая стоитъ однакожъ всѣхъ другихъ: при сихъ словахъ Солиманъ повелѣлъ, чтобъ привели въ сады принцессу дщерь его, воображая себѣ, что свиданіе сихъ обоихъ любезныхъ дѣтей будетъ для него весма забавно.

Повелѣніе его въ минуту было исполнено: Гофмейстерины Туркіины привели ее въ сады, и Муратъ увидѣлъ всѣхъ мущинъ въ мигъ отъ туда вышедшихъ. Когда Солиманъ и

и онъ находились одни, тогда младая принцесса великолѣпно одѣтая, убранная драгоцѣнными камнями, имѣющая лице подъ покрываломъ подошла къ Королю своему родителю; и была въ готовности открытся, но увидя Мурата остановилась и ожидала повелѣнія, Солиманъ разсуждающій по ея смятенію приближился къ ней со младымъ Генуесцемъ, и приказалъ ей снять съ себя покрывало; она послушалась; и показала любопытному взору Муратову все что натура создала наипрекраснѣйшаго и совершеннѣйшаго.

Онъ приведенъ былъ тѣмъ во удивленіе, и такъ тронутъ, что не зная почти что дѣлалъ, упалъ предъ нею наколѣни и взиралъ нанее въ семъ видѣ власно какъ бы находился въ разсматриваніи нѣкоего божества. Солиманъ хранилъ безмолвіе, и радовался потаенно тому дѣйствію, кое красота сія произвела надъ рабенкомъ; между тѣмъ Туркія нестолько чудившаяся высокому Муратову почтенію, сколько прелестямъ его особы, разсматривала его съ равномѣрнымъ вниманіемъ; и казалося, что двое

сихъ

сихъ рѣдкихъ дѣтей зная, что не всегда будутъ имѣть сїе удовольствїе, хотѣли толь изрядно возпользоваться сею минутою, что невозможно имъ было позабыть другъ друга, запечатлѣвъ въ сердцахъ свои портреты.

Когда Солиманъ насладился довольно удовольствїемъ, которое причинялъ ему нѣмый разговоръ: ну, Муратъ, сказалъ онъ своему невольнику, что помышляешь ты о сокровищахъ заключающихся въ моихъ чертогахъ. Я думаю, Государь, отвѣчалъ онъ ему, что нѣтъ ничего лучше мною видимаго. Хочешь ли ты, продолжалъ бей, чтобы отдалъ я тебя сей младой Принцессѣ невольникомъ, или разорвавъ твои оковы, содержалъ бы тебя всегда какъ моего сына? Муратъ готовился отвѣчать, но прекрасная Туркїя начала говорить: Ахъ! Государь, сказала она бею, онъ такъ прекрасенъ, что недолженъ быть въ числѣ другихъ, хощу лучше, чтобъ онъ былъ моимъ братомъ. Солиманъ не могъ удержаться чтобъ не смѣяться боязни младыя принцессы, которая не

вида

видя около себя никого кромѣ людей черныхъ и безобразныхъ, думала, что зделаютъ Мурата столь же гнуснымъ какъ они определя его къ ней. Онъ дѣлалъ имъ еще нѣсколько вопросовъ, на кои обое отвѣтствовали съ отмѣннымъ остроуміемъ: между тѣмъ бей не думая быть никакому слѣдствію изъ сего свиданія, дозволилъ оному продолжаться такъ долго какъ возможно было; но мамки Принцессины будучи въ томъ прозорливѣе его проворствомъ своимъ въ любовныхъ хитростяхъ, разсуждали по всѣмъ дѣламъ и разговорамъ сихъ любезныхъ юношей, что сей Государь воспалилъ такое пламя, которое съ трудомъ погасить можно будетъ; однако не сообщили онѣ ему нимало своихъ мыслей. Муратъ умѣлъ имъ понравиться, а судьба Туркіи довлѣющей быть когда нибудь долею Варвара, не казалась имъ довольно ее достойною, дабы стараться, отвращать ее отъ предмѣта гораздо пріятнѣйшаго. Сіи чувствованіи, кои открыли онѣ другъ другу, побудили ихъ просить бея о дозволеніи, что бы

сіи

сїи дѣти видѣлися иногда такимъ же образомъ, подъ видомъ, чтобъ забавлять Принцессу. Онъ на то склонился, и назначилъ одинъ день въ недѣлѣ для ихъ прогуливанїя; но Муратъ, примолвилъ онъ, оборотясь къ нему, вспомни, что сїе дѣлается съ договоромъ, дабы исполнилъ ты то, чего я отъ тебя потребую.

Говори Государь, вскричалъ онъ немѣдленно, нѣтъ ничего для меня невозможнаго, дабы удостоиться полученныя мною чести. Солиманъ обнялъ его, и отвѣчалъ ему, что когда придетъ къ тому время, тогда Мулей объявитъ ему его повелѣнїи; послѣ чего приказалъ отвести Принцессу; и пошелъ во дворецъ съ своимъ невольникомъ; но сїя разлука не послѣдовала безъ того, что бы не оказали онѣ другъ другу чувствительной печали, которая казалася имѣть предѣлы единственно въ надеждѣ скораго паки свиданїя.

Солиманъ желая воспользоваться сею невинною уловкою, дабы привлечь къ себѣ Генуесца, будучи увѣренъ, что его отъ того отведетъ,

когда разсудится ему за благо, поручилъ намѣреніе свое Мулею, и приказалъ ему доводить до того, что бы Муратъ довольно прилѣпился къ Султаннѣ его дщери, дабы ничего того неотказывать, что могло подавать надежду ее непокидать. Старый ренегатъ довольно искусившійся, предусматривалъ отвагу такой хитрости, и говорилъ отомъ Солиману съ вольностію: Принцесса, сказалъ ему, есть чудесное натуры созданіе, а Муратъ тоже: сіи удивленія достойныя дѣти увидя другъ друга конечно полюбятъ; любовь вкоренившаяся съ дѣтства возрастаетъ съ лѣтами, и можетъ быть ужѐ не въ силахъ ты будешь ее погасить, когда восхощешь.

Солиманъ смѣялся предсказанію ренегатову, и повторилъ ему свои повелѣніи, обнадеживая ево, что какъ скоро Генуезецъ восприіметъ законъ Магометовъ, то доставитъ онъ толико упражненія младому его мужеству, что не будетъ онъ имѣть времени, мыслить о любви. Мулей повиновался, и не помышлялъ болѣе ниочемъ, какъ о способахъ,

бахъ, исполнять волю своего государя. Между тѣмъ Муратъ и младая Султанна видѣлися порядочно во дни назначенные беемъ; и сіи частыя свиданіи толь изрядно открывали взаимныя ихъ доброты, что любовь не умедлила ихъ себѣ покорить прежде нежели узнали онѣ еще имя своея побѣдительницы, онѣ любилися, и сказывали то многократно другъ другу различными образы, не зная ни того что говорили, ниже, что дѣлали.

Но сердца ихъ будучи гораздо прозорливѣе разума наставляли ихъ мало по малу о ихъ чувствованіяхъ; и сія издѣвка, которую Солиманъ почиталъ за наипріятнѣйшую забаву, стала безъ вѣдома его наивеличайшею и постояннѣйшею въ свѣтѣ страстію: сіи младыя любители познали уже и сами тогда огромность оныя, когда надлежало положить ей предѣлы. Мулей видя нетерпѣливость, съ коею ожидалъ онъ время свиданія съ Туркіею, вздумалъ, что уже пора тому попрепятствовать: для сей причины въ одинъ изъ дней назначенныхъ къ сему свиданію, объявилъ

онъ ему отъ бея, что не можетъ онъ болѣе видѣть Принцессы не воспріявъ равнаго съ нею закона, будучи тогда въ такихъ лѣтахъ, въ коихъ отправляемый имъ возбраняетъ подъ смертною казнію имѣть обхожденіе съ Турчанками; но, продолжалъ онъ, видя его впадшаго въ глубокую печаль, отъ тебя единственно зависитъ пользоваться таковою же выгодою, здѣлавшись Магометаниномъ: бей любя тебя, и видя въ такихъ лѣтахъ, чтобъ не погрязнуть въ праздности, осыплетъ тебя богатствомъ и честію, естьли согласишься на сію премѣну, и какъ онъ извѣстенъ, что горишь ты желаніемъ прославиться, то подастъ онъ къ тому случаи поручая тебѣ знатнѣйшія должности, и ты найдешь въ немъ горячность родителю, а благодѣяніи королю сродныя.

Чего не можетъ произвесть надъ младымъ сердцемъ толь ласкательная надежда! Муратъ былъ честолюбивъ, начиналъ быть влюбленнымъ: все было обѣщано любви его и честолюбію: ласковыя поступки Солимановы истребил изъ памяти его

его родителей и отечество; и лукавый ренегатъ столько старался удалить ихъ изъ ума его, что онъ почти позабылъ и то что онъ христіанинъ; и такъ лишь только услышалъ, что надлежало точію перемѣнить законъ, дабы видѣть Туркію, и спѣшить къ славѣ, какъ радость появилась паки на лицѣ его; обнявъ Мулея молилъ его обнадежить Солимана, что полагаетъ онъ въ томъ все свое счастіе, дабы жить и умереть подъ его владычествомъ. Сія вѣдомость была ему толь пріятна что не умедлилъ онъ ее принести бею: Мулей увѣдомилъ его отомъ въ минуту, а сей Государь радуясь тому что привлекъ къ себѣ сего несравненнаго юношу, изъявилъ отомъ безмѣрное свое удовольствіе великолѣпнымъ праздноствомъ, кое учредилъ въ честь сего отъ вѣры отпаденія. Оно оправлено было съ такою знатностію, какъ будто бы то былъ собственный сынъ его.

Солиманъ не остановился на томъ, онъ осыпалъ его подарками, построилъ ему полаты, здѣлалъ загородный домъ, и хотѣлъ, чтобъ

 почи-

почитаемЪ онЪ былЪ какЪ онЪ самЪ, и дабы начать испытывать ево храбрость, и удалить отЪ Туркiи, отдалЪ его сыну Мулееву, котораго пожаловалЪ АдмираломЪ, и отправлялЪ вЪ море. Желанiе славы погасило на нѣсколько минутЪ потаенный жарЪ, коимЪ пылалЪ онЪ ко младой Султаннѣ; но когда надлежало разлучаться, и когда увидѣлЪ ее какЪ дитя вЪ послѣдней разЪ; тогда почувствовалЪ, что сiе названiе не должно ему быть болѣе даваемо; смятенiе его, безпокойство, и страхЪ ее потерять, открыли ево разумЪ, просвѣтили чуства, и подали ему знать, что любовЪ овладѣла его сердцемЪ.

Прекрасная Туркiя, хотя была и моложе ево однако скорѣе про то узнала, воспитанiе женщинЪ вЪ Сералѣ научающее точiю вЪ искуствѣ нравиться, и хитрости производимыя тамЪ непрестанно, открывають весма рано глаза тамЪ нахсдящихся, и не оставляютЪ ихЪ вЪ незнанiи такой страсти, которая обладаетЪ всѣми ихЪ чувствами: любезная Султанна здѣлала толь прiятную привычку видѣть Мурата,

гово-

говорить о немъ своимъ мамкамъ, что лишь только узнала, что онъ Магометанинъ, какъ познала изъ почувствованной ею радости, что онъ сталъ ей гораздо милѣе нежели она думала: будучи просвѣщена собственною своею прозорливостїю, и вспомоществуема остроумїемъ вѣрныхъ своихъ наперстницъ, не давала своей горячности другаго именованїя, кромѣ того, кое надлежало ей имѣть; но открывая въ себѣ самой сїю суету, приняла намѣренїе скрывать ее отъ того, который былъ предмѣтомъ оныя, и здѣлать сїю тайну непроницаему бею своему родителю: сему послѣднему предприятїю лехко ей было слѣдовать, но первое не могло устоять противъ присутствїя Муратова, и когда пришелъ онъ съ нею простился, тогда не могла довольно обладать своею печалью, дабы не изъявить оной.

Младый ея любовникъ находился не менѣе въ жестокомъ состоянїи; и какъ любовь придала имъ велерѣчїе гораздо лѣта ихъ превосходящее, то говорили онѣ толь нѣжно и чувствительно, что обѣ наперстницы бывшїе тому свидѣтели

проливали слезы. Прекрасная Туркія, говорилъ ей Муратъ, воспріявъ твой законъ, думалъ я приближиться къ тебѣ; но все что я потомъ узналъ, доказало мнѣ, что не могу я безъ преступленія изъявить тебѣ моихъ обѣтовъ, и будучи болѣе прежняго невольникомъ, возбранено мнѣ простирать мысли мои на одинъ предмѣтъ достойный занимать оныя? Вижу, что единственно юности моей дозволены были такія вольности, коихъ лишаюсь днесь на остатокъ моея жизни: Я посвятилъ тебѣ оную съ первой минуты, какъ тебя увидѣлъ: обожалъ тебя прежде нежели позналъ самъ себя, и чувствую, что буду обожать тебя до гроба: между тѣмъ не увижу тебя больше, и вся надежда, которая мнѣ остается, состоитъ въ томъ, чтобъ умереть мнѣ со славою, и что ты прольешь нѣсколько слезъ о моей смерти. Живи, Муратъ, отвѣчала ему Султанна въ слезахъ, жизнь твоя мнѣ мила, и клянусь тебѣ, что не позабуду николи той минуты, въ которую предсталъ ты моему взору. Влюбленный Муратъ хотѣлъ отвѣчать на сіи привѣтливости со всею горя-

горячностїю лѣтамъ его сродною, какъ Солиманъ ему втомъ попрепятствовалъ соединясь сънимъ; онъ пришелъ въ томъ намѣренїи, чтобъ видѣть слѣдствїи сихъ дѣтскихъ разговоровъ, но они не заслуживали ужѐ болѣе сего титула, и младые наши любители наученные любовїю, казалися дѣтьми въ глазахъ беевыхъ единственно зная, что притворство имъ нужно было въ семъ случаѣ: въ самомъ дѣлѣ политика ихъ была столь странна столь и удивительна; Султанна побѣжала на встрѣчу своему родителю съ обыкновенною своею веселостїю поздравляя его съ перемѣною закона Муратова; а Генуезецъ благодаря за ево милости, и обѣщевая ему, что употребитъ все свое старанїе ко оказанїю ему благодарности великимъ множествомъ услугъ.

бей любя ево почти столькожъ, сколько дочь свою, принялъ сїю учтивость со удовольствїемъ, и подалъ ему множество новыхъ знаковъ своея горячности. побѣжжай, сказалъ ему, любезный мой Муратъ побѣжжай и покажи тѣмъ, кои объявятъ себя нашими непрїятелями,

что мужество твое между нами не умалилось; ты уже более не въ такихъ лѣтахъ, чтобъ увядать въ поносной праздности: пора показать свѣту тѣ дарованія кои получилъ ты отъ природы; пусть слава будетъ впредь единственнымъ твоимъ упражненіемъ; и будь обнадеженъ что дружество Солимавово никогда къ тебѣ не умалится.

Потомъ обнялъ онъ его, и приказавъ женщинамъ принцессинымъ не показывать ее болѣе ни одному мущинѣ, разстался съ нею; и отправилъ Мурата: младая Принцесса опустила свое покрывало, нестолько для того, что бы послѣдовать обычаю, сколько для того, что бы сокрыть свои слезы; влюбленный Генуезецъ имѣлъ въ сію минуту нужду во всемъ притворствѣ сродномъ его Націи, дабы не оказать печали своей предъ Солиманомъ; Муратъ пошелъ въ свой домъ, обремененъ будучи толь видимою задумчивостію что старый Мулей былъ тѣмъ опечаленъ: онъ принуждалъ его долго открыть тому причину, не могши отъ него ничего получить; но наконецъ пронырливый Сициліанецъ умѣлъ

мѣлъ толь изрядно воспользоваться тою властїю, которую имѣлъ надъ умомъ его, что повѣдалъ онъ ему свою тайну.

Ренегатъ не столько тому чудился сколько того убоялся: онъ того ожидалъ; но опасность, коей Муратъ подвергался, естьли любовь его дойдетъ до познанїя беева, приводила его въ трепетъ; и какъ смущенїе, въ кое мысль сїя его повергла, принудило его хранить безмолвїе: чтожє! сказалъ ему Генуезецъ, посмотрѣвъ на него быстро, не ужѐ ли обманулся я въ моей довѣренности? И не ужѐ ли Мулей удобенъ помыслить мнѣ измѣнить? Какъ сїи слова вывели Сицилїанца изъ его задумчивости: Клянусь, сказалъ онъ ему, святымъ нашимъ пророкомъ, что гораздо мнѣ лехче причинить себѣ смерть, нежели на одну минуту подвергнуть жизнь твою опасности: я пренебрегъ мой собственный покой стараяся о тебѣ; и предусматриваю толь великїя отъ тебя дѣла, что не съ меншимъ взираю на тебя почтенїемъ, какъ и горячностїю, сколь ты еще ни младъ.

Любовь

Любовь твоя меня не удивляетъ, но опасность меня устрашаетъ; заключи пламя сіе въ твоемъ сердцѣ, естьли не можешь ево погасить; побѣжжай, поспѣшай къ славѣ, здѣлай себя надобнымъ бею, и положись на мое усердіе и вѣрность. Мулей произнесъ сіи слова съ такимъ жаромъ, которой изъявлялъ ихъ искренность.

Муратъ благодарилъ его за то, и нашедъ пріятную отраду въ томъ, что могъ кому нибудь открывать свое сердце, открылъ ему всѣ свои тайности: но Мулей, продолжалъ онъ, не думай, что бы сильная страсть воспаляющая меня, истребила во мнѣ желаніе славы; напротивъ того любовь будетъ подпорою той, которую я пріобрѣсть желаю, и естьли скорая кончина не удержитъ теченія моея надежды, то осмѣливаюсь обѣщать тебѣ, что образъ прекрасныя моея Туркіи присутствуя всегда въ моихъ мысляхъ возбудитъ гораздо лучше мое мужество нежели всѣ высокія достоинства, коими бей меня ласкаетъ. Въ таковыхъ то разговорахъ препровождалъ Муратъ время до своего отъ-

отъѣзда, который послѣдовалъ мало дней послѣ того спустя.

Адмиралъ отправился въ море; и во время трехъ кампаній, кои Муратъ съ нимъ учинилъ, подалъ онъ опыты храбрости и благоразумія толь мало обычайные, что въ семнатцать лѣтъ его возраста слухъ носился ужѐ о немъ какъ о весма искусномъ въ войнѣ мужѣ; но еще побуждало ему удивляться свойство ево души, которое оказывалося при многихъ случаяхъ: великодушіе, ласковость человѣколюбіе, соболѣзнованіе, чистосердечіе, твердость въ словѣ, были тѣ качества, коими природа увѣнчала наружныя ево прелести: онъ былъ наипрекраснѣйшій, дороднѣйшій и храбрѣйшій мужъ своего времени.

Дарованіи толь неоцѣненныя и толь между Варварами рѣдкі, привлекли къ нему всѣ сердца, а особливо беево, который возъимѣлъ къ нему толико повѣренности что не дѣлалъ болѣе ни чего безъ ево совѣта; но всей славы, коею Муратъ былъ покрытъ, не довольно было къ тому чтобъ здѣлать его счастливымъ, любовь его къ Туркіи возрастала

стала подъ тѣнїю лавръ, и лѣта только лишь умножали ево пламя: младая Султанна соотвѣтствовала оному всею своею горячностїю; слухъ о ево Храбрости и о многихъ знаменитыхъ дѣлахъ, не далъ ей времени ево позабыть; она любила ево столькожъ сколько имъ была любима; но трудность, сказывать отомъ другъ другу, полагала бѣдственную горесть сему удовольствїю: все обхожденїе возбранено было Мурату съ живущими въ Сералѣ женщинами: и изящныя качества приведшїя его въ любовь къ Туркамъ, дѣлали его въ тожъ время толь опаснымъ предмѣтомъ для беевыхъ женъ, что не возмонжо было, дозволить ему ихъ видѣть. Между тѣмъ, какъ нѣтъ ничего для любви невозможнаго, сїи любители употребляли толико хитростей и толико различныхъ проныръствъ, что удалося имъ сообщить другъ другу свои мысли, одному помощїю стараго Мулея, а другой посредствомъ двухъ своихъ наперстницъ. Сего бы довольно было для простой волокиты, но весма мало для двухъ сердецъ сопряженныхъ союзомъ любви основательной

льной и сильной. Муратъ не могъ заключить оной въ своемъ сердцѣ; онъ хотѣлъ либо умереть, или наслаждаться еще удовольствїемъ видя ту, которую обожалъ; и дабы въ томъ успѣть, возъимѣлъ онъ прибѣжище къ Сицилїанцу, у коего просилъ помощи съ такимъ жаромъ, что представя ему всѣ опасности таковаго предпрїятїя, вознамѣрился онъ наконецъ, ему въ томъ помогать.

Мулей имѣлъ у себя чернаго Евнуха, который по своему безобразїю имѣлъ дозволенїе ходить повсюду; онъ былъ искреннїй другъ начальнику тѣхъ, кои стерегли Сераль Солимановъ; и Мулей зная его вѣрность, воспрїялъ прибѣжище къ нему, дабы доставить счастливый успѣхъ намѣренїю Муратову; и такъ приказалъ ему довесть дотого, что бы поговорить съ наперстицами Туркїиными, и принять съ ними мѣры нестоль опасныя, дабы промыслить свиданїе симъ двумъ нѣжнымъ любовникамъ.

Ассанъ, [такъ назывался Евнухъ;] радуясь сей комиссїи увѣрявшей его о довѣренности своего господина,

сподина, и о благодарности Муратовой, обѣщалъ ничего не щадить, и успѣть въ томъ, чего отъ него требовали. Въ самомъ дѣлѣ отъ сея минуты пошедъ въ Сераль въ обыкновенные свои часы, когда хаживалъ къ начальнику Евнуховъ, просилъ его дозволить ему увидѣться съ Фатимою старейшею изъ мамокъ принцессиныхъ, дабы показать ей алмазъ купленный имъ у одного жида, желая, что бы Туркія оный у него перекупила.

Началникъ Евнуховъ не видя никакой опасности, въ оказаніи ему сего удовольствія, провелъ его самъ въ покои принцессины, и приказавъ позвать Фатиму, оставилъ его съ нею. Ассанъ отправилъ тотчасъ свою комиссію, а наперстинца помысливъ нѣсколько времени, дабы поискать способовъ, вдругъ приняла намѣреніе, и сказала Ассану, что чрезъ два дни назначитъ она ему время, когда Мурату возможно будетъ увидѣть принцессу, и отослала ево отъ себя немедлѣнно, опасаясь, чтобъ долговремянной разговоръ не подалъ подозрѣнія. Ассанъ, будучи хитръ и проницателенъ, благодарилъ своему

ему

ему другу, и сказалъ ему, что Фатима хотѣла дать ему отвѣтъ непрежде какъ чрезъ два дни.

Сїе малое время казолося цѣлымъ вѣкомъ влюбленному Мурату, и срокъ почти прошелъ, а отъ Фатимы не имѣли ни какова извѣстїя, какъ началникъ Евнуховъ призвалъ Ассана; онъ побѣжалъ туда; и невольникъ Серальскїй лишъ только ево увидѣлъ, какъ послѣ обыкновенныхъ учтивостей: мнѣ очень досадно, сказалъ онъ ему, что ты не сказалъ мнѣ съ начала прямаго твоего намѣренїя; ты бы не ожидалъ такъ долго; Фатима мнѣ все вчера разсказала, и увѣдомила меня, что ты приходилъ единственно для того, чтобъ получить нѣкоторую милость отъ Принцессы въ ползу Мулееву, но не могши ни чего просить у бея, не увѣдомивъ ее совершенно, надобно, что бы поговорила она сама съ твоимъ господиномъ, и какъ никто не можетъ быть введенъ въ Сераль безъ моего позволенїя, то Принцесса приказала меня просить, что бы впустить къ ней Мулея сего вечера; я не разсудилъ за благо отказать въ такой безлѣ-

лицѢ младой СултаннѢ. Мулей уже въ такихъ лѢтахъ, что не подаетъ мнѢ причины бояться, и онъ можетъ оказать мнѣ толь великія услуги, что я радуюсь, что могу ему быть полезенъ; и такъ, любезный мой Ассанъ, приведи же ево послѢ третіей молитвы, я постараюсь, чтобъ никто съ нимъ не встрѢтился; ты знаешъ закоулки Сераля, свѢча вамъ не надобна, для опасности что бы чево неслучилося; я встречу тебя у дверей покоя Туркіина; особливо храните молчаніе входя и выходя.

Ассанъ слушалъ сей продолжительный разговоръ съ великимъ вниманіемъ, и проразумѢвая намѢреніе Султаннино, здѢлалъ другу своему нѢсколько ложныхъ извиненій о мнимой своей тайнѢ, и понесъ тотчасъ сію вѢдомость Мурату и Мулею. Сей послѢдній не могъ удержаться отъ смѢху надъ тѢмъ видомъ, подъ коимъ Муратъ долженъ былъ показаться въ глазахъ Принцессиныхъ, ибо казалось, что глубокой его старосты не лехко подражать осмнатцати лѢтнему человѢку; но любовь остроумна, и страсшный Генуезецъ принялъ

нялъ бы на себя всѣ виды съ радостїю, дабы увидѣть Принцессу. И такъ лишь только толь вожделенная минута настала, какъ Муратъ принуждалъ Ассана отвести его въ Сераль. Невольникъ повиновался, а начальникъ Евнуховъ толь изрядно прїуготовилъ все, что никакая худая встреча ихъ не потревожила: Муратъ оперся одною рукою на Ассана, какъ дѣлывалъ обыкновенно Мулей, а другою держалъ платокъ на своемъ лицѣ, ибо Сицилїанецъ имѣлъ оный всегда для своихъ глазъ, кои у него болѣли; и сїе такъ благопоспѣшествовало намерѣнїю Муратову, что Евнухъ совершенно тѣмъ былъ обманутъ. Какъ скоро Ассанъ себя наименовалъ, то отворилъ онъ ему дверь комнаты Туркїиной. Фатима ожидавшая его затворила оную, сколь скоро онъ вошелъ, оставя обѣихъ Евнуховъ вмѣстѣ задверью.

Тогда Муратъ переставъ принуждать себя показался въ глазахъ Фатиминыхъ со всѣми своими прелестьми; она проводила его въ кабинетъ младыя Туркїи, оный былъ освѣщенъ великимъ множествомъ факеловъ, Султанна сидящая на

Софѣ и сіяющая тьмою прелестей, хотѣла привстать, дабы ити къ Мурату, но радость и страхъ лишили ее потребныхъ къ тому силъ, а сей нѣжный любовникъ воспользуясь ея смущеніемъ, всталъ предъ ея колѣна, обнялъ оныя съ восторгомъ, и немогши изобразить различныхъ движеній своея души, оставилъ глазамъ своимъ попеченіе изъяснить оныя: Султанна разумѣла ихъ, и отвѣтствовала на оныя съ неменшимъ красноречіемъ. Сіи двое любителей не видѣвшіяся около двухъ лѣтъ, нашли другъ друга толь превосходными предъ тѣмъ, что были въ ребячествѣ, что изъявили въ глазахъ своихъ сколько любви, столько и удивленія.

Наконецъ, когда безмѣрное ихъ удовольствіе дозволило имъ говорить: Сколь я благополученъ, вскричалъ Муратъ, что не ненавидимъ прелестною Туркіею! Сколь судьба моя завидна, пресѣкла Султанна, что обладаетъ сердцемъ храбраго Мурата! Но увы! продолжалъ онъ, чемъ больше мое счастіе, тѣмъ больше опасаюсь я ево потерять; несравненная дщерь Солиманова не

можетъ

может быть назначена невольнику Мурату, а минута довлеющая предать ее въ объятіи другаго, будетъ виною моея смерти. Не нарушай, сказала ему Принцесса, тѣхъ минутъ, коими мы наслаждаемся, толь плачевными воображеніями. Дщерь Солимонову не лехко побѣдить можно; гордость беева не пріуготовляетъ ей жребія обычайнаго, а моя не допуститъ меня никогда сыскать то, что бы уподобилося Мурату. Возлюбимъ другъ друга, продолжала она посмотрѣвъ на него съ нѣжностію, подадимъ другъ другу всѣ знаки любьви, кои слава моя и случаи намъ дозволить могутъ, и положимся въ протчемъ на судьбу. Муратъ плѣненный намѣреніемъ Туркіиным, изъявилъ ей зато свою благодарность новыми клятвами вѣрности, и какъ сей разговоръ совершенно подалъ имъ знать, сколь онѣ были другъ друга достойны, то придалъ онъ новую силу любви ихъ, ни уменшая однакожъ ни мало почтенія въ любовникѣ и благоразумія въ любовницѣ: никогда страсть не бывала со обѣихъ сторонъ толь сильна, и никогда не бы-

вала оная въ сихъ странахъ толь постоянно провождаема благоразуміемъ и добродѣтелью. Какъ боялись онѣ подать подозрѣніе Евнуха, то сіе свиданіе не было толь продолжительно, какъ бы онѣ желали; но когда наперстницы попросили ихъ разстаться, естли хотятъ онѣ увидѣться безъ опасенія вторично, тогда принуждены онѣ были нато согласиться. Вздохи, слезы и клятвы, любить другъ друга до гроба, употреблены были при семъ прощаніи, какъ будто бы имъ во вѣки не видѣться, хотя принимали въ тожъ самое время мѣры, что бы наслаждаться еще симъ удовольствіемъ. Наконецъ Муратъ не хотя противиться прошеніямъ женщинъ Туркіиныхъ, побуждающихъ его вытти, дозволилъ себя вывесть къ Евнуху, который отворилъ ему дверь, такъ какъ учинилъ онъ то при ево входѣ.

Муратъ принялъ на себя тогда видъ сутуловатый и горбатый, каковый имѣлъ Мулей, и дабы лучше ослѣпить глаза невольниковы, положилъ ему мимоходомъ въ руку кошелекъ златомъ наполненный, и

тяжесть

тяжесть оная произвела такое дѣйствїе надъ симъ сребролюбцемъ, что показалъ бы онъ ему всѣхъ королевскихъ женъ, естьлибъ изъявилъ онъ малѣйшее къ тому желанїе. Между тѣмъ прямый Мулей находился въ крайнемъ безпокойствѣ. Опасность, коей Муратъ подвергался, приводила его въ трепетъ до самой минуты его возвращенїя: присутствїе его прогнало страхъ, и влюбленный Генуезецъ разсказалъ ему про свою бесѣду такимъ образомъ, который не подавалъ причины сомнѣваться о жестокости его пламѣни: онъ подарилъ Ассану кошелекъ равный тому, который далъ онъ начальнику Евнуховъ, и щедрость ево не остановилась на сихъ слабыхъ знакахъ благодарности, онъ простеръ оную даже до того, что испросилъ ему знатный чинъ у бея; но между тѣмъ, какъ промышлялъ онъ другимъ удовольствїе, и Солиманъ благословлялъ тотъ день, въ который попался онъ въ ево оковы, онъ одинъ воздыхалъ тайно о принужденїи, кое наложено было любви его, онъ бы желалъ ежеминутно видѣть прекрасную

сную Туркію, онъ бы предпочелъ имя ея супруга всѣмъ величествамъ въ свѣтѣ; но ни одно изъ сихъ желаній не могло исполниться безъ чуда.

Сія мысль ввергала его въ такія безпокойства, кои часто видимы были тѣми самими, которымъ надлежало не знать тому причины: бей, коего дружество не дозволяло быть равнодушну при малѣйшихъ движеніяхъ Муратовыхъ, примѣтилъ первый ту печаль, коею онъ былъ обремѣненъ, и воображая себѣ, что честолюбіе было тому причиною, и что не здѣлалъ онъ еще довольно для него, поручилъ ему команду надъ кораблемъ, который приказалъ вооружать для нѣкоторыхъ знатныхъ производствъ. Сію честь возчувствовалъ Муратъ; онъ позналъ все достоинство оныя; и сердце его любило надмѣру славу, дабы не воспользоваться съ радостію случаями могущими ему снискать оную: но не взирая на сіи благородныя склонности, Туркія владычествовавшая надъ протчими движеніями души его, недавала ему наслаждаться совершенно тѣмъ удовольствіемъ, кое щедроты беевы

вы въ немъ причиняли: онъ помышлялъ непрестанно, что во время его отсутствія отдадутъ Принцессу за другаго, и что есть ли избѣжитъ онъ смерти въ сраженіяхъ, то найдетъ оную въ Тунисѣ, узнавъ про сію плачевную вѣдомость.

Мулей видя его въ семъ непрестанномъ страхѣ, старался укрѣплять его обнадеживаніями: не думай, говорилъ онъ ему, чтобъ Солиманъ безъ труда вознамѣрился отдать Султанну за одного изъ своихъ подданныхъ: гордость побуждаетъ его признавать сей обычай недостойнымъ высокаго его степени, и я сто разъ отъ него слыхалъ, что лутче хочетъ онъ, что бы осталась она на всю жизнь свою въ его Сералѣ, нежели вышла за невольника. Правда, что сіе намѣреніе кажется такъ же жестоко и для тебя какъ и для другихъ; но, Муратъ, ты имѣешь добродѣтели, отличающія тебя отъ протчихъ мущинъ, и кажется, что Солиманъ любитъ Корону единственно для того, что приводитъ она его въ состояніе, изливать на тебя свои благодѣянія; продолжай при-

ходить къ нему болѣе въ любовь, и возлагай все твое упованіе на власть, которую надъ нимъ имѣешь; можетъ быть обрящешь счастіе свое тамъ гдѣ не предвидишь ничего кромѣ злополучій. Ты мнѣ льстишь, любезный Мулей, отвѣчалъ Муратъ, но утѣшаешь меня; и кажется что сердце мое согласуяся съ тобою обѣщаетъ мнѣ еще болѣе того. Такимъ то образомъ Муратъ препровождалъ тѣ минуты, кои оставалися ему отъ пребыванія его при беѣ и отъ протчихъ его упражненій; между тѣмъ время его отъѣзда наступило, и не взирая на всѣ его старанiи, не могъ онъ найти способовъ проститься съ Султанною. Какъ начальникъ Евнуховъ былъ болѣнъ, а Ассанъ несмѣлъ никому кромѣ ево ввѣриться, то принужденъ онъ былъ сѣсть на корабль не имѣвъ сего удовольствія. Онъ выѣхалъ изъ Туниской гавани, имѣя сердце наполненное надеждою смущеніемъ и прискорбностію; но слава подала ему скоро случаи истребить всѣ сіи движенiи.

Не успѣлъ онъ проѣхать проливъ Гибралтарскій, какъ встрѣтился при устьѣ рѣки Таго съ кораблемъ порту-

Португальскимъ, возвращающимся изъ базы, коего грузъ простирался на три милiона. Муратъ напалъ на оный, и по двухъ часахъ сраженiя овладѣвъ онымъ, приказалъ прицѣпить, и отослалъ въ Тунисъ, оставшись съ своимъ кораблемъ около пролива, дабы ожидать новаго случая прославиться. Оный неумедлилъ ему предстать, ибо переѣхавъ паки проливъ, увидѣлъ корабль Ишпанскiй вышедшiй изъ гавани Оранской, и плывущiй къ Кадиксу. Муратъ послѣдовалъ за нимъ, и напалъ на него толь жестоко, что скоро со онымъ сцѣпился, причемъ Ишпанцы оборонялись съ храбростiю, приводившею многократно во удивленiе Варваровъ; но мужество Муратово ихъ ободрило. Сей храбрый и младый морскiй разбойникъ принуждалъ ихъ ему вспомоществовать собственными своими дѣлами, и надеждою побѣды. Въ самомъ дѣлѣ вскочилъ онъ первый съ обнаженнымъ Кинжаломъ на Ишпанскiй корабль; отборные его люди возбужденные его примѣромъ учинили тоже, и въ сiю то страшную минуту подавалъ Муратъ знатные опыты неустрашимыя своея

ея храбрости и мужества Ишпанцы обезсилевшіе и почти всѣ израненные принуждены были напослѣдокъ здаться. Муратъ лишь только увидѣлъ себя обладателемъ ихъ корабля, какъ приказалъ прекратить кровопролитїе; и желая все видѣть, и привести все въ порядокъ, вошелъ онъ въ каюту, гдѣ глаза его поражены были такимъ зрѣлищемъ которое подало ему скоро поводъ оказать толикоже щедроты и великодушія, колико показалъ онъ предъ тѣмъ храбрости.

Онъ увидѣлъ младую особу удивительныя красоты, которая посреди двухъ раненыхъ переходила то къ тому то къ другому, стараясь унять прекрасными своими руками текущую изъ ранъ ихъ кровь. Сей предмѣтъ тронулъ Мурата; онъ остановился, и готовился утѣшать сїю печальную красавицу, какъ она ево увидѣла: и хотя находился онъ въ состояніи возбуждающемъ единственно ужасъ, имѣя кинжалъ въ рукѣ, и одѣяніе покрытое кровію; однако пріятный видъ лица его и тихость отъ сожалѣнія въ глазахъ его появившаяся, отняли всю причину страха

страха у прекрасной Ишпанки, которая воззрѣвъ на него видомъ удобнымъ тронуть самое безчеловѣчное сердце: храбрость твоя, говорила ему, столь знаменита, что не можетъ быть долею безчеловѣчныя души, и сожалѣніе видимое мною въ глазахъ твоихъ, обнадеживаетъ меня, что могу я воспріять прибѣжище къ нашему побѣдителю, дабы вырвать изъ челюстей смерти брата моего и жениха, кои по недостатку помощи готовятся умереть, сказала она, указывая на обѣихъ молодыхъ людей, растянувшихся у ногъ ея. Не требовалось болѣе ничего великодушному Мурату, дабы стараться спасти жизнь ихъ; и въ тужъ самую минуту позвавъ своихъ лѣкарей, приказалъ стараться о нихъ какъ о себѣ самомъ; и между тѣмъ какъ прикладывали имъ первый пластырь, онъ переведши Ишпанку на свой корабль обнадеживалъ ее, что она не обманулась во мнѣніи, которое о немъ возъимѣла, и въ доказательство своего къ ней почтенія, просилъ ее только, сказать ему, куда она намѣрена ѣхать, то отвезетъ онъ ее туда самъ.

Пре-

Прекрасная Ишпанка совершенно обнадеженная сими привѣтливыми словами: толь мало обычайно, отвѣчала ему, находить подобныхъ тебѣ варваровъ, что трудно будетъ повѣрить тому, что съ нами сего дня случилося; однако я осмѣливаюсь тебѣ сказать, что увидя тебя, я въ томъ несомнѣвалась; и ласкаюсь, что увѣдомя тебя кто мы таковы, будешь ты еще болѣе тронутъ нашимъ несчастїемъ. отецъ мой, продолжала она, есть Губернаторъ Оранскїй, и всѣхъ мѣстъ въ Африкѣ подвластныхъ королю Ишпанскому. я происхожу изъ знатной фамилїи называемой Медина Сидонїя. родитель мой зговорилъ меня за Герцога Рофельскаго, вельможу Ишпанскаго, отправилъ брата моего и меня на семъ караблѣ, дабы отъѣхать съ нимъ въ Кадиксъ, гдѣ нашему браку надлежало совершиться въ присутствїи Герцога и моей матери, которая тамъ всегда нѣкоторую часть года проживаетъ; ибо воздухъ Оранскїй противенъ ея здоровью. разсуди, великодушный побѣдитель, сколь велика будетъ печаль ея и нашихъ родителей, когда узнаютъ

они,

они, что вмѣсто брака, радости и забавъ, не имѣемъ мы предъ глазами нашими ничего кромѣ неволи и смерти.

Слезы и рыданiи пресѣкли рѣчь сея прекрасныя плѣнницы; номурать не хотя продолжить теченiя оныхъ: нѣтъ, сударыня, сказалъ ей, ни смерть ни неволя не разлучатъ никогда руками моими такихъ людей, коихъ имена я почитаю; знаю довольно, примолвилъ онъ воздохнувъ, чего стоитъ двумъ воспаленнымъ сердцамъ одна минута отсутствiя, и такъ не хочу тебя разлучать съ тѣмъ, коему надлежитъ быть твоимъ супругомъ; и естьли раны его не здѣлаютъ бѣдственнаго тому препятствiя, то единственно отъ меня зависѣть будетъ то, что бы возвесть васъ паки на верхъ вашего желанiя. Какъ перестал онъ говорить, то донесли ему, что два молодые человѣка раненые открыли глаза и начали говорить, и что ни одна изъ ранъ ихъ не найдена смертельною, ниже опасною: но спокойствiе скоро бы ихъ изцѣлило; они спрашиваютъ неотступно о состоянiи той

госпожи,

госпожи, продолжалъ пришедшïй къ нему съ симъ извѣстïемъ Турокъ, которая была съ ними, и я думаю государь, что естьли хощешь ты сохранить ихъ жизнь, то надобно тебѣ вознамѣриться, показать ее имъ. Пойдемъ, сударыня, сказалъ тотчасъ Муратъ по Ишпански, подавая ей руку, пойдемъ и покажемъ имъ, что Муратъ разбойникъ точïю по именïе. При сихъ словахъ перешедъ обое на завоеванный карабль, проводилъ онъ ее до каюты, въ которой положены были оба раненые, куда впустилъ онъ ее одну, опасаясь, чтобъ взоръ его не привелъ въ смущенïе сихъ молодыхъ господъ.

Но какъ ишпанская госпожа дала имъ знать о добродѣтели ихъ побѣдителя, то послали они просить его удостоить ихъ своимъ присутствïемъ, извиняяся въ томъ, что состоянïе ихъ препятствуетъ имъ прити къ нему, и принести благодарность за всѣ ево милости. Муратъ принялъ сïю учтивость какъ человѣкъ не имѣющïй нимало лютости сродной тѣмъ, коими онъ повелѣвалъ, пошелъ къ нимъ немедленно. Естьли великодушïе морскаго разбойника

збойника Ишпанцевъ удивило при раскизванiи сея госпожи, то видъ лица его не менше побудилъ ему чудиться: красота ево, молодость, и станъ его высокiй и величественный, видъ воинственный и тихiй, все сiе и еще множество прiятностей являющихся на лицѣ его, коихъ описать не можно, причинили ихъ удивленiе, и возбудили въ нихъ почтенiе: они изъявили ему оныя, сколько слабость ихъ могла имъ дозволить, а Муратъ отвѣтствовалъ имъ на то съ не меншимъ почтенiемъ. Сiе свиданiе было не продолжително, опасаясь, чтобъ не побудить много говорить раненыхъ; и Муратъ оставя ихъ, отдалъ свои повелѣнiи къ возврату въ Тунисъ; и приказалъ сказать кормчему Ишпанскому, что можетъ онъ пуститься въ путь ево не опасаясь, такъ что подчиненные ево не здѣлаютъ никакова безпорядка въ караблѣ непрiятельскомъ. Онъ взошелъ паки на свой, коему приказалъ возвратиться въ Тунисъ, будучи сто кратно болѣе плѣненъ учиненнымъ имъ поступкомъ, нежели тѣмъ, который снискалъ ему побѣду надъ кораблемъ Португальскимъ, хотя

добыча онаго стоила трехъ милiоновъ.

Легко разсудить можно о удивленiи Ишпанцевъ, когда провѣдали они объ отъѣздѣ и великодушiи своего побѣдителя, видя, что оставилъ онъ ихъ единственно для того дабы не слышать приносимыхъ отъ нихъ благодаренiй: сiя поступка произнесла великую молву между Хрiстiанами, и такъ умножила славу Муратову, что не инако стали о немъ говорить какъ о чрезвычайномъ человѣкѣ. Между тѣмъ прибылъ онъ въ Тунисъ, гдѣ ожидаемъ былъ беемъ съ крайнѣю нетерпѣливостiю, дабы подать ему новые опыты своего дружества; ибо взятiе трехъ милiоновъ было столь выгодно, что не можно было не изъявить ему своея радости благодѣянiями. Онъ принятъ былъ въ гавани при пальбѣ изъ всѣхъ на корабляхъ стоящихъ пушекъ, и отведенъ торжественно во дворецъ беевъ. Сей Государь не удовольствовался тѣмъ, что принялъ его съ такою славою, онъ присоединилъ къ тому наинѣжнѣйшiя ласки, называлъ его стократно своимъ сыномъ,

номъ, и приказалъ его почитать онымъ.

Муратъ принималъ всѣ сіи знаки чести съ обыкновенною своею умѣренностію, и отдалъ бею точный отчетъ во всемъ томъ, что здѣлалъ онъ съ кораблемъ Ишпанскимъ. Солиманъ любилъ великія дѣла; поступка его любимца ему понравилась; онъ похвалилъ его за оную, но крайнѣ удивился, когда надругой день по его прибытіи Мулей донесъ ему, что Муратъ положивъ въ цѣну все, что бы могъ получить отъ взятія Ишпанскаго корабля, отъ грузу на ономъ находившагося, и отъ выкупу обѣихъ господъ и госпожи, прислалъ къ нему столько денегъ, чего все оное стоило, ибо де не справедливо, примолвилъ онъ, чтобъ сожалѣніе было виною убытка его государя, котораго бы онъ не потерпѣлъ, естьлибъ менѣе онъ имѣлъ жалости, и въ самое то время Сициліанецъ приказалъ всѣ сіи денги положить къ стопамъ его. Бей подумалъ нѣсколько, потомъ спросилъ у Мулея, какимъ образомъ Муратъ могъ собрать толикое богатство? Ето все то, что

получилъ онъ отъ тебя, отвѣчалъ онъ ему, и онъ лучше хощетъ лишиться всего, нежели нарушить то, чемъ тебѣ долженъ; и сею рѣдкою вѣрностїю и великодушїемъ, непобѣдимый Муратъ находится нынѣ въ такомъ же состоянїи, въ какомъ увидѣлъ ты его въ первый разъ. Муратъ, отвѣчалъ бей, неуже ли почитаетъ меня менѣе великодушнымъ, нежели онъ? развѣ не знаетъ онъ, что я ево люблю единственно за ево добродѣтели? потомъ приказавъ Мулею отнести все сїе къ ево любимцу, повелѣлъ ему быть къ себѣ. Онъ пришелъ, Солиманъ усугубилъ свои ласки, и выговоря ему дружески за то мнѣнїе, которое онъ объ немъ имѣлъ: будучи удаленъ отъ того, продолжилъ онъ, что бы лишить тебя твоихъ богатствъ, хочу еще умножить оныя, пожаловавъ тебя Каидомъ Горы Шизеры; поди обладай симъ новымъ достоинствомъ, оно не можетъ быть въ такихъ рукахъ, кои бы мнѣ были милѣе и вѣрнѣе твоихъ.

Муратъ хотѣлъ броситься къ ногамъ беевымъ, но онъ его удержалъ.

жалЪ, приказавЪ ему жить сЪ собою какЪ сЪ своимЪ другомЪ. Достоинство Каида Горы Шизеры, близЪ Туниса, есть одно изЪ знатнѣйшихЪ мѣстЪ вЪ Государствѣ, и не дается никому кромѣ тѣхЪ, коихЪ честность безЪ поврежденія, и служитЪ наградою за наивящія услуги: МуратЪ принялЪ оное за совершенную милость, и исправлялЪ сЪ толикою честію, что Турки чрезвычайную кЪ нему любовь возымѣли; но между тѣмЪ страсть ево не дозволяла ему совершенно наслаждаться пріятностьми счастія. ЧемЪ болѣе возводимЪ былЪ вЪ достоинства, тѣмЪ больше желалЪ раздѣлять оныя сЪ предмѣтомЪ своего пламѣни. Прекрасная Туркія не менѣе ево была нѣжна, и питала любовь свою всѣми опытами, кои могла ему подать о своихЪ чувствованіяхЪ; и сія страсть побуждала ихЪ изобрѣтать ежедневно новые способы, писать другЪ кЪ другу или видѣться, такЪ что сообщали онѣ всегда другЪ другу свои мысли; но какЪ чинЪ Каида принудилЪ Мурата пребывать нѣсколько времени вЪ Шизерѣ, то надлежало имЪ пресѣчь на

малое время продолженіе сего пріятнаго обхожденія: Сей промежутокЪ не уменшилЪ нимало ихЪ постоянства, онѣ любилися сЪ толикою же ревностію вЪ дали, какЪ и вЪ близости, и любовь не имѣла никогда вѣрнѣйшихЪ невольниковЪ.

Но СолиманЪ не могши жить безЪ Мурата, приказалЪ ему скоро возвратиться, и желая привязать его кЪ себѣ на всегда, пожаловалЪ своимЪ намѣстникомЪ на море и на сухомЪ пути. Лишь только получилЪ онЪ сіе высокое достоинство, какЪ предстали случаи показать, сколь онЪ ево заслуживалЪ. ВЪ Тунисѣ возстали бунты и мятежи на обѣихЪ стихіяхЪ, но МуратЪ будучи генераломЪ надЪ галерами и намѣстникомЪ беевымЪ, привелЪ вЪ трепетЪ бунтовщиковЪ храбростію своею и правосудіемЪ: однихЪ усмирилЪ, другихЪ покорилЪ, и всѣ тѣ, кои осмѣлились отказаться отЪ повиновенія возчувствовали силу его руки, и огромность мужества; но посреди толикаго множества храбрыхЪ дѣлЪ требовавшихЪ кровопролитія, нашелЪ онЪ таинство, изЪявить свою

щедроту

щедроту предпочитая часто вѣтьви мира прощая виновнымъ, тѣмъ Лаврамъ, коими бы кровопролитная побѣда увѣнчала главу его.

Турки взиравшіе на него со удивленіемъ, признавались, что Тунисъ долженъ былъ ему славою своею и безопасностію. Толико знаменитыхъ услугъ были причиною, что Солиманъ неполагалъ никакова различія между Муратомъ, и собою. Все дѣлалося по его совѣтамъ. Ничто нерѣшилось безъ его приговоровъ; и повелѣніи его были исполнены съ толикою же точностію и почитаніемъ какъ и беевы; но употребивъ толико времени на сниканіе славы, страстный Муратъ возжелалъ, что бы любовь его возъимѣла паки свое дѣйствіе: не довольно для него было того, что здѣлался достойнымъ всея горячности Туркіиной множествомъ знаменитыхъ дѣлъ: онъ хотѣлъ ити къ ней, и положить къ стопамъ ея Лавры свои и славу; а дабы въ томъ успѣть безъ опасенія, надлежало еще употребить Асана. Сей вѣрный Евинухъ зная, сколь нужно пріобрѣтать себѣ друзей въ Сералѣ беевомъ, свелъ тесное знаком-

ство съ надзирателемъ садовъ; и какъ съ того времени когда младая Султанна изъ дѣтства вышла, дана ей была комната, самая великолѣпная во дворцѣ, которая стояла къ симъ садамъ, то гораздо удобнѣе Мурату казалось видѣть ее въ семъ мѣстѣ нежели во внутренности Сераля. И такъ Ассанъ употребленъ былъ къ тому, чтобъ подкупить сего надзирателя, дабы дозволить сему нѣжному любовнику туда войти, когда Принцесса будетъ тамъ гулять безъ бея своего родителя; причемъ Ассанъ далъ ему знать, что одно точїю любопытство возбуждаетъ сїе желанїе въ Муратѣ, дабы посмотрѣть, таковали въ самомъ дѣлѣ Принцесса, какъ объ ней слухъ носится.

Почтительное имя генерала надъ галерами, провожденное богатымъ алмазомъ, имѣло все ожидаемое дѣйствїе. Ибрагимъ надзиратель садовъ Сералскихъ, принялъ прозбу и подарокъ съ глубочайшею покорностїю, сказавъ, что не можетъ онъ ни въ чемъ отказать непобѣдимому Мурату; но дабы неподвергать опасности ни ево ни своей жизни, просилъ его

его принять за благо переодѣться садовникомъ, и что въ семъ убранствѣ, могъ онъ безъ всякой опасности, ввесть его въ сады, и оставить его тамъ такъ долго какъ ему за благо разсудится, когда Принцесса туда выдетъ.

Не было въ томъ нужды Мурату, подъ какимъ бы видомъ ни увидѣть ему принцессу, дабы только имѣть сїе удовольствїе; и такъ положенъ былъ къ тому послѣдующїй день по захожденїи солнца, въ которое время бей никогда туда не ходилъ. Такимъ образомъ храбрый Муратъ принужденъ былъ переодѣться садовникомъ и ополчиться лопатою и граблями вмѣсто страшнаго своего кинжала. Принцесса увѣдомлена отомъ была чрезъ Ассана, и имѣя не менѣе нетерпѣливости увидѣть свѣтлѣйшаго своего любовника, сколько имѣлъ онъ съ нею разговаривать, она пошла на свиданїе со всякою точностїю. Муратъ находился ужѐ въ садахъ, когда она туда вошла: онъ увидѣлъ ее съ двумя ея наперстницами идущую къ Миртовому и Ясминному вавилону; онъ послѣдовалъ за нею,

и обое почти въ одну миунту туда вошли: наперстницы стали на выходѣ, дабы извѣстить ихъ въ случаѣ какого произшествія: и когда Султанна сѣла на дерновое канапе, тогда Муратъ бросился предъ нею на колѣни, и въ семъ видѣ разсматривая другъ друга съ равнымъ удовольствіемъ, долго пребывали не изъяснясь инако какъ взорами; но наконецъ Туркія начала говорить: любезный мой Муратъ, сказала ему, сколь чувствительно мнѣ унижать тебя даже до сего переодѣянія для такого добра, коему надлежало точію стоить тебѣ нѣсколькихъ вздоховъ, потому что оно совсемъ твое: Сколь для меня славно напротивъ того, пресѣкъ онъ съ восхищеніемъ, быть въ состояніи, подъ какимъ бы то видомъ ни было, засвидѣтельствовать клятвы моей Принцессѣ; Небо мнѣ свидѣтель, что принесу я ей на жертву жизнь мою съ толикою же радостію, съ коликою снялъ я съ себя всѣ знаки величества, которое меня безпокоитъ, потому что не могу я его дѣлить съ нею.

Живи, чтобЪ меня любить, дражайшій мой МуратЪ, отвѣчала Султанна, и будь обнадеженЪ, что вЪ какое бы состояніе ни привела тебя любовь или фортуна, будешь ты всегда имѣть одичакія прелести для вѣрной твоей Туркіи. Прекрасная Принцесса произнесла сіи слова толь нѣжно, что МуратЪ восхищенный радостію взялЪ ея руку, и поцѣловалЪ оную сЪ жаромЪ изЪявившимЪ жарЪ души его; какЪ великій крикЪ произнесенный одною изЪ ея наперстницЪ, нарушилЪ всѣ ихЪ забавы; сіи любители обратили тотчасЪ свои головы, вставЪ сЪ торопостію и увидѣли бея вЪ рукѣ кинжалЪ держащаго; глаза его были свирѣпствомЪ воспаленны, и онЪ подходилЪ грозя имЪ взглядомЪ и голосомЪ. ОнЪ пришелЪ противЪ своего обыкновенія, дабы навѣстить Принцессу; и какЪ сказали ему, что она прогуливается, то пошелЪ онЪ вЪ сады чрезЪ комнату своея дщери; и сіе было причиною, что никто ево не усмотрѣлЪ: какЪ стопы его сперва направлены были кЪ вавилону, такимЪ закоулкомЪ, коего наперстницы нестерегли, то былЪ

былЪ онЪ ужѐ готовЪ войти во оный, какЪ увидѣлЪ Туркїю и мнимаго садовника вЪ объявленномЪ мною состоянїи: сей предмѣтЪ принудилЪ его нѣсколько шаговЪ отступить; но узнавЪ Мурата по его голосу, и увидя его цѣлующаго руку Принцессину, свирѣпство овладѣло его душею, и подходящаго его вЪ изступленїи одна изЪ наперстницЪ увидѣла вЪ такой отЪ себя близости, что побѣжала крича изо всей своей силы.

Свирѣпый СолиманЪ лишь только узнанЪ былЪ отЪ обоихЪ любовниковЪ, какЪ бросились онѣ кЪ нему на встрѣчу сЪ одинакимЪ намѣренїемЪ, не сообща онаго другЪ другу, онѣ упали предЪ нимЪ на колѣни, и МуратЪ не устрашась кинжала уже подъятаго надЪ главою его: рази СолиманЪ, сказалЪ ему, освобождай скоряе нещастнаго Мурата отЪ такой жизни, которая не можетЪ инако быть какЪ бѣдственна безЪ обладанїя сею прелестною принцессою; но не повергай ни на кого кромѣ меня сего бѣдственнаго желѣза, одинЪ я виновенЪ, я одинЪ и достоинЪ смерти; обожаю Туркїю

сЪ

съ самой той минуты; какъ представилъ ты ее моему взору; и въ тѣ самые часы, въ кои посвящалъ я тебѣ и кровь мою и жизнь, предалъ я ей мое сердце; я ее обольстилъ, я здѣлалъ все, я покушался на все, отважился, дабы притти къ ней въ любовь. рази же, Солиманъ, и накажи такое преступленіе, которое я и теперь еще съ довольнымъ дерзновеніемъ невинности предпочитаю. Постой, Солиманъ, вскричала нѣжная Султанна, имѣя глаза орошенные слезами, не внимай такого человѣка, въ коемъ страхъ о моей жизни, испровергаетъ чистосердечіе; я одна достойна смерти: я люблю Мурата съ самого моего младенчества, горячность моя возрастала съ разумомъ: я убѣдила моихъ женщинъ: я нарушила законы Сераля, дабы дать знать склонности мои одному въ свѣтѣ человѣку, могущему быть ихъ достойнымъ: признаюсь тебѣ и въ томъ, что я ласкалась, что храбрость ево, хорошіе поступки, и великія услуги, приведшія его въ таковую къ тебѣ любовь, побудятъ тебя извинить мою слабость: я обманулась; тебя обидѣла; но не

ноне могу перестать ево любить: рази же, Солиманъ, рази, отче мой! и отмсти единственно надъ твоею, дщерїю ту обиду, которую еще и теперь сердце ея любитъ паче своея жизни.

Солиманъ остановившись не взирая на гнѣвъ свой, когда увидѣлъ ихъ у ногъ своихъ, бросалъ взоры свои то на того на другую, власно какъ бы желая ободрить себя къ совершенїю своея мести: но вмѣсто того что бы сїи предмѣты возбудили его свирѣпство, они точїю оное уменшили: красота Туркїина, младость ея; прелести Муратовы, услуги его, мужество и великодушїе обоихъ въ толь опасномъ случаѣ, а наипаче всего природа и дружество за нихъ предстательствующїя, предали духъ его наижесточайшему волненїю. Во время ихъ разговоровъ борясь между гнѣвомъ и любовїю, между негодованїемъ и благодарностїю, казался неподвижнымъ; но когда напослѣдокъ нѣжныя движенїи одержали верхъ въ его сердцѣ, тогда рука его ужѐ подъятая для закланїя сихъ свѣтлѣйшихъ жертвъ, опустилась нечувствительно, кинжалъ вы-

выпалЪ унего изЪ рукЪ, слезы потекли изЪ глазЪ его; и разсматривая самаго себя посреди сихЪ обоихЪ любителей, кои не измѣняясь нимало вЪ лицѣ казалися точїю бояться другЪ для друга, и молить его дать имЪ первенство вЪ нанесенїи смерти, протянулЪ имЪ свои руки: Подите, вскричалЪ онЪ, надмѣру милые и любезные преступники, подите, загладьте преступленїе ваше вЪ объятїяхЪ неправеднаго Солимана; дѣти мои! продолжалЪ онЪ, прижимая ихЪ обоихЪ кЪ своей груди, позабудемЪ сїю бѣдственную минуту, или естьли приведемЪ ее на память нашу, то пусть дѣлается то единственно для того, дабы вспоминать намЪ о благоденствїи, оною произведенномЪ. Дражайшїй мой МуратЪ, прими сей залогЪ моея благодарности, сказалЪ онЪ, указывая на Султанну, будь столь же нѣжнымЪ супругомЪ, сколь вѣрнымЪ ты былЪ любовникомЪ; а тебѣ Принцесса, не думаю я лучше изъявить моей горячности, какЪ соединивЪ тебя сЪ свѣтлѣйшимЪ МуратомЪ; люби ево и почитай какЪ твоего Короля, потому что

отЪ

отъ сей минуты будетъ онъ дѣлить со мною ту Корону, которую храбрость ево толь сильно утвердила на главѣ моей.

Перемѣна толь неожидаемая причинила болѣе смятенія въ сердцахъ нашихъ любовниковъ, нежели страхъ возбудить могъ онаго. Природное ихъ краснорѣчіе не служило имъ ни къ чему при семъ случаѣ; и не могши изъяснить безмѣрныя своея радости и удивленія толь совершенно, какъ онѣ то чувствовали, слова ихъ были безъ порядка и связи; но сей родъ безпорядка былъ гораздо вразумительнѣе бею, нежели все что могли онѣ сказать съ велерѣчіемъ. Сей государь обнималъ ихъ многократно; и въ доказательство искренности своихъ ласкателствъ, простилъ онъ женщинамъ принцессинымъ, и не хотѣлъ знать, какимъ способомъ Муратъ введенъ былъ въ сады Серальскіе. Потомъ попрося его выти, и ожидать съ терпѣливостію дѣйствій его обѣщанія, разошлися они съ чувствами весма противными тѣмъ кои имѣли они за нѣсколько часовъ на передъ.

Муратъ вошедъ въ свой домъ, разсказалъ произшествїе свое старому Мулею, который чуть было не умеръ отъ ужаса, при учиненномъ ему описанїи боя въ свирѣпствѣ; но конецъ его рѣчей возвратилъ ему жизнь, и онъ стократно благодарилъ своего пророка за щастливую сїю премѣну, и поздравилъ первый Мурата королемъ. На другой день по утру бей собравъ свой совѣтъ, призвалъ къ себѣ Мурата, и какъ скоро оный сталъ на свое мѣсто, Солиманъ начавъ говорить, изобразилъ всѣ услуги, кои сей младый Герой оказалъ Государству, присовокупя къ тому славнѣйшее изчисленїе всѣхъ его добродѣтелей и великихъ дарованїй, послѣ чего объявилъ, что будучи старъ, и не въ состоянїи владѣть безъ помощи, не думалъ оказать важнѣйшей услуги своимъ подданнымъ, какъ наименовавъ Мурата своимъ Соправителемъ во время своей жизни и наслѣдникомъ по смерти; а для умноженїя радости, которую должны они имѣть при такомъ избранїи, отдаетъ онъ ему въ супружество Султанну Туркїю, единородную дщерь свою. Лишь

только бей пересталъ говорить; какъ поднялся шумъ въ собранiи, увѣрившiй его о согласiи онаго: бiенiе въ ладоши и восклицанiи продолжались нѣсколько времени, и отъ сея минуты Муратъ взявъ свое мѣсто возлѣ бея, обьявленъ былъ единогласно соправителемъ ево и преемникомъ. Новый бей отвѣтствовалъ на сiе всеобщее согласiе такою рѣчью, которая показала купно остроту его разума и умѣренность. Нѣсколько дней спустя послѣ сей церемонiи воспослѣдовалъ бракъ его съ Принцессою Туркiею: богатство и великолѣпiе были при томъ несказанны: Городъ Тунисъ раздавался по всюду кликами радости, и многiе великолѣпныя празднества отправлялися на морѣ и на сухомъ пути; но всѣ сiи изъявленiи общенародныя радости не могли сравняться съ безмѣрнымъ удовольствiемъ обоихъ супруговъ. Любовь ихъ умножилася еще съ ихъ благополучiемъ. Туркiя была горяча и вѣрна до послѣдней минуты своей жизни, а Муратъ хранилъ постоянство и по ея смерти. Кончина Солиманова послѣдовавшая нѣсколько мѣсяцовъ спустя послѣ сего

брака,

брака, оставила Мурата одного обладателемъ Короны; онъ наслаждался оною съ толикою знатностію, что исторія повѣствуетъ въ собственныхъ выраженіяхъ, что онъ придавалъ болѣе знатности достоинству Королевскому, нежели отъ него получилъ оной. Онъ былъ храбръ, великодушенъ, жалостливъ, правосуденъ и чистосердеченъ: прекрасная Туркія родила ему сына, которой бы здѣлалъ радость его совершенною, естьли бы смерть не похитила матери мало времени спустя послѣ его рожденія. Свѣтлѣйшій Муратъ, толь сильно возчувствовалъ сію утрату, что не въ состояніи былъ болѣе наслаждаться никакимъ увеселеніемъ. Любовь къ нему подданныхъ, слава о немъ распространившаяся, и собственное его Величество стали ему тягостны, не имѣя болѣе участницею во оныхъ той, которая заставляла его любить все сіе, и сія глубокая задумчивость взяла такое надъ нимъ владычество, что прекратила жизнь его въ лѣто 1646 на сороковомъ году отъ рожденія его, будучи покрытъ славою не точію отъ своего народа, но и отъ самыхъ своихъ непріятелей.



XXIV. НОВОСТЬ.

Геройческая любовь.

После того как Евнух Нарзесъ, Генералиссимъ армiй Императора Iустинiана разорилъ Тотское Государство во Италiи, убилъ своею рукою Короля Тотилу въ битвѣ произшедшей въ 552 году на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Камиллъ побѣдилъ Франковъ, называемомъ буста Галлорумъ, гдѣ поразилъ онъ на двухъ баталiяхъ Левтарида и Буцелина вошедшихъ во Италiю съ страшными Армiями; сей великiй мужъ писавъ ко Императору Iустинiану, дабы извѣстить ево о толь многихъ побѣдахъ, будучи столь же нелюбочестивъ сколь храбръ, приписалъ всю славу оныхъ ево полководцамъ, не сказавъ ни единаго слова о самомъ себѣ; но между тѣми, коихъ наиболѣе выхвалялъ онъ храбрость, имѣлъ первенство младый Палмерiй: онъ

былъ

былЪ изЪ равенны, сынЪ знатнаго отца, перешедшаго во Италію, когда славный Белїазарій командовалЪ тамЪ арміями Іустиніановыми, и убитаго при осадѢ рима, оставя сына своего Палмерія вЪ весьма младыхЪ лѢтахЪ.

Но когда НарзесЪ занялЪ мѢсто Белїазарїево вЪ сердцѢ и вЪ государствѢ ІустиніановомЪ, тогда будучи извѢщенЪ о великихЪ дѢлахЪ отца Палмеріева, вмѢнялЪ себѢ вЪ законЪ наградить оныя воспрїявЪ попеченїе о сынѢ, который прелестьми своея особы и благородными своими склонностьми подалЪ толь заблаговременно опыты, что онЪ былЪ достоинЪ той крови, отЪ коей произошелЪ; что НарзесЪ не могЪ отказать младому его мужеству. чтобЪ не подвергнуть его опасностямЪ войны прежде еще нежели былЪ онЪ вЪ лѢтахЪ носить оружїе, но онЪ произвелЪ притомЪ толь великїе успѢхи, что помрачилЪ скоро славу наистарѢйшихЪ воиновЪ, и соотвѢтствовалЪ толь совершенно стараніямЪ НарзесовымЪ и мнѢнїю, кое о немЪ возЪимѢлЪ, что возвелЪ онЪ его вЪ достоинство полководца, когда не было ему болѢе двацати двухЪ лѢтЪ.

Сей славный воинъ подававшїй ему ежедневно случаи, прославиться, имѣлъ удовольствїе видѣть его производившаго храбрость и благоразумїе въ италїанской войнѣ, кои осыпали его славою, и покрыли лаврами, очемъ увѣдомилъ онъ императора, дабы удовлетворить купно и дружество свое къ Палмерїю, и то, чемъ долженствовалъ истиннѣ. Доказательство толь достославное, провождаемое почтенїемъ всѣхъ другихъ полководцевъ, не могло не привлечь къ сему юному Герою почтенїя Цесарева, который показалъ тому знатныя опыты.

Между тѣмъ Палмерїй посреди всѣхъ своихъ высокихъ степеней не имѣлъ душевнаго спокойствїя. Онъ познал любовь также скоро, какъ и славу; сердце его побѣждено было прежде нежели рука его имѣла силу побѣждать другихъ, и благородное желанїе здѣлаться достойнымъ той, которую онъ обожалъ, приводило его часто въ тѣ опасности, въ коихъ храбрость такъ его прославила.

Клавдїя, юная красавица знатныя породы, сїявшая своими прелестьми,

и отличавшаяся отъ другихъ своими добродѣтельми была предмѣтомъ желаній храбраго Палмерія; обое будучи рождены въ Равеннѣ, любили другъ друга со младенчества, а просвѣщеніе ихъ разума объяснило взаимную ихъ горячность точію для того, дабы здѣлать оную нѣжняе и сильняе.

Клавдія потеряла начальниковъ своея жизни почти въ самое то время, какъ Палмерій лишился своего родителя, и жила подъ опекою брата, имѣвшаго одинъ изъ первѣйшихъ чиновъ въ Равеннѣ, и бывшаго во всеобщемъ почтеніи за его достоинство; онъ любилъ Палмерія; взиралъ съ радостію на начало и успѣхи любви его, и ожидалъ точію окончанія войны, дабы увѣнчать оную благополучнымъ бракомъ.

Слухъ о великихъ дѣлахъ сего младаго воина, и слава, коею былъ онъ покрытъ, умножая горячность Клавдіину, умножали такожде и желаніе, кое имѣлъ Марій братъ ея, видѣть ихъ сопряженныхъ; и отсутствіе сего друга и несравненныя его сестры побуждало всегда воздыхать Палмерія посреди похвалъ ему при-

приписуемыхъ; между тѣмъ пребывая въ надеждѣ соединиться съ ними послѣ славныхъ производствъ Нарзесовыхъ, услаждалъ онъ свое мученіе, давая имъ часто о себѣ знать, и получая отъ нихъ отвѣты.

Но по несчастію, коего не могъ онъ предвидѣть, увидѣлъ онъ себя столь же далека отъ своего благополучія, сколь чаялъ быть близъ онаго. Императрица Евдоксія Софія владѣвшая самовластво надъ Іустиніаномъ, думая имѣть причину жаловаться на Нарзеса, коего высокая слава начала ей подавать подозрѣніе, употребила толико противъ него хитростей, что удалось ей принудить императора отозвать сего великаго Полководца; и сія Государыня желая ему показать, что сей ударъ произошелъ отъ ея къ нему ненависти, присовокупя обиду къ немилости, повелѣла ему оставить правленіе Италіи и пріѣхать въ Константинополь прясть съ ея женщинами. Нарзесъ будучи болѣе огорченъ сею колкою насмѣшкою, нежели своимъ несчастіемъ, здѣлалъ ей такой отвѣтъ, что спрядетъ онъ такую нитку, которую

рую не лехко она разорветъ. Въ самомъ дѣлѣ призвалъ онъ Лонгобардовъ во Италїю, кои взяли главнѣйшїя мѣста, побили армїю Императорскую, овладѣли городомъ Равенною и его уѣздомъ, не взирая на сопротивленїе Марїево, который тамъ командовалъ, и принудили остальную армїю Цесареву ретироваться въ Римъ, и въ другїя мѣста, кои еще не здалися симъ новымъ завоевателямъ. Палмерїй командовавшїй корпусомъ войскъ, кои недовольно были сильны выдерживать битву, ретировался также въ Римъ, пораженный печалїю, зная, что Клавдїя находилась посреди Варваровъ, подвержена всему ужасу войны кровопролитной, и безъ всякой иной помощи кромѣ своея добродѣтели.

Нарзесъ зная страсть Палмерїеву, и охотно бы желая имѣть его товарищемъ своего мятежа, писалъ къ нему многократно, и не щадилъ ни прозбы ни обѣщанїй, дабы его уговорить, и приводя ему во уваженїе тѣ опыты, кои подалъ онъ ему о своемъ дружествѣ, употреблялъ все свое старанїе, дабы возбудить его

его благодарность, обнадеживая его, что принявъ его сторону, здѣлаетъ онъ его обладателемъ Клавдіи, такъ что не будетъ она нимало опасаться бѣдствій войны въ таковомъ случаѣ: что онъ испроситъ ему правленіе Равенны у Короля Лонгобордскаго, и будучи властелиномъ города и свѣтлѣйшей его невѣсты, освободитъ онъ и тотъ и другую отъ свирѣпства завоевателей: но храбрый Палмерій будучи вѣренъ своему Императору не могъ поколебаться толь знатными выгодами, и отвѣтствовалъ великодушно Нарзесу, что хотя обучался онъ подъ его повелѣніями военному искуству, однако не наученъ былъ притомъ нарушать вѣрность своему Государю; ты далъ мнѣ въ руки оружіе, примолвилъ онъ; единственно для пользы Императорской и для него одного буду я носить оное до послѣдняго моего издыханія; благодарность, коею я тебѣ долженъ, не превозможетъ никогда моея должности и я знаю, что Клавдія почтетъ меня недостойнымъ своея любви, естьли буду я удобенъ измѣнить своему Государю. Онъ примолвилъ

къ сему, чтосамъ непобѣдимый Нарзесъ; сколь онъ ни возбуждаемъ гнѣвомъ противъ Iустинiана, прежде всѣхъ лишитъ ево своего почтенiя, естьли приметъ онъ предложенiи не столько отъ мужества сколько отъ чувствованiя причиненныя ему обиды происходящiя.

Сей великодушный отказъ подавъ знать Нарзесу, сколь велика была добродѣтель Палмерiева, возбудилъ въ немъ удивленiе, и причинилъ сильное сожалѣнiе о ево погибѣли; но не могши охуждать его зато, что предпочелъ ему свою должность, обьявилъ онъ ему, что онъ открылъ внутренность ево души, потому что въ самомъ существѣ производимое имъ противъ Императора не отъ возмутительнаго духа происходитъ, но отъ усерднаго желанiя отмстить за обиду, которую единое пролитiе крови омыть можетъ; а что до нево, что не имѣя тому подобныхъ причинъ жалобы и мести, не удивляется, видя его непоколѣбима, почитаетъ его зато наипаче, и желаетъ къ счастiю Лонгобардскаго оружiя, чтобы Iустинiанъ неимѣлъ многотакихъ

под-

подданныхъ, кои бы уподоблялися Палмерію; и сіи оба великіе мужа изъявивъ такимъ образомъ другъ другу знаки взаимнаго почтенія, помышляли точію о томъ, что бы оказать себя въ различныхъ принятыхъ ими партіяхъ. Между тѣмъ Палмерій ретировавшись въ Римъ, собралъ тамъ остатки войскъ Императорскихъ, и возбуждая ихъ своимъ примѣромъ пребывать вѣрными своему Государю, поощрялъ ихъ предпринимать все подъ его предводительствомъ, дабы избѣжать ига Лонгобардовъ, и выгнать ихъ изъ Равенны. Между тѣмъ какъ слава и любовь ополчаютъ руку его противъ непріятелей его отечества, Клавдія не менѣе оказывала мужества въ стѣнахъ Равенскихъ добродѣтельнымъ сопротивленіемъ, кое полагала она непріятелю столь же страшному своею жестокостію, сколь неограниченною его властію.

Рутелла, одинъ изъ знаменитѣйшихъ полководцевъ Короля Лонгобардскаго, овладѣвши симъ городомъ, принялъ на себя правленіе онаго, и для первыхъ знаковъ своея власти, приказалъ посадить въ темницу Марія и

и главнѣйшихъ изъ тѣхъ, коихъ храбрость удерживала его побѣду; страхъ подобнаго сему поступка покорилъ ему другихъ, кои для спасенія своея жизни, имѣнія и вольности, старались отдавать ему почтеніе; одна только Клавдія запершись въ своихъ чертогахъ съ знатнѣйшими дамами города, воспріявшими къ ней прибѣжище, не хотѣла поклониться честолюбивому Лонгобардцу, и будучи совсемъ въ готовности погибнуть за свое отечество, какъ братъ ея и женихъ, ожидала не удивляясь и не выходя изъ своего убѣжища, какъ небу благоугодно будетъ опредѣлить ея судьбину.

Рутелла приказавшій подать себѣ списокъ всѣмъ жителямъ города Равенны, чудясь, что Клавдія знатнѣйшая между женщинами, не предстала его взору, не точію для отданія ему своего поклона, но и для прошенія за Марія, спросилъ о причинѣ того у тѣхъ, коихъ страхъ или подлость принуждали ходить къ нему на поклонъ.

Одинъ изъ нихъ по имени Галлеріонъ пылавшій тайно любовію къ несравненной сестрѣ Маріевой, думая

оказать

оказать ему знатную услугу, и побудить Рутеллу похвалить любовь его, здѣлалъ ей описаніе о сей знаменитой дѣвицѣ таково, какова была она въ самомъ существѣ, но съ такимъ жаромъ, который открывъ губернатору часть его тайны, возбудилъ въ немъ въ тожъ время безмѣрное любопытство ее узнать.

Галлеріонъ не думавъ получить себѣ солюбовника въ особѣ Рутеллы примолвилъ къ сему, что Клавдія, будучи столь же горда сколь прекрасна, взираетъ съ презрѣніемъ на всѣхъ тѣхъ, коихъ любовь дѣлаетъ ея невольниками, выключая одного изъ генераловъ Іустиніановыхъ именемъ Палмерія, который одинъ здѣлалъ ее къ себѣ чувствительною; но онъ не сомнѣвается, что бы отсутствіе и перемѣненіе государя не разорвали ихъ союза.

Рутелла возбужденный сими словами, вмѣняя себѣ въ такую же честь побѣдить сердце Клавдіино, какую приобрѣлъ онъ взятіемъ Равенны, вознамѣрился итти самъ въ домъ ея, дабы принудить ее сею отличностію признать власть

его,

его, будучи увѣренъ, что примѣръ толь важныя особы вовлечетъ брата ея и соотчичей покориться его могуществу. Въ семъ намѣренiи повелѣлъ онъ Галлерiону итти увѣдомить ее о его пришествiи. Прекрасная Клавдiя пришла въ нѣкое смятенiе услыша сiю вѣдомость; но ополчась новымъ мужествомъ, готовилась принять Рутеллу безъ пышности и безъ подлости, и повелѣвъ окружить себя всѣми женщинами стекшимися въ ея чертоги, ожидала побѣдителя съ видомъ паче удобнымъ его покорить, нежели раздражить.

Онъ послѣдовалъ скоро за своимъ посланнымъ, въ провожанiи старейшихъ своихъ офицѣровъ, и пошелъ въ комнату Клавдiину, которая удовольствуясь тѣмъ, что приказала отворить двѣри оныя, не ходя ему на встрѣтенiе, приняла его въ великолѣпномъ залѣ съ знатнѣйшими своими подругами, съ видомъ смиреннымъ и тихимъ.

Рутелла лишътолько ее увидѣлъ, какъ ослѣпившись толикою красотою, почувствовалъ себя пораженна невидимою стрѣлою, которая перемѣнивъ варварскiй его нравъ, прину-

дила

ла єво къ тому почтенїю, кое чаялъ онъ одинъ заслуживать. Я пришелъ, сударыня, сказалъ онъ ей, изъявить тебѣ мое почтенїе, потому что ты мнѣ въ ономъ отказываешь; и хотя въ моей обстоитъ власти того отъ тебя востребовать, однако я лутче хотѣлъ нѣсколько нарушить должность противъ моего Государя, нежели принудить тебя оказать мнѣ прежде всѣхъ ту честь, коею всѣ протчїе люди тебѣ долженствуютъ.

Государь, отвѣчала ему Клавдїя, я знаю законы войны, и вѣдаю, что ты мнѣ не долженъ ничемъ; но не безъизвѣстно мнѣ такожде, чего вѣрность моя къ Императору отъ меня требуетъ: не могши за него биться, храню я къ нему мое почтенїе, и клятвы, кои меня къ нему обязуютъ: и какъ въ семъ одномъ состоитъ все могущество моего пола, то не нарушу я никогда оныхъ.

Однако, пресѣкъ Рутелла плѣнясь ея разговорами, естьли знаешъ ты законы войны, то должно быть свѣдомо тебѣ и то, что все довлѣетъ быть подвластно побѣдителю; какъ я сталъ таковымъ, то опасно раздражать

жать человѣка могущаго все, и содержащаго брата твоего во своей власти. Государь, отвѣчала она, мы рождены, братъ мой и я, единственно на то чтобъ жить и умереть за отечество: ты властенъ надъ нашею жизнїю и вольностїю, но не властенъ надъ нашею волею.

Естьли бы содержалъ я Палмерїя, сказалъ онъ ей, такъ какъ и твоего брата, то можетъ быть перемѣнила бы ты рѣчь свою.

Палмерїй, отвѣчала Клавдїя покраснѣвъ, служитъ своему Государю, равно какъ и ты служишь своему; и естьли бы ты ево зналъ, то бы былъ увѣренъ, чтобъ не внушалъ онъ въ меня иныхъ склонностей.

Рутелла, коего любовь совершенно обуздала, опасаясь, чтобъ сей разговоръ не здѣлалъ надмѣру горячь, окончалъ оный, сказавъ ей, что онъ скоро ей докажетъ, что Лонгобардцы суть столь же великодушные непрїятели, сколь страшные. Между тѣму, сударыня, продолжалъ онъ, ты свободна въ Равеннѣ, и ни ты, ниже твои подруги не должны ничего, бояться тамъ, гдѣ господствуетъ Рутелла; и простясь съ нею, возвра-

тился наполненъ будучи любовью къ ней, и ненавистїю къ Палмерїю; но не хотя оказать происходящаго въ душѣ своей прежде, пока не испытаетъ всевозможныхъ способовъ ко умоленїю сего героическаго сердца, скрылъ онъ прямыя свои мысли подъ политическими причинами, подавъ знать своему совѣту, что благопристойность требуетъ возвратить свободу Марїю и всѣмъ въ темницу заключеннымъ, дабы привлечь ихъ на свою сторону сею ласкою, потому что весьма важно для остальныхъ завоеванїй Италїи имѣть на своей сторонѣ людей толь знатныхъ породою, богатствомъ, и кредитомъ, который имѣли они надъ народомъ.

И такъ положено было, что бы возвратить имъ свободу въ тужъ самую минуту, что и исполнено было безъ замедлѣнїя, но съ тою отмѣною къ Марїю, что Рутелла подалъ ему одному знаки особливаго почтенїя и благосклонности.

Марїй извѣщенный отомъ, что видѣлъ онъ Клавдїю, не сомнѣвался нимало, отъ куда происходила толикая щедрота; но не будучи

болѣе въ состоянiи, ему противиться, принялъ намѣренiе притворяться, ожидая отъ времени, или отъ какого нибудь новаго произшествiя случая показать то, что онъ пребылъ вѣренъ своему государю.

Для сей причины принималъ онъ почести отъ Рутеллы съ покорностiю и благодарностiю; и толь изрядно его обольстилъ, что не сомнѣвался онъ привлечь къ себѣ столь же скоро сестру сколь и брата. Клавдiя не ожидавшая увидѣть Марiя, безмѣрно удивилась его возврату; первыя движенiи ея сердца побуждали ее къ радости, и по горячности своей изъявила ему оную множествомъ чувствительныхъ ласковостей; но нѣсколько минутъ спустя разсудя о разговорахъ намѣстниковыхъ, и о скорости сея свободы, не могла воздержаться, чтобъ не воздохнуть отъ печали.

Благоразумный Марiй познавши ея безпокойство, уговаривалъ ее сколько возможно, и увѣдомивъ ее о своихъ подозрѣнiяхъ о любви Рутеллиной къ ней, просилъ ее имѣть терпѣнiе, не раздражать сего Варвара, и дать ему время собрать

своихъ друзей, узнать число тѣхъ, кои во внутренности пребываютъ вѣрны Императору, и поискать способовъ соединиться или увѣдомить Палмерія о всемъ происходящемъ, обнадеживая ее, что есть ли паче чаянія Рутелла восхощетъ употребить противъ ней свою власть, онъ причинитъ паче себѣ смерть нежели на то согласится: сїе обѣщанїе успокоило на время добродѣтельную Клавдїю, и принудило ее согласиться на совѣтъ его; но между тѣмъ какъ ободряли онѣ другъ друга притворяться противъ Рутеллы, онъ помышлялъ денно и ночно точїю о томъ, что бы удовольствовать свою любовь, и погубить Палмерія.

Сей младый воинъ, коего всѣ желанїи и всѣ мысли заключалися въ Равеннѣ, дѣлалъ ежедневно набѣги до самыхъ городскихъ вратъ, причинявшїе знатные уроны Рутеллѣ; иногда получалъ плѣнниковъ, иногда препятствовалъ конвоямъ туда входить, и вызывалъ на бой самыхъ отважнѣйшихъ, коихъ дерзновенїе рука его наказывала лишенїемъ ихъ жизни или вольности.

Рутелла раздраженный толь многими уронами, ставилъ ему частыя сѣти, дабы его уловить; но онъ умѣлъ всегда избѣгать оныхъ съ великимъ благоразумїемъ и славою; между тѣмъ сїи посредственныя выгоды не могли его удовольствовать; ибо онѣ не служили нимало любви его къ Клавдїи ни усердїю его къ своему государю; и такъ имѣя безмѣрное желанїе покуситься на то и другое, вознамѣрился предпрїимать все, дабы войти во градъ, увидѣть Клавдїю, и посовѣтовать съ Марїемъ для сооруженїя какого нибудь важнаго предпрїятїя противъ Рутеллы.

Хотя не зналъ онъ еще, сколь сильно онъ долженъ былъ его ненавидѣть, однако свѣданное имъ о насильствахъ его и жестокостяхъ отъ своихъ плѣнниковъ, подавало ему поводъ думать, что не трудно будетъ уговорить народъ къ сложенїю его ига. Въ самомъ дѣлѣ Рутелла присоединившїй хитрость къ лютости, показавшись сперва великодушнымъ побѣдителемъ, единственно чтобъ быть въ послѣдствїи неупросимымъ непрїятелемъ,

лишь только увидѣлъ себя самовластнымъ повелителемъ въ Равеннѣ, какъ не принуждая болѣе варварскаго своего нрава, показалъ себя таковымъ, каковъ былъ, то есть жестокимъ, обманчивымъ, кровожаждущимъ, и порочнымъ; не признавая инаго закона кромѣ своихъ страстей, похищая дщерей отъ матерей, женъ отъ мужей, и наказуя жесточайшими казньми тѣхъ, кои отказывались вспомоществовать его порокамъ, или совѣтовали ему оныя воздерживать; и сею неистовою поступкою здѣлалъ скоро Равенну ѳеатромъ слезъ, кровопролитія и безчеловѣчія.

Всѣ трепетали, всѣ стенали при единомъ имени сего тиранна; Марій и Клавдія однѣ точїю не испытали еще его свирѣпства. Онъ объявилъ свою любовь, но по счастію, кое не можно никому иному приписать, какъ бдящему непрестанно о безопасности непорочности, употреблялъ онъ еще только стараніе и почтеніе, дабы принудить себя слушать; и невзирая на горделивые отказы великодушныя Клавдіи, не покушался онъ еще

ни

ни начто противное высокой ея добродѣтели. Но братъ ея и она не менѣе отъ того терзаемы были смященіемъ и безпокойствомъ; ибо производимое имъ ежедневно противъ другихъ подавало имъ причину бояться, чтобы терпѣливость сего Тиранна напослѣдокъ не утомилася. Онѣ находились въ семъ печальномъ состояніи, когда храбрый Палмерій вознамѣрился отважиться на все, дабы ихъ увидѣть; а чтобы успѣть въ томъ съ меншею опасностію переодѣлся онъ въ крестьянина, носившаго съѣстные припасы въ городъ, намазалъ себѣ лице и руки, и зделалъ себя толь неузнаваемымъ, что безъ всякаго подозрѣнія его пропустили.

Онъ пришелъ тотчасъ къ дому Маріеву, у коего велѣлъ испросить тайное свиданіе для нѣкоего самоважнѣйшаго дѣла. Марій, коему описали мнимаго крестьянина, и который при такомъ дѣлъ состояніи думалъ, что не надлежало ничего пренебрегать, велѣлъ его тотчасъ провесть въ свой кабинетъ, гдѣ заперщись съ нимъ, обнадеживалъ его, что можетъ съ нимъ говорить

ворить свободно; но Палмерій бросясь въ его объятіи: ахъ! дражайшій мой Марій сказалъ ему, узнай напередъ вѣрнаго Палмерія, а потомъ увѣдомлю я тебя, чего желаетъ крестьянинъ.

Никогда удивленіе не было равно Маріеву, услыша гласъ, и получа ласканіи друга толь искренняго. Палмерій, другъ любезный, сказалъ онъ ему, тебя ли я вижу? Какъ сіи слова доказали свѣтлѣйшему жениху Клавдіину, что сердца ихъ къ нему не перемѣнились, то увѣдомилъ онъ Марія, какимъ образомъ вошелъ онъ въ городъ, и молилъ его немедлѣнно представить сестрѣ своей, потому что дѣлила она съ нимъ вину толь опаснаго переодѣянія. Марій склонился на то съ радостію; но дабы избѣжать смятенія, кое сіе пріятное свиданіе могло причинить Клавдіи, естьли въ томъ предупреждена не будетъ, то пошелъ онъ самъ къ ней, желая, что бы сіе свиданіе послѣдовало въ его кабинетѣ; дабы быть въ безопасности отъ любопытства женщинъ ее окружавшихъ; и увѣдомивъ ее въ корот-

кихъ

жихъ словахъ, что нѣкоторый человѣкъ пришедшій отъ Палмерія, находится скрытно въ его комнатѣ; она послѣдовала за нимъ съ такимъ жаромъ, который доказывалъ, колико сей Герой былъ милъ ея сердцу. Но что здѣлалося съ нею, когда увидѣла сего мнимаго крестьянина бросающагося къ ногамъ ея, бравшаго ее за руки, и цѣлующаго оныя, съ жаромъ, нaистрастнѣйшему человѣку въ свѣтѣ свойственнымъ. Между тѣмъ самыя сіи восхищеніи побудили ее познать любезнаго своего Палмерія, будучи увѣрена, что никто другой кромѣ его не будетъ столь дерзновененъ, чтобы изъясняться съ нею такимъ образомъ; и какъ глаза ея просвѣщенные факеломъ любьви, распознали въ семъ переодѣяніи черты запечатлѣнныя во внутренности ея души: ето Палмерій, вскричала она, сердце мое не можетъ ошибиться. О! Небо! какимъ опасностямъ, государь, подвергаешь ты дни толь драгоцѣнные!

Сей нѣжный любовникъ восхищенный любовію и радостію при толь благопріятныхъ словахъ: ка-

кія опасности, отвѣчалъ ей, не должно мнѣ пренебрегать, дабы видѣть и слышать несравненную Клавдію? Тогда Марій присоединился къ ихъ разговору, и оный касался нѣсколько минутъ до всего того, что любовь и дружество могутъ внушить чувствительнѣйшаго между трехъ особъ толь совершенно сопряженныхъ; послѣ чего Клавдія неразсудя за благо скрыть отъ Палмерія склонности Рутеллины, учинила ему искреннное признаніе въ страсти сего варвара, и въ страхѣ, коего она ожидаетъ. Палмерій слыша сіе вострепеталъ отъ гнѣва и ненависти: примемъ оружіе, Марій, сказалъ онъ, оборотясь къ нему, не будемъ больше тратить времени въ пустыхъ разсужденіяхъ; употребимъ оное на сложеніе ига ненавистнаго; тотъ достоинъ своихъ оковъ, кто не старается разорвать оныя.

Собери своихъ друзей, увѣдоми недовольныхъ, дай солдатамъ моимъ свободный входъ въ Равенну, и положись на меня въ стараніи о твоей вольности.

Сіи слова произнесенныя съ тѣмъ воинственнымъ и торжествующимъ видомъ, который сей младый воинъ умѣлъ толь изрядно употреблять для снисканія себѣ сердецъ, возбудили мужество Маріево, и будучи исполненъ усердіемъ къ своему отечеству, обѣщалъ онъ своему другу стараться съ успѣхомъ о сооруженіи себѣ партіи противъ Рутеллы, тѣмъ страшнѣйшей сему тиранну, что будетъ оная составлена изъ наилучшихъ удальцовъ Равенскихъ. Великодушная Клавдія желая имѣть участіе въ семъ благородномъ предпріятіи, сказала имъ, что имѣя при себѣ большую часть женъ, дочерей и сестръ недовольныхъ, увѣрена она, что онѣ первые будутъ возбуждать ихъ къ сложенію съ себя ига рабства; а что до нее касается, то она будучи невѣста и сестра Героевъ, будетъ всегда въ готовности доказать имъ, что достойна ихъ горячности.

Марій и свѣтлѣйшій другъ его знавшіе сію великую душу, просили ее воздерживать сіе великодушное мужество, и ожидать отъ ихъ храбрости конца общественнаго ихъ зло-

клю-

ключенія; потомъ положено было между обѣими друзьями, чтобъ не теряя ни минуты Марій собиралъ тѣхъ, коихъ почиталъ болѣе раздраженными противъ Рутеллы; возбуждалъ бы ихъ ко отмщенію, и обязавъ ихъ къ тому, принялъ бы съ ними надежднѣйшія мѣры, дабы поискать способовъ, вручить Палмерію однѣ изъ городскихъ воротъ; и учредивъ все порядочно, ево бы о томъ увѣдомилъ; чтобы Палмерій съ своей стороны приуготовилъ свои войски къ сему производству, и воспользовался еще своимъ переодѣяніемъ, дабы навѣдаться отомъ, что учинитъ Марій.

Послѣ всѣхъ сихъ намѣреній Марій и Клавдія просили Палмерія выттить, дабы могли они расположить свои поступки, не опасаясь нимало о немъ.

Сей воинъ показавшій тогда все то, чего надлежитъ ожидать отъ великаго сердца, принужденъ былъ въ сію минуту исполнить то, чего совершенная любовь отъ него требовала; сей страшный въ битвахъ Герой, приводившій все въ трепетъ единымъ взоромъ, соорожвшій намѣреніе

мѣреніе напасть на Градъ наполненный вооруженными непріятельми, охраняемый съ точностію, и нанести смерть на и храбрѣйшему изъ сихъ Варваровъ, блѣднѣетъ, воздыхаетъ, и смущается, когда видитъ, что надлежитъ покинуть имъ обожаемое; но будучи великъ и въ самыхъ своихъ слабостяхъ, умѣетъ превращать оныя въ добродѣтели тѣмъ благородствомъ, съ коимъ оныя изъясняетъ, и силою своею въ преодолѣніи оныхъ: Я отхожу, сударыня, говорилъ онъ Клавдіи, потому что присутствіе мое потребно въ Римѣ для спасенія моего отечества, и несравненныя Клавдіи; отхожу для поспѣшенія тою минутою, коей довлѣетъ меня къ ней приближить на вѣки; и клянусь Небомъ, чтобъ безъ сей сладкой надежды, ни гордый Рутелла, ни всѣ Лонгобардцы совокупно не могли изторгнуть меня изъ сихъ мѣстъ; счастливъ бы я былъ, естьли бы опасался точію о моей жизни, и естьлибъ была она одна предмѣтомъ желаній сего тиранна.

Свѣтлѣйшая Клавдія уразумѣвшая толкъ сихъ словъ, посмотрѣвъ

на

на него съ нѣжностїю: Государь, сказала ему, между тѣмъ какъ ввѣряемъ мы судьбину свою твоей храбрости; соизволь положиться на любовь въ попеченїи о твоей. Не опасайся Рутеллы болѣе при сестры Марїевой, какъ и въ битвахъ, и будь обнадеженъ, что невѣста Палмерїева будетъ подражать до гроба ево мужеству и добродѣтели.

Послѣ сихъ великодушныхъ съ обѣихъ сторонъ обѣщанїй, Марїй принудилъ ево выттти; обнявшись еще, разстались они, дабы стараться о произведенїи въ дѣйство достохвальныхъ своихъ предпрїятїй. Палмерїй вошелъ въ Римъ, не подвергнувъ себя опасностямъ въ Равеннѣ; а Марїй препроводилъ часть ночи въ посѣщенїи тѣхъ, коихъ почиталъ наипаче раздраженными противъ намѣстника.

Онъ нашелъ число оныхъ толь знатно, что не сомнѣвался о успѣхѣ своего предпрїятїя, естьли воспримутъ они довольно твердости ко исполненїю онаго; первые посылали его къ другимъ, а сїи дѣлали въ томъ участниками своихъ друзей; сїи послѣднїе вовлекали въ то своихъ,

ихъ, и Марій довелъ всѣхъ въ три ночи до того, что положено было собраться въ одномъ мѣстѣ весьма отъ города отдаленномъ и мало навѣщаемомъ; и сіе исполнено было въ четвертую ночь съ такимъ порядкомъ и молчаливостію, кои подавали довольно знать, сколь всякъ желалъ поспѣшать ко отмщенію. когда Марій примѣтилъ, что слушали его съ великимъ вниманіемъ, тогда началъ онъ предлагать глазамъ всего собранія пороки Рутеллины, насильства его, мучительства, безчеловѣчіе, жестокости и несправедливости; онъ напомнилъ имъ о обидахъ причиненныхъ ихъ женамъ и дочерямъ, и изобразилъ имъ всѣ сіи предмѣты толь живыми красками, что дрожали они отъ ярости слушая оное. Потомъ приступивъ къ вѣрности, коею должны они были Императору Іустиніану, изъявилъ имъ стыдъ, коимъ толико храбрыхъ мужей покрывали чело свое подвергаясь доброхотно игу гордаго побѣдителя, который побѣдами своими нестолько долженствовалъ собственному своему мужеству, сколько гнѣву Нарзесову; и когда всѣ показали на лицѣ своемъ сожа-

сожаленіе, кое имѣли, заслуживать сіи укоризны, тогда продолжалъ онъ такимъ образомъ: храбрые мои и несчастные сограждане, сказавъ вамъ о вашихъ несчастіяхъ, вѣдайте, что въ вашей состоитъ власти избѣжать оныхъ съ знаменитою славою! у вратъ вашихъ находится Герой, вѣрный своей должности, преисполненный любовію къ своему отечеству, пронзенный печалію о состояніи своихъ братій, воинъ великодушный, желающій вывесть васъ изъ неволи, и погубить вашихъ непріятелей; однимъ словомъ Палмерій сулитъ вамъ кровь свою и жизнь, дабы возвратить вамъ свободу.

При наименованніи Палмерія безмолвіе хранимое собраніемъ вдругъ пресѣклось, и сердца возбужденные симъ славнымъ именемъ, взявъ новую силу: да придетъ онъ, вскричали всѣ вдругъ; да покажется намъ сей непобѣдимый воинъ! мы готовы предпріять всѣ, дабы промыслить ему проходъ даже до самого сердца Рутеллина.

Тогда Марій воспользуюсь сею ревностію, сказалъ имъ, что онъ принялъ намѣреніе, кое сообщитъ гла-

главнѣйшимъ изъ нихъ, но прежде всего надлежитъ учинить торжественную присягу хранить тайну, быть вѣрными, и повиноваться слѣпо тѣмъ, коихъ назначитъ онъ ими повелѣвать. Они отвѣчали немедлѣнно на сїе предложенїе, клявшись единодушно быть покорными его повелѣнїямъ; послѣ чего Марїй назначилъ шестерыхъ изъ главнѣйшихъ и особливыхъ своихъ друзей, начальниками надъ другими, совокупно съ нимъ, и назначилъ имъ свиданїе въ послѣдующую ночь дабы увѣдомить ихъ о своемъ намѣренїи, и какимъ образомъ надлежитъ оное произвесть въ дѣйство; послѣ чего собранїе разошлося, и всякъ вошелъ въ свой домъ, имѣя сердце наполненное лестїю, и желанїемъ изъявить оную.

Напослѣдокъ въ пятую ночь Марїй собравъ своихъ друзей, открылъ имъ, что намѣренїе ево состояло въ томъ, что бы зажечь домы находящїеся въ самой отдаленной отъ города улицѣ, дабы большая часть гарнизона стараясь погасить пожаръ, была въ несостоянїи противиться его намѣренїю, состоящему въ томъ, что бы овладѣть двумя слабѣйшими

мѣстами площади, удавить караульныхъ и часовыхъ, и отворить враша Палмерію и его войскамъ, кои бы напавъ на Рутеллу незапно, рубили его войска прежде нежели онѣ будутъ имѣть время себя узнать, а онъ съ своими товарищами крича къ ружью и вольности намѣренъ итти во дворецъ намѣстниковъ съ обнаженною саблею, ударяя по всему тому, что имъ будетъ противиться дабы услать туда проходъ. Палмерій, не сомнѣваясь, что бы при словѣ вольность весь народъ не принялъ оружія, и не старался вспомоществовоть ихъ усиліямъ.

Заговорщики похвалили сіе намѣреніе, и всякъ прибавя или убавя нѣчто потому какъ разсуждали за потребно для произведенія онаго свободнѣе въ дѣйство, согласились о знакѣ, который надлежало подать Палмерію; и Марій давъ пятерымъ заговорщикамъ число тѣхъ, коими надлежало имъ командовать, оставилъ для себя прочихъ, и взявъ на себя трудъ войти въ однѣ ворота, поручилъ другія Тирену, искреннему другу Палмеріеву, доводившему часто храбрость свою до отважности.

Все

Все сїе расположивъ такимъ образомъ, Марій воспретилъ не предпринимать ничего прежде, пока не обѣявитъ онъ послѣдняго своего соизволенія, желая имѣть время совѣтовать съ Палмеріемъ, коего скрылъ онъ переодѣяніе отъ всѣхъ заговорщиковъ, ибо никто не свѣдущъ былъ отомъ, что входилъ онъ въ равенну, и долженъ былъ еще туда входить; между тѣмъ сей младый воинъ удостовѣрясь въ своихъ войскахъ, и нашедъ ихъ въ готовности ко всему тому что бы онъ ни восхотѣлъ предпріять, пошелъ еще къ Марію помощїю своего переодѣянія, гдѣ сей великодушный другъ и прекрасная его сестра увѣдомили его о заговорѣ и о знакѣ, который хотѣли ему подать. Палмерій плѣнясь симъ предпріятїемъ, дабы здѣлать его съ своей стороны неминуемымъ, началъ безпритворно осматривать мѣста, кои ему брать надлежало, и препроводилъ нѣсколько времени въ хожденіи изъ равенны въ римъ, и изъ рима въ равенну, дабы узнать внутренности и наружности того мѣста, дабы ввести войска свои съ

благоразумiемъ. Между тѣмъ Рутелла зная ту ненависть, которую къ нему имѣли, присматривалъ съ крайнимъ раченiемъ за всемъ происходящимъ въ городѣ; и уполномоченные его поступали съ толикимъ проворствомъ, что недолго пребывали они, не открывъ того, что готовится какой нибудь великой ударъ. Рутелла усугубляетъ свои вниманiи при сей вѣдомости, дабы болѣе осемъ навѣдаться, кому надлежало недовѣряться; и какъ между толикимъ множествомъ людей извѣщенныхъ о тайнѣ находится всегда какой нибудь измѣнникъ или нескромный, то и Марiева тайна не могла избѣжать обыкновеннаго жребiя заговоровъ; и либо какой нибудь заговорщикъ говорилъ на мѣру много нечаянно или умышленно, Рутелла провѣдалъ, что Палмерiй имѣлъ согласiе съ городомъ, и старался овладѣть онымъ; но какъ никто не зналъ того, что входитъ онъ во оный почти всякой день, и какъ форма предпрiятiя извѣстна была токмо пятерымъ главнѣйшимъ заговорщикамъ, мужьямъ премудрымъ и разумнымъ, остерегав-

гавшимся говорить, что намѣстникъ не могъ ничего проникнуть болѣе.

Но сего довольно было, дабы возбудить ненависть его противъ Палмерія, побудить его стараться отмстить ему всевозможнымъ образомъ; во первыхъ похитивъ у него ево невѣсту, а во вторыхъ ища всѣхъ способовъ, дабы имѣть его самого во своей власти.

Дабы лутче въ томъ успѣть, скрываетъ онъ свои страхи и подозрѣніи, утаеваетъ имъ знаемое, и отдаетъ строгіе приказы, дабы слѣдовать всѣхъ тѣхъ, кои входятъ и выходятъ изъ города; почему не возможнымъ ему кажется, не захватить кого нибудь изъ тѣхъ, кои имѣютъ согласіе съ Палмеріемъ; потомъ будучи столько терзаемъ ненавистію сколько любовію, вознамѣряется не щадить болѣе Клавдіи, и дойти съ нею до насилія, естьли презрѣніе ея будетъ продолжаться; но дабы соблюсти еще нѣкоторые остатки наружности, говоритъ онъ Марію, ласкаетъ его, и подавая ему знать, что онъ имѣетъ точію законныя намѣреніи въ разсужденіи сестры ево, проситъ его прину-

ждать ее принять его клятву. Марій былЪ болѣе искусенЪ, нежели чтобЪ не могЪ проникнуть прямыхЪ намѣреній сего Варвара; но приближаясь кЪ минутѣ отЪ него освободиться, притворился равно какЪ и онЪ, и заставивЪ его думать, что находитЪ онЪ себя почтеннымЪ его союзомЪ, обѣщалЪ ему довесть Клавдію до того, чего онЪ отЪ ней желалЪ; а между тѣмЪ будучи терзаемЪ отчаяніемЪ вошелЪ вЪ свой домЪ вЪ твердомЪ намѣреніи поспѣшить своимЪ предпріятіемЪ. КакЪ Палмерій пришелЪ кЪ нему вЪ самый тотЪ день, и зналЪ, что все готово какЪ сЪ наружи такЪ и сЪ нутри кЪ произведенію ихЪ намѣренія, то дали они другЪ другу слово кЪ завтрешней ночи; и обнявшись разсталися вЪ сей сладкой надеждѣ: но когда Палмерій былЪ вЪ готовности вытти изЪ города, тогда одинЪ изЪ шпіоновЪ РутеллинныхЪ разсматривалЪ его сЪ такимЪ вниманіемЪ, что чаялЪ видѣть вЪ немЪ нѣчто весьма превосходящее крестьянина; и дабы ничего не пренебречь, побѣжавЪ увѣдомить караульныхЪ о своихЪ подозрѣніяхЪ, приказалЪ задержать Палмерія

мерія, который безъ оружія, безъ обороны, и окруженъ будучи болѣе ста человѣкъ, не дѣлалъ ни малаго сопротивленія, противу полагая своему несчастію единственно свое постоянство, и твердость своея души; но какъ сіе великое мужество находило тогда преодѣяніе ево недостойнымъ, онъ снялъ съ лица своего и съ рукъ могущее дѣлать его еще неузнаваемымъ, хотя, что бы Рутелла видѣлъ его таковымъ, каковъ онъ былъ въ самомъ существѣ. Тотчасъ повели его къ сему намѣстнику, который не видавъ его никогда, удивился величеству вида и красотѣ лица его, и спросилъ у него, кто онъ таковъ.

Я Палмерій, отвѣчалъ онъ ему гордо: сіи слова возбудили блѣдность на лицѣ Рутеллиномъ: видъ, съ коимъ оныя произнесены были, привелъ его въ удивленіе: онъ смотрѣлъ нѣсколько времени на своего плѣнника, не говоря ничего, и какъ прелести умножили ненависть его и ревность, то допрашивалъ онъ его съ гордостію о его переодѣяніи, и грозилъ ему поносною смертію, естьли не откроетъ своего намѣренія и своихъ сообщниковъ.

Сердце мое закляло твою погибѣль, отвѣчалъ онъ ему, вотъ мое намѣренїе: я сообщилъ оное той армїи, которую Императоръ ввѣрилъ моему усердїю, а солдаты мои суть мои сообщники. Сколь ни гордъ и ни безчеловѣченъ былъ Рутелла, однако не могъ не удивляться самъ въ себѣ великодушїю сего юнаго Героя, но какъ ненависть его и природное безчеловѣчїе побуждали его вкушать злобную радость, имѣя власть освободиться отъ толь опаснаго непрїятеля, то велѣлъ онъ его отвести въ темницу, сказавъ ему, что принужденїе и муки будутъ ему возмездїемъ за его дерзость.

Между тѣмъ какъ все сїе происходило въ намѣстниковыхъ чертогахъ; домъ Марїевъ наполненъ былъ жалобами и слезами: Нѣжная и великодушная Клавдїя терзаема будучи печалїю и страхомъ призывала Небо на помощь ко избавленїю свѣтлѣйшаго своего жениха: Марїй находясь въ равномъ съ нею смущенїи, сооружалъ множество предпрїятїй, не могши ни на единомъ остановиться: весь городъ Равенна былъ въ смятенїи, народъ извѣстившiйся о взятїи Палмерїя нахо-

находился въ безпокойствѣ, заговорщики отчаялись увидя чрезъ то разрушенiе своего предпрiятiя, и присоединя еще къ своему отчаянiю страхъ быть открытымъ, не знали, къ чему вознамѣриться. Въ Римѣ стали всѣ скоро въ таковомъ же состоянiи: командовавшiй въ отсутствiи Палмерiя не видя его возвратившагося, не сомнѣвался о его несчастiи; но поступая съ благоразумiемъ, и боясь, чтобы уронъ сего Генерала не умалилъ мужества его войскъ, велѣлъ разсѣять между оными, что Палмерiй разсудилъ за благо остаться въ Равеннѣ, дабы пропустить ихъ туда самимъ собою, и что прислалъ онъ къ нему ордеръ дабы ихъ туда вести; и какъ въ самомъ дѣлѣ Палмерiй сообщилъ ему тайну своего предпрiятiя, и приказалъ ему здѣлать фальшивую атаку съ той стороны, съ которой опредѣлено зажечь городъ, дабы лучше упражнять непрiятелей; то вознамѣрился онъ привесть себя во всегдашнее состоянiе исполнять сiе намѣренiе въ такомъ случаѣ, когда заговорщики могутъ окончать свое; такъ что расположивъ войска свои

по намѣренiямъ Палмерiевымъ, вышелъ со онымъ изъ рима, продолжая походъ свой только ночью, приказавъ имъ хранить глубокое безмолвiе, и поставя ихъ такимъ образомъ, чтобъ могли они видѣть пламя, когда оное покажется, и узнать знакъ, о коемъ Палмерiй ево увѣдомилъ; ожидалъ съ твердостiю, что бы какой нибудь незапный случай увѣдомилъ его о происходящемъ въ городѣ.

Марiй не былъ также праздень, и перебѣгая каждую ночь изъ дому въ домъ, дабы возбуждать друзей своихъ къ продолженiю своего предприятiя, употреблялъ все свое красноречiе, дабы увѣрить ихъ, что легко имъ будетъ во время бунта и нестроенiя, разломать темницу Палмерiеву; но хотя были они всегда въ однѣхъ мысляхъ, однако мнѣнiе, не имѣть сего Генерала въ готовности къ ихъ воспоможенiю, уменшало такъ ихъ усердiе, что не имѣли они силы что нибудь предпрiять.

Марiй донося сестрѣ своей точно о всѣхъ своихъ поступкахъ, причинялъ ей ежедневно новыя печали, подавая

подавая ей знать о недоумѣніи своей партіи; ибо храбрый Тиренъ призналася самъ, что не возможно ни на что покуситься безъ Палмерія.

Въ сіе время Рутелла желая употребить мщеніе вмѣсто своей любви, отложивъ казнь сего юнаго Героя токмо для того, дабы получить отъ того какой нибудь новый прибытокъ, пересталъ вдругъ себя принуждать съ Маріемъ, говорилъ ему какъ повелитель, и притворясь, будто подозрѣваетъ его быть въ согласіи съ Палмеріемъ, велѣлъ его арестовать, и отвести въ особенную отъ сего Героя темницу

Тогда будучи властелиномъ двухъ главъ толь драгоцѣнныхъ Клавдіи, далъ ей знать, что не инако спасетъ она жизнь ихъ какъ лишеніемъ своея чести, и естьли сердце ея откажется согласиться на его желаніи, то повелитъ онъ ихъ умертвить при глазахъ ея наипоноснѣйшею казнію.

Какой новый громовый ударъ для Клавдіи! Какая ужасная перемѣна для любви ея и добродѣтели! но сія героическая душа почерпая мужество свое и изъ наисовершеннѣйшаго

то своего несчастія, будучи удалена отъ того, что бы отчаяться, приняла намѣреніе достойное ея великаго сердца, и своею невинною хитростію обманула и испровергнула всѣ пронырства Рутеллины; въ самомъ дѣлѣ, сія знатная дѣвица лишь только увѣдомилась о паденіи своего брата, и о склонностяхъ намѣстника, какъ притворно предалась слезамъ, дабы увѣрить сего Варвара, что не имѣя ничего кромѣ слезъ ему противу положить, сія крайнѣшая слабость доведетъ ее скоро до той, коей онъ отъ ней требовалъ; потомъ приказала испросить у него три дни сроку, дабы вознамѣриться его удовольствовать, и умѣла толь изрядно принудить себя въ своей печали и въ своихъ рѣчахъ, что Рутелла ласкаясь ужѐ удержать за собою сіе драгоцѣнное сокровище, далъ ей желанное ею время на размышленіе.

Клавдія достигшая до желаемаго, возвращается въ свой домъ; но вмѣсто того, что бы во ономъ плакать и стенать, препровождаетъ дни въ утвержденіи себя въ достохвальномъ своемъ намѣреніи, а понo-

ночамъ собираетъ друзей своего брата, принуждаетъ ихъ, уговариваетъ и ободряетъ, обнадеживая, что будутъ они имѣть въ третїю ночь Палмерїя своимъ предводителемъ.

Красота ея, мужество, краснорѣчїе и высокая добродѣтель воспрїимаютъ наконецъ толико силы надъ ихъ умами, что уговариваетъ она ихъ, и побуждаетъ клясться во исполненїи проэкта своего въ завтрешнюю ночь; и какъ Тиренъ принялъ на себя, чтобъ снабдить ихъ всемъ, то оставляетъ она ихъ, дабы окончать ею начатое.

На закатѣ солнца третїяго дня сїя Героиня пошла во дворецъ Рутеллинъ, и приказала просить у него дозволенїя увидѣться съ нимъ наединѣ: Небо, защищающее невинность какъ будто согласясь съ Клавдїею, послало на намѣстника за три дни сильную горячку и толь великую боль по всему тѣлу, что онъ ни на единомъ мѣстѣ не находилъ себѣ покоя.

Онъ былъ тогда найсильнѣйшимъ образомъ мучимъ своею болѣзнїю, когда донесли ему о пришествїи сея дѣвицы; и хотя былъ онъ въ несостоянїи

стоянїи принять таковое посѣщенїе, однако страсти имѣли такое владычество надъ его чувствами, что не могъ отречься, увидѣть ту, къ коей всѣ его желанїи клонилися. Онъ приказалъ ее впустить; и прекрасная Клавдїя ополчась новымъ предпрїятїемъ, приближась къ головамъ кровати сего Варвара, стала на колѣни, и голосомъ сердце проницающимъ говорила ему.

Государь, сказала ему, извини мои суровости гордостїю твоя крови, отъ коей я происхожу: забудь досаду, которую презрѣнїе мое возбудило въ твоемъ сердцѣ, и прими отъ сель мое для поправленїя оныя: я не была никогда нечувствительна къ твоей любви: братъ мой одинъ противоборствовалъ твоимъ желанїямъ, и принуждалъ меня быть противъ тебя неблагодарною. И такъ пришла я положась на твои обѣщанїи вручить тебѣ твою жертву, а въ награжденїе за любовь, коею тебѣ клянуся, даруй животъ двумъ несчастнымъ, коихъ щедрота твоя можетъ обязать къ твоимъ услугамъ на остатокъ ихъ жизни: я еще смѣю тебѣ обѣщать и то, чтобъ

чтобъ здѣлать тебя обладателемъ Рима и войскъ Палмеріевыхъ, естьли соизволишь ты мнѣ дозволить поговорить съ нимъ минуту.

Сіе намѣреніе продолжала она, посмотрѣвъ на него нѣжно, не сего дня уже у меня принято; желаніе, тебѣ понравиться, родило его давно во мнѣ; и естьли восхощешь ты мнѣ подать способы ко исполненію онаго, то покажу я тебѣ, что Клавдія не недостойна твоихъ стараній.

Она замолчала, а Рутелла не спускавшій глазъ съ лица ея, упившись сладкимъ ядомъ вліваемымъ въ него ея взорами, будучи преисполненъ любовію и радостію: ты можешь всего ожидать отъ меня, сказалъ ей, естьли говоришь искренно; но, сударыня, признаюсь тебѣ, что я съ трудомъ вѣрю тому, чемъ ты меня ласкаешь; и естьли не увѣдомишь меня лутче о моемъ счастіи и о твоихъ намѣреніяхъ, то не возмогу я тебѣ ничего дозволить. Я пришла не инако какъ въ семъ намѣреніи, государь, отвѣчала она ему, и не желаю скрыть отъ тебя предпріятый мною для тебя проэктъ. Палмерій меня любитъ

битъ, продолжала она, мы издавна назначены другъ для друга, и я не сомнѣваюсь, что бы переодѣяніе его не было причиною, чтобъ меня видѣть: но какъ послѣ оказываемыхъ тобою мнѣ милостей, возбранила я всѣмъ входъ въ мой покой, то не удавалося ему никогда предстать моему взору; и такъ хощу я, естьли ты мнѣ дозволишь, дать ему знать, что ты готовъ возвратить ему свободу, и согласиться на бракъ нашъ, естьли дастъ онъ мнѣ за собственною рукою ордеръ, дабы намѣстникъ ево здалъ тебѣ Римъ и ево армію; и увѣрена, что здѣлаетъ онъ все въ толь сладкой надеждѣ, зная притомъ, что онъ искренній другъ великому Нарзесу, и что съ сожалѣніемъ принужденъ онъ былъ принять противную ему партію. Сверьхъ всего того, государь, чего не можетъ произвесть любовь надъ сердцемъ ею воспаленнымъ! Надобенъ ли большій къ тому примѣръ моего? Кто бы сказалъ, увы! что бы чувствительна къ любви непобѣдимаго Рушеллы . . .

Ахъ! сего довольно, прелестная Клавдія, пресѣкъ страстный Лонгобардецъ, ослѣпленный жаромъ виновныхъ своихъ желаній, и будучи еще больнѣе отъ того, что былъ въ несостояніи оказать что иное кромѣ жестокой болѣзни имъ чувствованной: пусть отведутъ тебя къ Палмерію; говори, принуждай, старайся получить все, а я содержу все мною тебѣ обѣщанное; но воспомяни притомъ, что опасно употреблять во зло мои щедроты.

При сихъ словахъ приказавъ ее поднять; и взявъ одну изъ ея рукъ, которую поцѣловалъ съ восторгомъ изъявляющимъ толико же ярости колико любви, приказалъ позвать Капитана караульнаго, отдалъ ему свои повелѣніи, и не могши зделать ничего больше отпустилъ Клавдію, которая обѣщала ему дать отчетъ, въ томъ что учинитъ, на другой день.

Тогда подала она руку Капитану караульному, который повелъ ее въ темницу Палмеріеву, приказавъ тюремщину именемъ Рутеллы допустить ее безъ сопротивленія говорить съ своимъ плѣнникомъ.

тюремщикъ отворилъ ей дверь, и затворивъ оную за нею, увидѣла она себя на свободѣ, дѣлать то, что предпріяла.

Храбрый Палмерій нехотѣвшій подняться, услыша отворяющееся и затворяющееся печальное свое жилище, увидя при сіяніи свѣта довольно темнаго, что нѣкто къ нему подходилъ, оборотился къ той сторонѣ, дабы узнать, чего отъ него желали. Клавдія поднявъ тогда свое покрывало, и показавъ взору его сію блистающую красоту, которая одна была удобна побудить его любить жизнь и сожалѣть о ней; онъ думалъ, что ему то снится, и готовился подать знаки своего удивленія, когда сія достохвальная дѣвица приближась къ нему, положила руку свою на уста ево, дабы наложить на него молчаніе, и начавъ говорить весьма тихимъ голосомъ: не станемъ тратить время, дражайшій Палмерій, сказала ему, я обманула нашего тиранна, недостойная ево любовь употребленная во зло ложными моими обѣщаніями подаетъ мнѣ способы вывесть тебя отъ сюда: возьми мою епанчу и мое покрывало, выди

подъ

подъ моимъ именемъ изъ сего гнуснаго жилища, поспѣшай въ мой домъ; тамъ найдешь ты Тирена и ево друзей; вотъ все что я имѣю тебѣ сказать. Палмерій тронутый удивленіемъ, но наполненный страхомъ о сей несравненной дѣвицѣ, не принялъ сперва толь опаснаго для ней способа.

Но мужественная Клавдія приказала ему съ такою властію, здѣлать ею желаемое, и дала ему толь изрядно знать о слѣдствіяхъ своего предпріятія, что онъ принужденъ былъ на то согласиться. Свѣтлѣйшая его невѣста одѣла его сама во все то, чемъ могъ онъ казаться ею, разсказавъ ему съ торопостію часть того, что стыдливость ея потерпѣла отъ притворства ея съ Рутеллою. Поди же, дражайшій мой Палмерій, сказала ему, поди отмсти ненавистному солюбовнику, и свободи твою Клавдію отъ гнусности ево паки увидѣть.

Младый Герой горя любовію и мщеніемъ, обнялъ ея колѣна, и клялся ей умереть или свободить свое отечество отъ сего ненавистнаго рабства; и какъ постучался тихонько

ко удверей, то ему отперли; опущенное его покрывало, походка его ни надмѣру медлительная ни скорая непоказала ни какой перемѣны, онъ дошелъ до Капитана караульнаго, которой его ожидалъ; подалъ ему руку, велѣлъ себя проводить къ дому Клавдiину, и наклонясь къ нему на ухо, притворяя свой голосъ, объяви Рутеллѣ, сказалъ ему, что все благопоспѣшно: и что увижу я его завтра.

Сей человѣкъ не зная почти Клавдiи, и будучи обманутъ наружностью, поклонился ему, оставилъ его и пошелъ къ намѣстнику. Между тѣмъ Палмерiй пылая нетерпѣливостью, скинуть съ себя убранство неприличное его сердцу и намѣренiямъ, вошелъ съ поспѣшностiю въ покои Клавдiины.

Какъ видѣлася она тамъ съ Тиреномъ, то онъ ожидалъ ее, и лишь только увидѣлъ Палмерiя, какъ почетъ его за нее: нуже, сударыня, сказалъ ей, будемъ ли мы имѣть въ сiю ночь любезнаго нашего друга? Да, храбрый Тиренъ, отвѣчалъ онъ ему, снявъ съ себя покрывало и епанчу, въ коихъ былъ обернутъ. Палмерiй пришелъ дѣлить съ вами опас-

опасность вашу и славу; но не умедлимъ нашимъ предпріятіемъ: Клавдія находится въ опасности, поспѣшимъ освободить ее отъ буйства Варвара: освободимъ Марія, отмстимъ за наше отечество, и погубимъ Рушеллу.

Небо! сколь велика была радость Тирэнова при семъ незапномъ видѣніи: будучи увѣренъ въ побѣдѣ, потому что Палмерій былъ свободенъ, не колебался онъ болѣе; и подавъ другу своему все чего требовала горячность его и удовольствіе, велѣлъ его вооружить; и приведши его въ состояніе заставить трепетать своихъ непріятелей, повелъ его закоулками, гдѣ всѣ заговорщики были собраны.

Только и нужно было присутствіе сего Героя, дабы возвратить имъ мужество, увидя его, такъ оное въ нихъ умножилось, что имѣлъ онъ нужду во всей своей власти, дабы воспрепятствовать имъ, въ тотъ же часъ изъявить оное. Не было еще времени, ибо ночи прошло не много; и Палмерій препроводилъ нѣсколько времени въ отдаваніи наиточнѣйшихъ приказовъ, дабы ничто не недоставало ихъ намѣренію.

Наконецъ минута толь вожделенная лишь только наступила, какъ Тиренъ съ частїю своихъ подчиненныхъ довольно вооружась, и принявъ твердое намѣренїе пошелъ зажигать наиотдаленнѣйшую часть города: тогда было два часа послѣ полуночи, и имъ толь совершенно удалось оное, что менѣе нежели въ часъ пламя обхватило оную со всѣхъ сторонъ. Тогда начали бить тревогу, закричали, побѣжали; гарнизонъ пошелъ на помощь, народъ возмутился, а Тиренъ съ своими солдатами воспользуясь смятенїемъ и ужасомъ, бѣжитъ въ темницу Марїеву, убиваетъ тюремщика и всѣхъ тѣхъ, кои ему противятся, и освободя брата Клавдїина отдаетъ ему надъ собою команду, и рубя всѣхъ противящихся его проходу, крича къ ружью и вольности, доноситъ ужасъ до полатъ намѣстниковыхъ.

Между тѣмъ, какъ все удавалось толь изрядно съ сей стороны, Палмерїй предводительствуя своими овладѣлъ одними городскими воротами, коихъ караулъ ослабѣвшїй тѣми, кои побѣжали на пожаръ, не могъ противиться его ударамъ; и

полагаясь

полагаясь на точность своего Генерала порутчика, приказалъ онъ дать знакъ, о коемъ уговореносъ было.

Сей благоразумный офицеръ, коего пламя уже извѣстило, приказалъ начинать фальшивую атаку, когда услышалъ знакъ; онъ послалъ приказъ продолжать оную, дабы доставить непріятелю больше упражненія, и пошедъ немедлѣнно съ главною арміею къ тому мѣсту, гдѣ былъ Палмерій; сей воинъ не трогая никого въ городѣ, провелъ туда войска свои съ удивительнымъ порядкомъ; тогда давъ о себѣ знать, началъ ими повелѣвать, и повелъ ихъ напомощь Марію и Тирену, коимъ караульные Рутеллины храбрый отпоръ чинили: другіе заговорщики назначенные, дабы вооружать народъ, восклицая имя Палмеріево, не менѣе имѣли успѣха, младые и старые, большіе и малые, всѣ приняли оружіе, и убивали и умерщвляли всѣхъ Лонгобардовъ, кои имъ встрѣчалися.

Между тѣмъ Рутелла пробудившійся при самомъ началѣ бунта, не взирая на горячку и другія болѣзни, кои его мучили, съ торопостію повелѣлъ себя вооружить; и пора-

женъ будучи множествомъ голосовъ восклицавшихъ: да благоденствуетъ Императоръ, и да издохнетъ Рутелла, не умедлилъ принять команду надъ своею гвардіею, которая защищала мужественно входъ въ его дворецъ заговорщикамъ; но какъ Палмерій пришелъ въ тужъ минуту, то все скоро перемѣнилось, ни что не могло противу стать его ударамъ, и онъ не щадя никого умерщвлялъ, ранилъ или поражалъ на землю всѣхъ съ нимъ встрѣчавшихся; трудно бы было изобразить свирѣпство Рутеллино: онъ находился по среди своихъ подчиненныхъ, какъ левъ рыкающій, меща пламя изъ глазъ своихъ, и ругательства изо устъ; но голосъ имъ повсюду произносимый слышанъ былъ точію его непріятельми; его же подчиненные будучи въ безпорядкѣ, ранены или умирая не узнавали ужѐ его болѣе.

Палмерій, въ коемъ состояніе Клавдіино причиняло справедливый страхъ, будучи увѣренъ, что избавленіе ея зависѣло отъ смерти сего Варвара, и нарочно пришедши съ тѣмъ ко дворцу, дабы нанести ему оную, прилагалъ удивительныя у-

силіи,

силіи, дабы съ нимъ сойтись, и увидя его подъявшаго руку на Марія: Рутелла, вскричалъ ему, бросясь передъ него, не къ нему, ко мнѣ, къ Палмерію надлежитъ тебѣ прибѣгнуть, познай теперь мои намѣреніи и моихъ сообщниковъ; при сихъ словахъ бросясь на гордаго Лонгобардца, принудилъ его обратить на него свое оружіе: Рутелла будучи гордъ и храбръ защищается мужественно, но кто можетъ противиться непобѣдимому любовнику Клавдіину! онъ нападаетъ на него стремительно, повергаетъ его, и вонзя шпагу свою въ сердце сего Варвара лишаетъ его жизни съ кровію.

Гарнизонъ непріятельскій увидя войска Императорскіе разсѣянныя по городу; оставилъ врата, и укрѣпленіи, дабы прити на помощь къ губернатору; но прежде нежели могъ онъ туда дойти, другіе заговорщики соединившіеся съ вооруженнымъ народомъ, почти всѣхъ ихъ перерубили, а смерть тираннова зделала побѣду ихъ совершенною. Заговорщики лишь только увидѣли Рутеллу упадшаго, какъ закричали единогласно: вольность, да благоденствуетъ Императоръ.

Тогда то все уступило великодушнымъ старанiямъ Палмерiя и его друзей: гарнизонъ былъ весь въ куски изрубленъ, и не осталось никого изъ партiи Рутеллиной, друзья ли, родственники, жены, или дѣти, коихъ бы жители равенскiе не принесли на жертву своему мщенiю.

Между тѣмъ Палмерiй оставилъ часть войскъ своимъ друзьямъ для окончанiя сего дѣла, а самъ пошелъ съ остальнымъ въ темницу, въ коей содержалась великодушная Клавдiя: онъ нашелъ тамъ всѣхъ караульныхъ умершихъ или умирающихъ, а врата окруженныя мущинами, женщинами и дѣтьми равно вооруженными для безопасности свѣтлѣйшей своей повелительницы, которая будучи тверда посреди своихъ защитителей, не хотѣла выйти изъ сего мѣста, не увидя брата своего или Палмерiя, опасаясь подвергнуться какой нибудь вящей опасности. Побѣдоносный Палмерiй давъ о себѣ знать сему народу, увѣдомилъ его о здачѣ города, куда вошло и остальное войское во множествѣ и о смерти Рутеллиной. Они

стали

стали въ рядъ, дабы пропустить его туда, гдѣ добродѣтельная Клавдія его ожидала, моля Небо о его сохраненіи.

Сіи совершенные любители увидѣлися съ восхищеніемъ неудобь изобразимымъ. Когда видъ удовольствія сіявшій изъ очей Палмеріевыхъ извѣстилъ ее о его побѣдѣ, тогда подошла она къ нему съ пріятнымъ величествомъ: ты видишь, Государь сказала ему, указывая на народъ ее охранявшій, что можетъ произвесть имя твое надъ сердцами. Сіи храбрые жители Равенскіе пришли сюда въ томъ намѣреніи, чтобъ возвратить свободу тѣмъ нещастнымъ, коихъ Рутелла содержалъ здѣсь въ оковахъ; какъ дошедъ до меня, и удивясь увидя меня здѣсь заключенну, старались меня отъ сюда вывесть; но я подала имъ знать, что окажутъ они тебѣ знатнѣйшую услугу, естьли будутъ меня здѣсь охранять, и защищать входъ непріятелю; почему и принялись они за то съ такимъ усердіемъ, кое одинъ ты внушить можешь: они разломали двѣрь, побили и обратили въ бѣгство всѣхъ сообщниковъ

Рутел-

рутеллиныхЪ, и привели меня вЪ состоянїе ожидать тебя не опасаясь о моей судьбинѣ.

Счастливые жители равенскїе, сказалЪ Палмерїй сей храброй артелли, Небо наградило ваше усердїе, прекративЪ вашу неволю; и между тѣмЪ какЪ защищали вы то, что градЪ вашЪ имѣетЪ драгоцѣннѣйшаго вЪ особѣ несравненныя Клавдїи, повергало оно вашихЪ тиранновЪ на землю силою нашихЪ рукЪ. Поди, сударыня, продолжалЪ онЪ, взявЪ руку знаменитыя своея невѣсты, поди, причини твоимЪ присутствїемЪ болѣе знатности нашей побѣдѣ, и выведи изЪ безпокойства Марїя и его друзей.

При сихЪ словахЪ поведши ее вЪ домЪ ея вЪ провожанїи народа и своихЪ солдатЪ, поставилЪ тамЪ крѣпкїй караулЪ, и поѣхалЪ во всѣ части города, гдѣ повелѣнїи его были нужны; но смерть рутеллина вЪ такое привела ослабленїе оставшїйся гарнизонЪ, что весьма мало ему труда стоило, побѣдить оный совершенно. День ужѐ наступалЪ, и ужѐ почувствовали жарЪ лучей солнечныхЪ, когда увидѣлЪ онЪ себя совсемЪ безЪ непрїятелей.

Марїй

Марій и Тиренъ не имѣя болѣе съ кемъ сражаться пришли къ нему для полученія похвалъ, кои усердіе и храбрость ихъ заслуживали. Потомъ Палмерій приказавъ войскамъ своимъ занять мѣста рутеллиныхъ, дѣлалъ толь хорошіе распоряженія, и помощники его исполняли ихъ съ такою точностію, что городъ въ нѣсколько часовъ увидѣлъ себя въ томъ покоѣ, какъ будто бы никогда не видалъ въ себѣ Лонгобардовъ.

Храбрый Палмерій, коему любовь нимало не попрепятствовала позабыть то, чемъ долженъ онъ былъ Цесарю отправилъ немедлѣнно гонцевъ, дабы извѣстить его о удивительномъ возвращеніи равенны, увѣдомя его, съ какимъ мужествомъ Марій, Тиренъ, друзья ихъ и всѣ жители вели себя при семъ предпріятіи, и исполнивъ должности храбраго полководца и вѣрнаго подданнаго, пошелъ положить Лавры свои и славу къ стопамъ Клавдіинымъ, которая приняла его торжественно въ дому своемъ съ братомъ своимъ и друзьями. Тамъ то сіи нѣжные любовники награждая себя за свои труды, страхи, и безпокойства,

койства, изъявили столько любови сколько показали прежде мужества и неустрашимости.

Многіе дни препровождены были торжествуя сей великій день многоразличными образы, народъ радостными огнями и иллюминаціями; а большіе господа благодарными мольбами тому, который изливаетъ на всѣхъ благо и зло, и яко богъ войны даруетъ побѣду праведному, а смерть наноситъ виновному.

Императоръ Іустиніанъ лишь только получилъ счастливую вѣдомость, какъ отправилъ одного изъ знатнѣйшихъ своихъ офицѣровъ въ Равенну, снабдивъ его повелѣніями касающимися до награжденія толь многихъ храбрыхъ воиновъ. Онъ поручилъ правленіе города Палмерію, намѣстничество Марію, а другіе чины по препорціи состоянія и заслугъ, и повелѣлъ, чтобъ бракъ Палмерія и Клавдіи совершился съ великолѣпіемъ равнымъ тому, кое наблюдается для владѣтелей, желая, что бы сей Герой представлялъ при семъ случаѣ освященную его особу, а знаменитая Клавдія Императрицыну.

Городъ

Городъ равенна горя желаніемъ изъявить свою благодарность Палмерію, радуясь повелѣнію толь согласному съ ихъ хотѣніемъ, послушествовалъ знатнымъ образомъ: врата тріумфальныя, надписи и похвалы были въ великомъ множествѣ, и любовники сопряжены на всегда подъ гербомъ Амора и Марса; но онѣ стократно болѣе чуствовали то, что обладали другъ другомъ; нежели чинимыя имъ многоразличныя почести; и дабы здѣлать имена ихъ столь долго потомкамъ извѣстными, сколь были онѣ любимы и почитаемы, поставлены были на главной равенской площади въ честь ихъ статуи, на коихъ вырѣзаны сокращенно ихъ постоянство, мужество, и Героическая любовь.

XXV. НОВОСТЬ

НЕОЖИДАЕМЫЙ УДАРЪ.

Нѣкоторый кавалеръ, коего назову я Дамономъ, столь же похвальный своими изящными дарованіями, сколь и знатною своею породою, ужѐ въ дватцать два года отъ рожденія про-

прославился своею храбростїю и мужествомъ въ знатномъ чинѣ, который имѣлъ онъ при армїи; какъ въ одномъ изъ славнѣйшихъ производствъ Людовика великаго, гдѣ присутствїе его возбуждало войска, и дѣлало ихъ непобѣдимыми, младый нашъ воинъ переломилъ себѣ руку, и увидѣлъ себя въ несостоянїи симъ случаемъ продолжать свѣтлѣйшаго своего Государя дѣлать свидѣтелемъ тѣхъ производствъ, коими чаялъ увѣнчать свои поступки ирпвлекавшїя ужѐ не однократно похвалы сего щедролюбиваго Монарха.

Дамонъ, коего сердце совершенно было предано славѣ, менѣе чувствовалъ скорбь толь сильныя болѣзни, нежели то, что не могъ окончать кампанїи; но не взрирая на свою печаль принужденъ былъ оставить армїю, и согласиться допустить отвести себя въ Лиль, городъ ближайшїй и удобнѣйшїй къ тому, что бы во ономъ лѣчиться. Онъ сталъ тамъ у одного изъ главнѣйшихъ, человѣка знатнаго, почитаемаго столькожъ за достоинства, сколько и по его чину. Сей дворянинъ былъ вдовъ, и не имѣлъ дѣтей

тей кромѣ одной дочери, которую отдалъ онъ за мужъ четырнатцати лѣтъ, и которая овдовѣла на шеснатцатомъ году. Великая ея молодость и чрезвычайная красота побудили ея родителя взять ее паки къ себѣ въ домъ; и какъ надлежало ему необходимо видѣть у себя много людей, и многоразличныя его упражненіи едва оставляли ему время принимать гостей, то не досадно ему было препоручить попеченіе о домѣ Цидаліи своей дочери, которая исправляла оное толь достойно, и съ такимъ благоразуміемъ, пріятностію и цѣломудріемъ, что не менѣе посѣщали для нее Никандра (имя ея отца,) какъ и для того, чтобъ отдавать сему дворянину долгъ, коего требовалъ чинъ его отъ всѣхъ другихъ офицѣровъ. Тогда уже́ четыре года она вдовѣла, какъ привезли Дамона въ Лиль; и хотя присоединяла она знатный достатокъ ко всѣмъ своимъ прелестямъ; и многіе женихи предлагаемы ей были, однако оказывала она всегда толико отвращенія ко второму браку, что Никандръ любивши ее съ горячностію, и не хотя ее принуждать, далъ ей то совершенно на волю.

Между тѣмъ лишь только увѣдомился онъ о произшедшемъ съ Дамономъ, какъ зная, что онъ былъ знаменитый офицѣръ, послалъ къ нему на встрѣчу, и не хотѣлъ, чтобъ онъ жилъ укого другова, а не унево въ домѣ. Младый нашъ воинъ не будучи въ состоянiи оказать учтивости, ниже изъявить свою благодарность, допустилъ себя туда вести, и отведена ему была лучшая комната въ домѣ Никандровомъ, который кромѣ лѣкарей привезенныхъ изъ армiи, приказалъ позвать наискуснѣйшихъ изъ города, кои стаpанiями своими и икуствомъ скоро привели Дамона въ состоянiе не опасаться худыхъ слѣдствiй отъ сея язвы; но сiе учинилось не прежде, какъ по претерпѣнiи неслыханныхъ болѣзней, кои часто побуждали опасаться о его жизни.

Какъ былъ онъ безмѣрно любимъ и почитаемъ, то всѣ брали участiе въ его болѣзни, и всякой день Никандръ видѣлъ курьеровъ прiѣзжавшихъ изъ армiи, дабы навѣдываться о его здоровьѣ. Онъ пребывалъ долго не прiемля посѣщенiй; потому что лѣкари такъ опредѣлили,

ли, дабы тѣмъ не умножить его болѣзни. Никандръ одинъ имѣлъ дозволенїе его видѣть, и такъ не покидалъ онъ его сколько ему возможно было, и качества, кои въ немъ открывалъ при ежедневныхъ сихъ свиданїяхъ, привели его въ такую къ нему любовь, что здѣлался онъ ему искреннѣйшимъ другомъ и благодѣтелемъ; онъ говорилъ отомъ непрестанно всѣмъ къ нему приходившимъ; и похвалы, кои ему приписывалъ сопряженныя съ тѣми, кои храбрость его и благоразумїе отъ каждаго заслуживали, возбудили въ прекрасной Цидалїи безмѣрное желанїе ево увидѣть; но надлежало принуждать себя до того времени, когда разсудятъ, что компанїи не будутъ вредительны его здоровью. Сїя вожделенная минута наконецъ настала, и Никандръ лишь только получилъ дозволенїе отъ лѣкарей, какъ искалъ радѣтельно способовъ забавлять своего больнаго, и здѣлать выздоровленїе его столь же прїятнымъ, сколь сильна была его немощь. Для сей причины убѣдилъ онъ всѣхъ дамъ послѣдовать примѣру Цидалїину, коей приказалъ къ

нему ходить, и водить туда своихъ пріятельницъ. Дамонъ, который до того времени не имѣлъ иныхъ мыслей, какъ тѣ, кои имѣетъ человѣкъ находящійся между жизнію и смертію, не съ равнодушіемъ увѣдомился, что не надлежало ему еще отказаться отъ забавъ, къ коимъ онъ казался быть рожденъ. И когда Никандръ ему объявилъ, что, дабы воспрепятствовать ему выходить, и провождать время въ скукѣ, будутъ впредь собраніи въ ево комнатѣ, и что Цидалія дщерь ево будетъ дѣлать честь онымъ, тогда почувствовалъ онъ радость показавшую ему то, что онъ не здѣлался нечувствительнымъ; и хотя казался онъ тронутымъ тѣмъ, что состояніе ево недозволяетъ ему предупредить Цидалію, и изъявилъ то съ краснорѣчіемъ Никандру, благодаря ево за обязательное его о немъ стараніе; однако подалъ ему знать, что сіе ожиданіе ему весма пріятно. И такъ въ самый тотъ день Цидалія въ провожаніи нѣсколькихъ городскихъ дамъ пошла въ его комнату: Сіе свиданіе было странно, Дамонъ не видалъ никогда

Цидаліи;

Цидалїи; онѣ точїю знали другъ друга по имени и по слуху; и какъ знала она, что онъ былъ наисовершеннѣйшїй кавалеръ своего времени, то вѣдалъ и онъ также, что почиталася она наипрекраснѣйшею и разумнѣйшею женщиною въ городѣ Лилѣ; но когда онѣ увидѣлися, тогда познали, что все свѣданное имъ по слуху, гораздо недостаточно было предъ тѣмъ, чего онѣ достойны были, и какъ безмѣрное вниманїе, съ коимъ другъ друга разсматривали, показало имъ то, чего стоили онѣ при первомъ семъ свиданїи, то воспрїяли онѣ другъ ко другу толь сильное почтенїе, что зделалося оно въ краткое время такою страстїю, которая не инако какъ съ жизнїю ихъ прекратилася.

Дамонъ нечувствовавшїй еще ничего кромѣ честолюбивыхъ желанїй, и коимъ слава единственно обладала, узналъ въ глазахъ Цидалїиныхъ, что онъ не могъ не покориться любви; а сїя прекрасная особа удостовѣрила себя, что вторый бракъ былъ бы ей простителенъ, естьли бы Дамонъ былъ предмѣтомъ онаго. Таковыя розположенїи въ пользу

обоихъ немогли долго быть незнаемы. Старанiи и угожденiи Цидалiины стали скоро изтолкователями ея сердца; почтенiе, услужливость, предпочитанiе и нѣжные взоры Дамоновы были тѣ, кои открывали происходившее во внутренности его души; и сей нѣмый разговоръ, который онѣ однѣ точiю употреблять думали, скоро сталъ слышимъ отъ находившихся при нихъ; но всего страннѣе было въ семъ произшествiи то, что всѣ извѣстны стали о любви ихъ, прежде нежели онѣ объявили другъ другу оную. Никандръ первый оную примѣтилъ; и радуясь, что дщерь его учинила толь достойный выборъ, и что Дамонъ желалъ съ нимъ союзомъ родства соединиться, старался ежечасно утверждать тѣ узы, коими желалъ ихъ оковать на вѣки.

Въ числѣ тѣхъ, предъ глазами коихъ взаимная ихъ горячность безъ вѣдома ихъ открылася, не было ни одного, кто бы ее не похвалилъ, и не пожелалъ бы имъ вѣчнаго благополучiя; познанiе ихъ склонностей здѣлалося толь общественнымъ, что всѣ разговоры касалися точiю до

нихъ;

нихъ; всякъ чудился безмолвїю, кое хранили онѣ другъ съ другомъ въ такое время, когда ихъ не самые искреннѣйшїе друзья усматривали толь изрядно во внутренности ихъ сердецъ. Никандръ радуясь потаенно той трусости, которая казалася препятствовать симъ обоимъ любителямъ открыться, и не хотя при томъ, чтобъ онъ первый отомъ говорить началъ, притворялся съ ними, будто прїемлетъ всѣ ихъ поступки за вѣжливость и издѣвку, а между тѣмъ неупускалъ того, что бы тому не способствовать: Но наконецъ дѣло до того дошло, что всякъ говорилъ предъ ними о любви ихъ откровенно, а онѣ зато не сердилися: когда нѣжныя издѣвки, кои претерпѣвали онѣ многократно, подали имъ болѣе смѣлости, а особливо Дамону, то вознамѣрился онъ нарушить молчанїе, кое одинъ страхъ отказа въ немъ причинялъ. Онъ не выходилъ еще изъ своей комнаты, и прекрасная Цидалїя наиточнѣйше ему сотовариществуя, пошелъ нѣкогда къ нему ранѣе обыкновеннаго, и безъ всякой другой свиты, кромѣ одной жен-

щины, которая ее почти никогда не покидала; онъ не хотѣлъ пропустить сего благопріятнаго ко объявленію случая.

Самая причина разговора подала ему оный; ибо Цидалія начала оный сказавъ ему обязательно, что Никандръ получилъ извѣстіи изъ арміи, кои подали ему знать, что тамъ толико же возчувствовали радости о возстановленіи его здоровья, колико всѣ были тронуты его несчастіемъ; и ето, продолжала она, весма славно для тебя, и пріятно твоимъ друзьямъ, что приобрѣлъ ты толь общественное почтеніе.

Признаюсь, сударыня, отвѣчалъ онъ ей, что самолюбіе мое весма ласкаемо тѣми знаками благосклонности, кои я получаю; но нѣкое гораздо нѣжнѣйшее чувствованіе господствующее въ моемъ сердцѣ побуждаетъ меня находить еще болѣе пріятностей въ томъ мнѣніи, кое обо мнѣ возъимѣли, воображая себѣ, что благосклонность толь многихъ знатныхъ и почтенныхъ людей, есть для меня одинъ способъ, привлечь къ себѣ почтеніе несравненныя Цидаліи, и что будучи въ безо-

пасности

пасности отъ толикихъ свидѣтельствъ въ пользу мою учиненныхъ могу я съ меншимъ дерзновенїемъ, открыть ту любовь, которою я къ ней пылаю. Такъ, сударыня, продолжалъ онъ, обожаю тебя, и сколь бы велика ни была слава, быть въ почтенiи у толикаго множества людей, однако она не можетъ меня удовольствовать, естьли не буду я любимъ одною токмо особою, коей бы я желалъ понравиться: сiе признанiе, примолвилъ онъ, не должно приводить тебя во удивленiе; тьма голосовъ извѣстили тебя отомъ съ моимъ совокупно; всякъ старался обьявить тебѣ о томъ прежде нежели я на то отважился; все говорило тебѣ о моемъ пламѣни, но ты одна можешь извѣстить меня о судьбинѣ онаго. Послѣ сихъ словъ онъ замолчалъ, а Цидалiя улыбнувшись и покраснѣвъ въ одно время: довольно бы мнѣ было трудно, отвѣчала ему, притвориться такъ, чтобъ я чудилась симъ рѣчамъ; потому что толикое множество другихъ кромѣ тебя приготовили меня ихъ слушать; но когда общенародный гласъ подалъ

мнѣ знать твои склонности, то довлѣетъ тебѣ извѣщенну быть чрезъ оный и о моихъ, и такъ я думаю, тщетно бы было, естьли бы восхотѣла я отъ тебя скрыть, что естьли почтеніе, да и самая горячность Цидалїина могутъ сооружить твое счастїе, то нѣтъ въ свѣтѣ человѣка тебя счастливѣе.

Видъ, съ коимъ произнесла она сїи слова, имѣлъ въ себѣ нѣчто столь прелестное, что Дамонъ восхищенный радостїю купно и любовїю, бросился къ ея ногамъ, дабы ее за то возблагодарить, и готовился отвѣчать ей въ изрѣченіяхъ пристойныхъ жестокости ево любви, какъ вошелъ Никандръ, и нашелъ ихъ въ сихъ безмѣрныхъ восхищеніяхъ. Я радуюсь, сказалъ онъ имъ смѣючись, нашедъ васъ въ семъ состоянїи; безмолвїе ваше мнѣ уже начинало становиться скучнымъ; дѣти мои, здѣлайте меня совершенно довольнымъ, соединившись другъ съ другомъ вѣчно.

Дамонъ вставши отъ колѣнъ Цидалїиныхъ, дабы подступить къ Никандру, какъ скоро ево увидѣлъ, бросясь въ его объятїи, просилъ у него

него прощенія въ томъ, что скрывалъ отъ него толь долгое время тайну своего сердца, и просилъ его довесть Цидалію до того, чтобъ она ему совершенно была благопріятна. Что касалося до сей любезной женщины, то она нѣсколько смутясь отъ того, что родитель ея былъ свидѣтелемъ ея ласки, не торопилась говорить, но видя Никандра взирающаго на нее усмѣхаясь съ видомъ показующимъ то что похвалилъ онъ ея принужденіе, приняла на себя паки свою обыкновенную веселость, и какъ любила она Дамона столько, сколько имъ была любима, и не чаяла стыдиться своимъ выборомъ, то приняла намѣреніе признаться откровенно въ состояніи своего сердца; и какъ сія искренность подала свободу отцу ея и любовнику говорить также безпритворно, то возсталъ между сими тремя особами разговоръ исполненный довѣренностію и горячностію.

Но какъ Цидалія была весьма богата, а Дамомъ наслаждался еще точію доходомъ младшему сыну принадлежащимъ, и благодѣяніями

Коро-

королевскими, и имѢлъ весьма зажиточнаго дядю, который его воспиталъ, и служилъ ему вмѢсто отца, то положено было между Никандромъ и имъ, чтобъ отписать къ нему, дабы получить на то его согласіе, и побудить его доставить ему нѢкоторыя выгоды при своей жизни въ пользу сего брака. НѢжная Цидалія охотно бы и безъ того обошлася, но горячность Дамонова, который не хотѢлъ на ней жениться, не представя ей равнаго богатства, и соизволеніе Никандрово, принудили ее положить границы своему великодушію. Между тѢмъ уговорилися онѢ, что бы жить вмѢстѢ, во ожиданіи, пока вѢчно сопряжены не будутъ. Обое любовниковъ клялись въ томъ другъ другу, и будучи увѢрены, что никакое препятствіе не будетъ положено ихъ благополучію, не скрывали отъ своихъ друзей состоянія сихъ дѢлъ; и сей союзъ отъ всѢхъ толь былъ желаемъ, что лишь только узнали, что онъ положенъ на мѢрѢ, какъ всеобщая здѢлалася радость во всемъ городѢ.

Здравіе Дамоново воспріяло отъ того новыя силы, и онъ при концѢ

кам-

кампанiи совершенно выздоровѣлъ, и ласкаясь получить согласiе отъ своего дяди, восхотѣлъ немедлѣнно къ нему отписать. Письмо его было толь убѣдително и учтиво, что дядя познал изъ онаго безъ труда жестокость его страсти: но какъ старость лишила его напоминовенiя прiятностей любви; и онъ былъ такой придворной человѣкъ, который помышлялъ паче о интересахъ счастiя своего племянника, нежели его сердца, то отвѣтствовалъ онъ ему, что похваляетъ учиненный имъ выборъ; что союзъ съ Цидалiею дѣлаетъ ему сколько чести столько и удовольствiя; но для нѣкоторыхъ домашнихъ причинъ, о коихъ увѣдомитъ онъ его при первомъ свиданiи, необходимость требовала, чтобъ подождалъ онъ будущей кампанiи, дабы совершить бракъ свой.

Онъ отписалъ отомъ же къ Никандру и Цидалiи, изъявя имъ отмѣнное почтенiе, и радость, которую причиняетъ въ немъ благополучiе его племянника; но невзирая на всѣ сiи учтивости Дамонъ и Цидалiя были жестоко тронуты отлагательствомъ своего благополучiя. Между

жду тѣмъ надлежало согласоваться съ его волею, ибо Никандръ разсудилъ за благо, въ томъ его удовольствовать. Сей промежутокъ только лишъ умножилъ жаръ обоихъ любовниковъ; ибо имѣли онѣ еще болѣе времени познать другъ друга совершенно. Дамонъ препроводилъ въ Лилѣ все время назначенное къ отдохновенію войскъ. Но тотъ часъ по открытіи кампаніи, простился онъ съ Никандромъ и Цидаліею; ибо любовь, которую къ ней имѣлъ, не могла уменшить въ немъ желанія славы. Прощаніе ихъ было наичувствительнѣйшее, и никогда разлука не стоила толико слезъ, колико пролила нѣжная Цидалія при семъ случаѣ. Опасности, коимъ Дамонъ подвергался, присоединяли толь плачевныя воображеніи къ той печали, которую имѣла, видя его отъ себя удаляющагося, что думала ежеминутно потерять его навѣки; а Дамонъ невзирая на все свое мужество, почувствовалъ въ сію минуту, что не могъ онъ не тронутъ быть движеніями отъ взаимной любови происходящими. Наконецъ по изъявленіи всѣхъ слабостей любовниковъ,

выpвался

вырвался онъ изъ объятій Цидаліи-ныхъ, дабы поправить оныя въ трудахъ воинственныхъ, и поѣхалъ къ арміи, имѣя сердце столь же жадное къ славѣ, сколь наполнено оно было любовію.

Сей походъ не менѣе снискалъ ему славы какъ и прежніе. Онъ производилъ тамъ такія дѣла, кои снискали ему удивленіе и похвалы отъ всѣхъ генераловъ: но чемъ болѣе отличалъ себя своею храбростію, тѣмъ болѣе причинялъ печали Цидаліи; она не могши снести своего страха, ни его отсутствія, писала къ нему много кратко, чтобъ поберегъ онъ себя для нее, и что почтетъ она за знакъ умаленія любви, то равнодушіе, кое оказывалъ онъ о своей жизни. Дамонъ не почитавшій ужаса ее столь сильнымъ, сколь былъ онъ въ самой вещи, и признавая оной за пріятное изъясненіе сильнѣйшія горячности, отвѣтствовалъ на то часто, какъ человѣкъ, коему честь миляе жизни. Цидалія не довольна будучи его отвѣтами, и по множествѣ ревностныхъ размышленій о опасностяхъ войны, разсуждая о мученіяхъ, кои довлѣетъ ей

каждый годъ претерпѣвать вышедъ за Дамона, естьли не покинетъ онъ сего опаснаго промысла, приняла твердое намѣренiе принудить его оный оставить, дабы предаться ей совершенно, и употребить всю власть, которую имѣла надъ его сердцемъ, дабы его къ тому побудить; и какъ прежде разлученiя проникли онѣ, что домашнiя причины, кои употребилъ его дядя, для продолженiя ихъ брака, были въ самомъ дѣлѣ ни что иное какъ затрудненiе, кое онъ имѣлъ, лишить себя при своей жизни части своего имѣнiя, опасность весьма сродная старикамъ, то побудила она Никандра, исполнить то, неожидая благодѣянiй сего дяди, будучи сама собою въ состоянiи учинить Дамона весма богатымъ, опричь того что могъ получить сей кавалеръ; и получа на то дозволенiе отъ своего родителя написала къ своему любовнику наинѣжнѣйшее писмо, дабы изобразить ему жестокое состоянiе, въ кое приводятъ ее опасности войны, которымъ онъ ежедневно подвергается, моля его жертвовать славою и честолюбiемъ той горячности, которую

она

она къ нему имѣетъ; и что когда Небо здѣлало ее обладательницею довольно знатнаго имѣнія, дабы обойтися безъ того, которое ему отъ дяди достаться можетъ, то просила его пріѣхать и раздѣлить оное съ нею, и не медлить болѣе такимъ союзомъ, который одинъ могъ утѣшить ее о опасностяхъ, коими она терзается; что сіе будетъ стоить ея жизни, естьли не покинетъ скоро принятаго имъ состоянія; что онъ довольно ужѐ здѣлалъ, дабы доказать свое мужество, и естьли честолюбіе столь сильно въ его сердцѣ, то по крайнѣй мѣрѣ любовь, коею онъ толикократно предъ нею клялся, должна ево побудить здѣлать ей такое удовольствіе, отъ коего зависитъ весь ея покой. Дамонъ увѣренный симъ писмомъ о существѣ опасностей Цидаліиныхъ, возчувствовалъ сіи обязательные знаки ея горячности, но не могши вознамѣриться оставить войну, обѣщевающую ему знатныя титлы, нижѐ противиться прозьбѣ такой женщины, которую онъ обожалъ, думалъ найти способъ согласить славу свою и любовь, учиня ей отвѣтъ, что

желая соединиться съ нею еще съ большимъ усердіемъ, нежели она показывала, пріемлетъ онъ нѣжныя ея предложеніи касающіяся до поспѣшенія его благополучія, и лишь только кампанія кончится, то пріѣдетъ онъ, дабы здѣлать ее самовластною обладательницею его судьбины; и что проситъ ее именемъ ихъ любви, дозволить ему послѣдовать еще нѣсколько времени военному промыслу; онъ прибавилъ къ сему, чтобъ она разсудила, что весьма для него постыдно, покинуть его въ такихъ лѣтахъ, въ коихъ другіе начинаютъ за него приниматься; и что почтетъ онъ себя не инако какъ недостойнымъ ея почтенія, естьли удобенъ будетъ къ таковой слабости; а дабы успокоить страхъ о его жизни, и доказать ей, что любитъ оную единственно для ней, будетъ оную щадить съ большимъ стараніемъ, и не станетъ инако подвергаться опасностямъ, развѣ честь его къ тому будетъ обязана.

Дамонъ изъяснился съ толикою любовію, что Цидалія не сомнѣвалась одержать совершенную побѣду,

естьли

естьли присоединить нѣсколько хитрости къ правдѣ. Для сей причины пребывала она не писавъ нѣсколько времени къ Дамону, и сей совершенный любовникъ начиналъ безпокоиться молчанїемъ, коего не испыталъ онъ еще послѣ своего отсутствїя, какъ получилъ онъ письмо, которое развернувъ съ торопостїю, читалъ въ немъ слѣдующїя слова.

ПИСЬМО.

Я размышляла о всемъ томъ, что ты ко мнѣ писалъ; но размышленїи мои тебѣ конечно не понравятся въ разсужденїи состоянїя твоихъ мыслей. Я отдаю себѣ справедливость, Дамонъ, и вижу, что самолюбїе меня ослѣпляло, когда думала быть достойною съ твоей стороны равной моей горячности. Какъ чувствовала я себя удобною покинуть для тебя все, то почитала и съ твоей стороны не невозможнымъ жертвовать мнѣ химерическою славою, суетною честїю, словомъ пустою мечтою, которая тобою обладала; но я обманулася, познаю мою ошибку, и признаюсь

охотно, что обладанїе Цидалїею, любовь ея, покой и жизнь, нестоятъ нималѣйшїя изъ лавръ, къ коимъ ты поспѣшаешь; и такъ продолжай слѣдовать пути славы; не давай мнѣ предъ нею первенства, я на то согласна; но не почитай страннымъ, что для окончанїя моихъ печалей, беру я назадъ мое сердце и возвращаю тебѣ твое. Не имѣя болѣе въ томъ пользы, чтобъ его соблюсти, не буду я больше опасаться о твоей жизни. И такъ не торопись, и будь только обнадеженъ, что не могши принудить тебя любить меня прямо, нѣтъ болѣе супруга въ свѣтѣ для ЦИДАЛІИ.

Какой ударъ для человѣка такъ смертельно влюбленнаго какъ Дамонъ! онъ пораженъ былъ тѣмъ до внутренности своего сердца; страхъ потерять Цидалїю напомнилъ ему о всѣхъ ея прелестяхъ, и о прїятности въ препровожденїи съ нею своея жизни; и онъ не колебался болѣе предпочесть то всей славѣ, которую благородное честолюбїе ему обѣщало, и будучи увѣренъ, что малѣйшее

шее медлѣнїе сильно утвердить Цидалїю въ ея предпрїятїи, написалъ къ ней немедлѣнно отвѣтъ. Письмо его было слѣдующаго содержанїя.

ПИСЬМО

Я ѣду, сударыня, и невзирая на отчаянїе, кое причиняютъ по мнѣ несправедливыя твои подозрѣнїи, ѣду, будучи влюбленъ болѣе прежняго. Испрашиваю у тебя точїю времяни необходимо нужнаго къ тому, чтобъ покинуть службу мою съ честїю. Любовь моя толь искренна и сильна, что не можетъ побудить меня искать причинъ твоимъ противныхъ, и надѣюсь скоростїю моего послушанїя доказать тебѣ, что нѣтъ ничего въ свѣтѣ такого, чего бъ не былъ готовъ принести тебѣ на жертву вѣрный ДАМОНЪ.

Довольно было такого увѣренїя, дабы успокоить ту печаль, въ коей письмо сїе ее застало. Никандръ только лишь скончался, какъ получила она его, и слезы ее не могли инымъ быть отерты, кромѣ сладкой на-

надежды, которую подавалъ ей ея любовникъ; она скрыла отъ него претерпѣнный ею уронъ, но увѣдомила его въ нѣжнѣйшихъ выраженіяхъ, что дозволяетъ ему пробыть столько, сколько нужды его требуютъ, а послѣ того пріѣхать къ ней непремѣнно, увѣряя, что ей невозможно жить безъ него болѣе. Влюбленный Дамонъ радуясь, что нашелъ способъ соблюсти для себя Цидалію, помышлялъ точїю о томъ, чтобъ утвердиться въ намѣреніи оставить службу; однако не безъ великаго труда онъ къ тому вознамѣрился. Мужество его волновалось часто противъ его любви, и представляло ему непрестанно, что позорно въ ево лѣта оставя славу увядать въ поносной праздности въ объятіяхъ женщины: но когда былъ готовъ слѣдовать сему побужденїю, тогда любовь бравъ надъ нимъ паки свое владычество, представляла ему Цидалїю въ слезахъ, укоряющею ево жестокостїю, и почти умирающею отъ безмѣрнаго своего страха и горячности. Къ чему будетъ мнѣ служить, говорилъ онъ, слава, которую возмогу снискать отъ военнаго

наго промысла, естьли потеряю я Цидалію! для кого буду я желать славнаго имени! какая причина дѣлала меня чувствительнымъ къ получаемой мною чести, прежде нежели ее увидѣлъ! Слѣпая фортуна, честолюбіе и самолюбіе, обыкновенные спутники неразсудительныя юности, были тому единственными предмѣтами. Но сколь скоро Цидалія здѣлалася предмѣтомъ моея любви, нашелъ я въ счастіи ей нравиться и ею обладать, все что могло удовлетворить мою фортуну, мое честолюбіе и тщеславіе; и понеже заключаетъ она въ себѣ всѣ страсти, кои побуждали меня подвергать жизнь мою опасностямъ, то для чего не принести ей на жертву оныя, ибо то есть одинъ способъ препроводить ее съ нею?

Сіе разсужденіе борющееся всегда съ другими съ силою, одержало напослѣдокъ верхъ; и дабы не учинить болѣе тому противнаго, требовалъ Дамонъ своего увольненія при концѣ кампаніи. Уединеніе его чувствительно было всѣмъ офицѣрамъ: всѣ сожалѣли о немъ какъ о знатной потери; но какъ всякой

зналъ любовь его къ Цидалїи, и что сей бракъ былъ для него весьма выгоденъ, то никто не охуждалъ въ семъ случаѣ его поступка, потому что подалъ онъ довольно опытовъ мужества и храбрости; и такъ не можно ево было подозрѣвать мыслїю его недостойною. Между тѣмъ всѣ сїи разположенїи не могли послѣдовать такъ скоро, чтобъ не прошло около трехъ недѣль прежде его отъѣзду. Наконецъ не имѣя больше ничего, что бы его удерживало, простился онъ съ своими друзьями, и поѣхалъ на почтѣ въ Лиль.

Никогда любовникъ не представлялъ себѣ прїятнѣйшихъ воображенїй во время пути, и никогда любовникъ не имѣлъ болѣе той радости, какую чувствовалъ Дамонъ въ надеждѣ соединиться на всегда съ Цидалїею. Сердце его предварительно воображало себѣ его благоденствїе, коимъ совершенно былъ онъ преисполненъ: онъ представлялъ себѣ то удовольствїе, кое послушанїе его подастъ сей любезной женщинѣ; и то, кое имѣть онъ будетъ, разсказывая ей съ горячностїю

стїю о жертвѣ, которую онъ ей принесъ; и любовь такъ его восхитила, что воображая себѣ ее видѣть, говорилъ и отвѣчалъ самъ себѣ, какъ будто бы она притомъ присутствовала. Наконецъ все что сильная страсть внушить можетъ, и всѣ движенїи, кои она произвесть удобна, собралися въ сердцѣ Дамоново, между тѣмъ какъ бѣжалъ онъ день и ночь, дабы видѣть въ самомъ существѣ то, что находилось въ его воображенїи; и прибылъ въ Лиль въ семъ сладкомъ безпокойствѣ; какъ проѣжжая одну улицу, которую надлежало переѣхать, дабы выѣхать на ту, въ коей жила Цидалїя, увидѣлъ себя остановленнаго великимъ стеченїемъ народа шедшаго напереди и позади нѣкоего великолѣпнаго печальнаго зрѣлища.

Влюбленный Дамонъ, коего нетерпѣливость не могла понести ни малѣйшаго замедлѣнїя, хотѣлъ многократно продраться сквозь толпу: но какъ множество стекшагося народа принуждало ево остановиться, то спросилъ онъ съ досадою у перваго возлѣ его стоящаго, для

кого отправлялася сія печальная церемонія, которая своимъ великолѣпіемъ принуждала его противъ воли быть оной свидѣтелемъ. Увы! отвѣчалъ ему тотъ, у коего онъ спрашивалъ, не можно воздать довольно чести той, которая заключена въ семъ гробѣ. Лиль потерялъ всѣ свои пріятности сею смертію, и несравненная Цидалія не можетъ быть довольно оплакана ниже довольно почтена отъ такого города, которымъ она была обожаема. Сей человѣкъ лишь только произнесъ имя Цидаліино, какъ Дамонъ поднявъ ужасный крикъ, схватился за свое седло, и сползъ на землю безъ чувства и безъ памяти.

Какъ сей случай побудилъ многихъ возлѣ его стоявшихъ воспріять въ томъ участіе, то многіе бросились ему помогать, и нѣкоторые изъ присутствующихъ при погребеніи приближась, дабы узнать что сіе значило, обознали нещастнаго Дамона; и не сомнѣваясь о причинѣ его обморока, продрались сквозь толпу, подняли его какъ человѣка мертваго, и приказали отнести къ Никандру, гдѣ всѣ друзья отца и дочери

дочери были собраны для его принятія, зная, что ему довлѣетъ прибыть немедлѣнно, дабы подать ему сіе печальное извѣстіе со всевозможною осторожностію; но когда увидѣли они его въ семъ состояніи, тогда легко узнали, что получилъ онъ ударъ безъ всякаго предусмотренія. Сперва старались мочію привесть его въ себя, и не инако какъ помощію лѣкарствъ, и по прошествіи немалаго времени имъ это удалося.

Но воспріявъ паки свои чувства, воспріялъ онъ съ ними всю печаль, коею былъ обладаемъ. Сожалѣніи ево провождаемы были поступками наижесточайшаго отчаянія; а друзья его опасаясь умножить оное стараясь его уговаривать. вознамѣрились принимать въ томъ участіе, плача съ нимъ вмѣстѣ, и приходя подобно ему въ отчаяніе; и вмѣсто того чтобъ его успокоивать, увеличивали они тѣ причины, кои имѣлъ онъ жаловаться, и сею невинною хитростію удалось имъ его нѣсколько утѣшить. Необходимо надлежало поступать съ нимъ такъ, дабы привести его въ состояніе выслушать

слушать все, что хотѣли ему сказать, потому что нимало не сомнѣвались, что бы печаль его невозобновилась, услыша послѣднiе знаки горячности Цидалiиной.

Когда выговорилъ и здѣлалъ онъ все, что можетъ сказать и здѣлать человѣкъ обремѣненный отчаянiемъ въ подобномъ сему случаѣ, тогда просилъ усильно своихъ друзей увѣдомить его о всѣхъ обстоятельствахъ своего нещастiя, и для чего Никандръ нейдетъ соединить слезы свои съ его слезами. одинъ изъ главнѣйшихъ того общества, именемъ Оронтъ, бывшей искреннѣйшiй другъ Никандровъ, сказалъ ему, что естьли хощетъ онъ ему обѣщать овладѣть собою столько, дабы умѣрить безмѣрную свою печаль, то не скроетъ онъ отъ него сего плачевнаго произшествiя; что онъ и обязанъ изъ почтенiя къ Цидалiи, успокоивать свою скорбь; ибо сiя прекрасная женщина усильно єво просить приказала, чтобъ онъ старался о своей жизни, и жилъ бы въ ея сердцѣ, когда не могъ жить съ нею вмѣстѣ.

Какую власть подобное сему приказанiе имѣетъ надъ такимъ человѣкомъ,

вѣкомъ, который по безпредѣльному послушанїю оставилъ все для той, которая ему жить повелѣвала! Нещастный Дамонъ, воображая себѣ скрытно, что печаль повергнетъ ево во гробъ, не имѣя нужды воспрїять прибѣжище къ поступкамъ недостойнымъ совѣсти и разума, обѣщалъ Оронту быть столько же подвластнымъ Цидалїи по ея смерти, сколько былъ при ея жизни, и что не здѣлаетъ онъ ничего больше произведеннаго ужѐ надъ нимъ неожидаемымъ симъ ударомъ. По сему увѣренїю Оронтъ сперва увѣдомилъ его о смерти Никандровой, воспослѣдовавшей не болѣе какъ за три недѣли предъ Цидалїиной: сїя прекрасная женщина скрывала ее отъ него, дабы ничего не примѣшивать печальнаго ко удовольствїю, кое бы онъ имѣлъ, ее увидя; но она впала чрезъ двѣ недѣли послѣ того въ опасную болѣзнь, либо отъ того, что безмѣрно была тронута смертїю родителя, коего горячо любила, либо надмѣру утомилася при немъ будучи, не хотя покинуть ево ни днемъ ни нощїю, хотя находились около ево родственники, друзья

друзья, стражи, лѣкари и служители; и наконецъ по осьми дневной горячки, которую никакое лѣкарство прервать было не сильно, обьявили ей, что не можетъ она выздоровѣть; сію вѣдомость приняла она съ христіанскою твердостію, и желая воспользоваться послѣдними своими минутами, дабы привести въ порядокъ всѣ дѣла свои, оставшись единственною наслѣдницей Никандровой, здѣлала она духовную, по которой обьявила Дамона своимъ наслѣдникомъ, а Оронта исполнителемъ своей духовной.

Во все время сего повѣствованія Дамонъ не переставалъ испускать болѣзненныхъ вздоховъ, и думалъ многократно умереть отъ чинимаго себѣ принужденія, дабы не оказать безмѣрнаго своего отчаянія; но наконецъ Оронтъ не хотя продолжать его мученія, и разсудя за благо увѣдомить его обо всемъ вдругъ, дабы не имѣть впредь ничего ему сказать кромѣ утѣшенія, подалъ ему въ тужъ минуту письмо отъ Цидаліи. Какъ не было оно запечатано, то несчастный нашъ любовникъ читалъ оное громко, хотя гласъ его прерываемъ

ваемъ былъ многократно рыданiемъ. Оно содержало въ себѣ слѣдующее.

УМИРАЮЩАЯ ЦИДАЛIЯ.

КЪ ВѢРНОМУ ДАМОНУ.

Любезный мой Дамонъ, почти то что я къ тебѣ пишу, за послѣднее мое сонзволенiе, дабы было оно для тебя свято, и исполни оное съ точностiю. Живи, дабы воспоминать обо мнѣ: даруй печали твоей все что разумъ въ семъ случаѣ дозволить можетъ, ничто такъ несправедливо; но утѣшайся, я тебѣ повелѣваю, и прими знаки, кои оставляю я тебѣ о моей горячности, какъ воздаянiе должное тому, чемъ я тебѣ должна, потому что ты все оставилъ для меня, и я принуждена оставить тебя сама. Ето самомалѣйшее, что могу я здѣлать по должности, по любви и благодарности. Прости, любезный мой Дамонъ, горячность моя была толь непорочна, что нѣтъ мнѣ причины скрывать, что послѣдовала она и во гробъ за мною.

ЦИДАЛIЯ.

Надлежало бы находиться въ подобномъ сему состоянiи, дабы точно уразумѣть Дамоново: онъ не могъ болѣе обладать своимъ изступленiемъ послѣ сего чтенiя, и оное было толь сильно, что потерялъ онъ паки всѣ чувства; принуждены были положить его на постелю, съ коей многiе дни думали, что онъ не встанетъ; но младость его, крѣпость сложенiя, и старанiи друзей его непокидавщихъ, возвратили ему жизнь; но не для инаго чего, какъ для посвященiя оной памяти Цидалiиной, коей большую часть имѣнiя роздалъ онъ ближайшимъ ея родственникамъ, а себѣ оставилъ только одно село, которое она много любила, въ которое удалился, дабы препроводить тамъ остатокъ дней своихъ въ христiанской философiи; что и учинилъ онъ не смотря на прозбы его дяди и всѣхъ друзей, кои не позабывали ничего служащаго ко отвращенiю его отъ сего предпрiятiя.

И естьли долгое время почитали его за его мужество, храбрость и хорошiе поступки, когда жилъ онъ въ пространномъ свѣтѣ, то здѣлался онъ

онЪ примѢромЪ и удивленiемЪ вЪ своемЪ уединенiи, своею набожностiю, воздержанiемЪ, и учеными разсужденiями вперенными вЪ него неожидаемымЪ ударомЪ вЪ такихЪ лѢтахЪ, когда сердце и разумЪ рѢдко бывають склонны кЪ тому, дабы пользоваться превратностьми, коимЪ жизнь человѢческая подвержена.

~~~~~~~~~~~

XXVI. НОВОСТЬ

Любовь сильняе природы.

НѢкоторый молодый дворянинЪ, рожденный вЪ ЛангедокѢ, житель города Монпельера, равно одаренный щедротами фортуны, и прiятностьми тѢла, привлекалЪ кЪ себѢ любовь и былЪ украшенiемЪ своего уѢзда. Женщины находили всѢ забавы непрiятными, когда не было притомЪ Тиманта (имя сего дворянина), а мущины почитали за долгЪ ничего безЪ него не предпринимать. ОнЪ былЪ свободенЪ, и хотя не было ему больше двантцати двухЪ лѢтЪ отЪ роду, однако наслаждался
~~~~~~~~~~~

какъ разумный и благородный человѣкъ великимъ богатствомъ, кое родители ево ему оставили. Всѣ матери желали ево имѣть зятемъ, всѣ тетки племянникомъ, а дѣвицы своимъ супругомъ. Но Тимантъ имѣлъ точїю одно сердце, и боясь ево обязать, не могши взять обратно, убѣгалъ старательно отъ того, чтобъ быть столь вѣрну, сколь былъ любви достоинъ.

Друзья ево принуждавшїе его иногда жениться, предлагали ему тщетно, что не было нужды для продолженїя счастливой жизни, чтобъ бракъ провождаемъ былъ любовїю; что послѣдняя должна быть точїю для забавъ, а первый для разума; и что онаго довольно было для избранїя себѣ любви достойнаго товарища, коего имѣнїе присоединенное къ ево богатству, достаточно бы было побудить вести жизнь прїятную и безбѣдную. Но Тимантъ не слушалъ сихъ нравоученїй, и сколь былъ ни вѣтренъ, однако не понимая, чтобъ можно было жениться безъ любви, и согласовать забавы состоянїя вольнаго съ старанїями домостроительства, пребывалъ

твердъ

твердъ въ намѣренiи, не жениться. Между всѣми красавицами, кои дѣлили между собою его обѣты находилась одна, которая мыслила почти также, какъ и онъ; и хотя стыдливость сопряженная съ ея поломъ, долженствовала бы влiять въ нее отличныя чувствованiи, однако вкусъ ея преодолѣвалъ благопристойности. Она называлася Зелонидою: Порода ее была благородна, имѣнiе достаточно для подкрѣпленiя знатности оной: красота ея не оставляла ей желать ничего, что бы нравиться, а прiятности ея разума соотвѣтствовали совершенно прелестямъ всей ея особы. Она не имѣла ни отца ни матери, и жила подъ смотрѣнiемъ старой тетки, коея мужъ былъ ея опекуномъ. Онъ умеръ, а Зелонида оставшись въ такихъ лѣтахъ, въ коихъ могла наслаждаться своими доходами, пользовалась ими совершенно Какъ была она достаточная невѣста, то многiе женихи за нее сватались; но, какъ я уже сказалъ, будучи непрiятельницею всѣхъ принужденiй, желая быть любимою, угождаемою и обожаемою, и любить не будучи принужденной давать

отчетъ въ своей поступкѣ, отказывалась она подвергнуться законамъ брака съ такимъ же упорствомъ какъ и Тимантъ; сходство ихъ нравовъ сопряженное съ прелестьми, кои находили онѣ другъ въ другѣ, сооружило между ими толь тѣсный союзъ, что здѣлалися неразлучными. И чемъ болѣе хотѣли обое содержать себя въ прїятной независимости, тѣмъ съ большимъ жаромъ другъ друга полюбили.

Можно разсудить, что будучи обое таковаго свойства, не долго пребывали не полюбивъ другъ друга, а еще меньше не сказывая отомъ одинъ другому: Тимантъ говорилъ первый, будучи довольно увѣренъ, что сїе объявленїе не далѣе простираться будетъ, какъ и любовь, и что страсть видимая имъ въ глазахъ Зелонидиныхъ не прїуготовляетъ ему ничего иного кромѣ узъ тѣмъ прїятнѣйшихъ, что оные будутъ самопроизвольные. Онъ не обманулся: страсть ево была утверждена: обѣты его съ радостїю приняты; и дабы здѣлать счастїе его совершеннымъ, клялась она ему толикою же любовїю, колико онъ ей оной показывалъ.

Между

Между тѣмъ, какъ клятвы и увѣренiи кажутся требовать нѣкоего рода нѣжной вѣрности, не могшей согласоваться съ вертопрашествомъ или вѣтренымъ нравомъ, то Зелонида не хотѣла вступить во обязательство нѣжнаго обхожденiя съ Тимантомъ, не предложивъ своихъ договоровъ. Я тебя люблю, говорила она ему, не нахожу человѣка достойнѣе тебя всей моей горячности, и увѣрена, что не перемѣню моихъ склонностей, есть ли не принудишь ты меня перемѣнить мою поступку: я убѣгаю брака единственно для суровой необходимости, которую онъ влечетъ за собою, дабы исполнять точiю волю супруга, не видѣть ниже слышать ничего кромѣ того, что онъ похочетъ; и признаюсь тебѣ, любезный мой Тимантъ, что естьли бы надлежало дѣлать таковыя уступки противъ любовника, то бы любовь показалась мнѣ такжe непрiятною какъ и бракъ.

И такъ помысли, дабы не имѣть ни чего въ послѣдствiи, чемъ меня укорять, что я люблю нравиться: что я дѣлаю себѣ удовольствiе изъ толпы обожателей непрестанно меня

окружающеихЪ; забавы, кои они мнѢ промышляютЪ, приносятЪ мнѢ пріятное упражненіе; нелюбя ниодного, хочу быть любима всѢми, и несмотря на всю горячность, которую кЪ тебѢ имѢю, не хочу лишиться ни едныя изЪ моихЪ забавЪ; довольствуйся совершеннымЪ обладаніемЪ моего сердца; будь увѢренЪ вЪ моей любви, равно какЪ и я буду увѢрена вЪ твоей, и не пекися о протчемЪ.

Учиненное мною тебѢ предложеніе будетЪ для тебя столь же сколь и для меня выгодно; потому что не получишь ты и отЪ меня никакихЪ выговоровЪ; ты не увидишь во мнѢ ни печали, ни страха, ни ревности кЪ волокитамЪ, кЪ коимЪ ты во все время твоея жизни былЪ сроденЪ. Довольствуясь знать, что ты совсемЪ мнѢ преданЪ, буду взирать спокойно на маловажныя непостоянства, безЪ коихЪ не возможешЪ ты обойтися, не потеряя можетЪ быть нѢкоторой части тѢхЪ пріятностей, кои принуждаютЪ меня тебя любить. На сихЪ договорахЪ предадимся сладкимЪ склонностямЪ влекущимЪ насЪ другЪ ко другу. Не откажемЪ ничемЪ воспаляющему

щему насъ жару, и пусть узы нашѣ основаны будутъ на вольности.

Такія слова испугали бы можетъ быть всякаго другаго опричь Тиманта; но какъ лѣта его, нравъ и склонности толь сильно сходствовали съ чувствованіями Зелонидиными, что не нашелъ онъ въ томъ ничего себѣ противнаго; и сіе было для него толь прелестно, чтобъ любить страстно въ одномъ мѣстѣ, не переставая любить легко во всѣхъ мѣстахъ, что принялъ онъ не обинуясь предложеніи своей обладательницы, и договоръ былъ утвержденъ множествомъ нѣжныхъ увѣреній искреннѣйшія любви.

И такъ по странному дѣйствію сходства склонностей, сія страсть, которая, есть ли справедлива, выводитъ сердца изъ безпорядка нравовъ, ввергла во оный на всегда Тиманта и Зелониду. Не было никого столь влюбленныхъ, какъ сіи любители, а между тѣмъ не было ничто такъ спокойно, какъ ихъ любовь, которая промышляя множество новыхъ забавъ друзьямъ ихъ, побуждала говорить съ довольною вольностію о поступкѣ обоихъ; но Зелонида

пренебрегала всѣ рѣчи, а Тимантъ зналъ, что честь человѣческая не зависитъ отъ того, что бы любить одинакимъ образомъ. Сіе обхожденіе было толь легко, что не могло не продолжаться долго, и несмотря на непостоянства Тимантовы и на вертопрашества Зелонидины, наблюдался между ими нѣкоторый родъ вѣрности, учинившей склонность ихъ довольно основательною: такъ что здѣлалась оная привычкою, на которую всѣ принуждены были уже не смотрѣть болѣе.

Между тѣмъ сія страсть основанная на правилахъ весьма удаленныхъ отъ добродѣтели, произвела въ первый годъ такой плодъ, который былъ радостію отца, и заключеніемъ безпорядка матери. Зелонида лишь только увидѣла себя въ семъ состояніи, какъ менѣе боясь потерять свою славу, нежели прелести, воображая себѣ, что принужденіе ея въ скрываніи своея беремѣнности, воспрепятствуетъ ей предупредить случаи могущіе уменшить ея красоту, вознамѣрилась лишить себя на время городскихъ увеселеній, и ѣхать въ деревню,

которую

которую имѣла въ пяти миляхъ отъ Монпельера, дабы имѣть тамъ болѣе свободы, дѣлать то, что почитала нужнымъ для своего здоровья.

Сїе удаленїе на нѣсколько мѣсяцовъ показалось ей не столь непрїятнымъ, сколь непрестанное принужденїе, чтобы скрыть отъ всего города опытъ худаго своего поступка. Она говорила отомъ Тиманту; и какъ положено было между ими, ни въ чемъ другъ другу не оспоривать, то согласился онъ на отъѣздъ ея: онъ ее и проводилъ, и пробылъ долго время въ ея домѣ; но не могши быть долго безъ своихъ друзей, возвратился въ Монпельеръ, въ намѣренїи предпрїимать сей путь часто. Пока беремѣнность Зелонидина не препятствовала ей показываться, Тимантъ привозилъ туда всегда хорошую компанїю, и общїе ихъ друзья ѣздили туда часто безъ зву; но когда оная увеличилась, тогда притворилась она больною, и желающею принимать воды, дабы не имѣть у себя болѣе гостей. Самъ Тимантъ, дабы подать примѣръ другимъ

гимъ, объявилъ, что не увидитъ онъ болѣе Зелониды, пока не перестанетъ она принимать лѣкарства потребныя отъ ея болѣзни. Онъ и дѣйствительно содержалъ свое слово, хотя и не было съ начала ево къ тому намѣренія, но нѣчто превзошедшее оное удержало его въ Монпельерѣ.

Надобно было еще ожидать три мѣсяца, что бы Зелонида увидѣла себя свободною отъ бремяни причинившаго ея уединеніе, какъ прибыла изъ Тулузы въ Монпельеръ нѣкоторая младая особа, коея сіяющія прелести помрачили всю красоту оныя: Ерминіи (ея имя) было около осмнатцати лѣтъ отъ роду: она потеряла мать свою въ младенчествѣ, а отецъ ея имѣвшій знатный чинъ въ Тулузѣ умеръ недавно, оставя одну Ерминію наслѣдницею знатнаго имѣнія. Младость ея и красота принудили ее послѣ сего урона удалиться къ одной родственницѣ ея матери, коея добродѣтель дѣлала домъ ея надежнымъ пристанищемъ для хотящихъ исполнять оную. Сія госпожа, которая называлася Олимпою была изъ Монпелье-

ра:

ра; важное нѣкое судебное дѣло удерживало ее четыре года въ Тулузѣ, и въ сіе время имѣвъ случай узнать Ерминію и всю ея фамилію, воспріяла къ сей младой дѣвицѣ матернюю любовь, и увидѣла съ удовольствіемъ, что предпочла она ее протчимъ своимъ родственникамъ, дабы имѣть смотреніе за ея поступками.

Олимпа только лишь окончала въ пользу свое дѣло, когда родитель прекрасныя Ерминіи скончался, и какъ протчія дѣла позывали ее въ Монпельеръ, то возвратилась она туда, и привезла съ собою сію прелестную дѣвицу. Какъ была она всегда единымъ предмѣтомъ любви ея родителя, то не жалѣлъ онъ ничего для ея воспитанія; природа одарила ее самыми рѣдкими своими благодѣяніями; а искуство украсило всемъ тѣмъ, что можетъ дѣвицу здѣлать совершенною. Музыка, танцованіе, и клависинъ, въ коихъ она первенствовала, были наималѣйшія ея пріятности. Разумъ ея просвѣщенъ былъ множествомъ познаній, кои дѣлали ее столь же ученою, сколь пріятною.

Свойство

Свойство ея сердца превосходило еще всѢ ея другія даровании: оно было нѢжно, основательно, искренно, и толь твердо, что не колебалась она никогда между своею волею и разумомъ.

Ерминія такова, какову я ее описываю, показалася въ Монпельерѣ, какъ восходящая звѢзда, предъ коею всѢ другія принуждены скрыться. Олимпа, которая была тамъ знакома, и много почитаема, получила тотчасъ посѢщеніи отъ самыхъ знатныхъ обоего пола особъ въ городѢ; а Тимантъ бывъ своею породою и достоинствомъ одинъ изъ знатнѢйшихъ, былъ не послѢдній изъ тѢхъ, кои почитали за долгъ къ ней пріѢхать: онъ увидѢлъ Ерминію, и лишь только глаза его обратилися на сію удивительную дѢвицу, какъ почувствовалъ себя уязвленнымъ такою стрѢлою, коея могущества онъ еще никогда не зналъ. Онъ приобыкъ отдавать сердце свое поспѢшно, но робость не провождала обыкновенно его побѢду; онъ объявлялъ себя побѢжденнымъ съ такою скоростію, съ какою допускалъ себя побѢждать, и любовь, изъ коей

дѢлалъ

дѣлалъ онъ себѣ промыселъ, стала почти издѣвкою, которая дѣлала его болѣе любви достойнымъ нежели страшнымъ; но въ семъ случаѣ болтаніе изчезло; нѣчто ревностное заняло мѣсто издѣвки: онъ былъ ослѣпленъ, изумленъ, трепещущъ, приведенъ въ нестроеніе и подвигнутъ къ почитанію; словомъ любовь благоразумная, любовь чистая, любовь прямая и скромная, изторгнула изъ сердца его любовь непостоянную, вѣтренную и вертопрашную, коея былъ толь долго невольникомъ.

Три или четыре раза учиненное навѣщеніе побудило его совершенно позабыть Зелониду и всѣ ея прелести: тѣ, кои открывалъ онъ ежеминутно въ прекрасной Ерминіи, внушили въ него толь великое презрѣніе къ другимъ, что разсудя самъ въ себѣ, не понималъ, какимъ образомъ предавался толь легкомысленно забавамъ, толь мало ему стоившимъ; между тѣмъ перемѣна его нрава, услужливость его у Олимпы, умѣренность при Ерминіи, и прилагаемыя къ тому старанія, чтобъ быть вездѣ, куда сія прекрасная особа направляла свои стопы, подавали

вали многократно случай друзьямъ его, надъ нимъ смѣяться, ибо всякъ ему предсказывалъ, что она будетъ тотъ камень, о который вольность его претерпитъ разбитїе. Не было въ томъ нужды, чтобъ тщились они его въ томъ увѣрить: любовь его дошла до такого пункта, что онъ зналъ лутче всякаго, ту власть, которую она надъ нимъ получила; но стыдливость Ерминїина препятствовала ему изъясниться; и онъ не хотя, что бы страсть его дошла до ея познанїя, прежде нежели проникнетъ онъ ея склонности, усильно отговаривался, что не имѣетъ къ ней иныхъ мыслей кромѣ почтенїя и удивленїя.

Прекрасная и разумная Ерминїя увидѣла Тиманта не съ равнодушїемъ; онъ такъ былъ созданъ, что привлекалъ на себя вниманїе самыхъ нечувствительныхъ: она еще никого не любила, и младое ея сердце не знавшее еще ни счастїя ни несчастїя любви, не бывъ во осторожности отъ обоихъ, предалося оной тѣмъ свободнѣе, что почитала она разумъ достаточнымъ ко отвращенїю того, дабы страсти ея не преобрати-

обратилися въ пороки. Участїе, кое начинала принимать въ Тимантѣ, побудило ее навѣдываться рачительно о его свойствѣ, упражненїяхъ и склонностяхъ; учиненное объ немъ описанїе умноживъ въ ней желанїе его любить, не преминуло и возбудить въ ней безпокойство: обхожденїе, кое имѣлъ съ Зелонидою не было позабыто тѣми, коихъ она выспрашивала, и не могши представить себѣ на мысль, что бы была женщина удобная предаться своей любви, не соединившись союзомъ брака, не сомнѣвалась, что бы Тимантъ и Зелонида не были сопряжены тайно. Сїя мысль ее опечалила; но какъ разумъ преодолѣлъ раждающуюся въ ней горячность, то вознамѣрилась она истребить оную при самомъ ея начатїи. И такъ удостовѣривъ себя, что не можетъ онъ соединиться съ нею, почитала старанїи его и угожденїи не инако какъ дѣйствїями шутливаго нрава, безъ коего онъ не могъ обойтися.

Сїе приводило ее во удивленїе, что описывали его веселымъ, ласковымъ, да и нѣсколько отважнымъ;

а между тѣмъ не видѣла она ево никогда инакова, какъ воздержна, почтительна, и съ довольною строгостію судяща другихъ поступки. Но разсуждая, что присутствіе Олимпы, лѣта ея и добродѣтель могли принудить его поступать у ней осторожнѣе нежели въ другихъ мѣстахъ, не знала, какую приписать тому другую причину. Между тѣмъ Олимпа любя Ерминію какъ родную дщерь свою, и желая видѣть ея въ замужствѣ столь же благополучномъ съ стороны сердца сколь и богатства, лишь только увидѣла Тиманта, какъ почла его одново достойнымъ Ерминіи. Преисполненная сею мыслію навѣдывалась она объ немъ также какъ и сія прекрасная дѣвица; и какъ искуство ея подало ей болѣе просвѣщенія въ разсужденіи приключенія Зелонидина, то не сомнѣвалась она, чтобъ основательное обязательство не уничтожило скоро сего союза Тимантова, естьли притомъ сердце его могло быть тронуто прелестьми младыя Ерминіи: и дабы дать имъ время узнать другъ друга совершенно, дозволила она Тиманту свободный

входъ

входъ въ домъ свой; и какъ хотѣла показать глазамъ его всѣ дарованiи прекрасныя ея родственницы, то были у ней всегда балы и концерты, причемъ прелестная Ерминiя сiяла съ такою знатностiю, что не возможно было, видя ее и слыша, не влюбиться смертельно; но цѣломудрiе ея умѣло толь изрядно умѣрять жаръ, который глаза ея возбуждали, что ни одинъ изъ тѣхъ, кои его чувствовали, не смѣлъ того открыть.

Тимантъ влюбляясь отъ часу болѣе, употреблялъ время свое точiю на то, чтобъ здѣлать себя прiятнѣйшимъ Олимпѣ, считая, что ея согласiе необходимо нужно для совершенiя его счастiя; ибо на послѣдокъ сей явный непрiятель брачнаго союза не полагалъ болѣе ни въ чемъ блажества, кромѣ того, чтобъ жить вѣчно съ Ерминiею; а дабы въ томъ успѣть, не пропускалъ ни единаго случая служащаго ко угожденiю той и другой, наложивъ на себя самоточнѣйшее безмолвiе, дабы проникнуть внутренность сердца той, которую обожалъ. Ерминiя не взирая на всѣ свои намѣренiи, не

была толь непоколебима въ томъ, что бы не любить Тиманта; но присутствіе его принуждало ее перемѣнять часто свои мысли.

Какъ угожденіи, кои оказывала ему Олимпа, побуждали ее ей подражать, то пріобыкла она такъ его видѣть, что не могла преодолѣть той задумчивости, которая ею обладала, когда какое нибудь дѣло его отъ того отвращало. На послѣдокъ любовь будучи сильнѣе всѣхъ сихъ движеній, восторжествовала надъ младымъ ея и нежнымъ сердцемъ, и хотя не говорила и не дѣлала ничего довлѣющаго извѣстить Тиманта о его побѣдѣ, однако онъ былъ надмѣру влюбленъ, надмѣру внимателенъ на всѣ сіи движеніи, и надмѣру хорошій знатокъ, дабы не примѣтить того, что онъ не ненавидимъ.

Въ семъ состояло все его желаніе, дабы имѣть силу изъясниться: незапный случай подалъ ему къ тому благопріятный способъ нѣсколько дней спустя послѣ того, какъ проникнулъ онъ часть склонностей Ерминіиныхъ. Онъ пошелъ къ Олимпѣ по обыкновенію, и готовился войти въ ея комнату,

мнату, куда пошли объ немъ доложить, какъ прекрасная Ерминія изъ оной вышла съ печальнымъ видомъ, который его поразилъ. Сія младая особа подошедъ къ нему съ пріятностію: Олимпа, сказала ему, повелѣла мнѣ принять тебя здѣсь, она очень занѣмогла, и не будучи въ состояніи принимать сего дня гостей, хочетъ, чтобъ я заступила ея мѣсто.

Ахъ! пожалуй, сударыня, отвѣчалъ ей Тимантъ восхищенный своею страстію, прикажи, чтобъ не впускали сюда никого, люди обезпокоятъ и здѣсь также какъ и въ ея комнатѣ, по тому что сей кабинетъ такъ близокъ, что голосъ всякаго не дойти до ней не можетъ. Но ты не помышляешь, сказала ему Ерминія улыбнувшись, что находишься со мною, и что я не могу затворить дверей никому, когда уже онѣ тебѣ отперты: Ето правда, отвѣчалъ Тимантъ, что почитая себя въ сію минуту за вторую при тебѣ Олимпу, не помышлялъ я о благопристойностяхъ; но дозволь, прекрасная Ерминія, продолжалъ онъ, чтобъ я воспользовался единою минутою представшею мнѣ въ четыре мѣсяца, и

сказалъ бы тебѣ ... Не сказывай мнѣ ничего, пресѣкла покраснѣвъ Ерминія, чего бы не могла я слышать: Тимантъ, ты человѣкъ опасный, я знаю все, что до тебя касается, и ласкаю себя быть довольно достойною твоего почтенія, чтобъ не говорилъ ты мнѣ такимъ языкомъ, коему я не могу соотвѣтствовать. Ахъ! кто можетъ тебѣ препятствовать, пресѣкъ онъ, соотвѣтствовать любви чистѣйшей и почтительнѣйшей, каковою токмо сердце пылать можетъ. Такъ, прекрасная Ерминія, продолжалъ онъ съ восторгомъ, я тебя обожаю, но жаръ мой не такой, каковый по сіе время побуждалъ меня бѣгать отъ красавицъ къ красавицамъ; различіе предмѣтовъ возбуждало оный въ моихъ чувствахъ: естьли я тебя люблю, и естьли хощу быть любимъ тобою, то не инако какъ супругъ нѣжный, постоянный и вѣрный, каковымъ быть за честь себѣ вмѣняю, и я пріемлю дерзновеніе нарушить молчаніе четыре мѣсяца продолжавшееся единственно, чтобъ получить отъ тебя признаніе моего пламѣни, и дозволеніе, отдать то на волю и рѣшеніе благо-

благоразумной олимпѣ. Разсуждай о моей любови, разсуждай о твоемъ могуществѣ, по тому что ты одна побудила меня познать гнусность обязательствъ неистовыхъ, и сооруженныхъ токмо любовїю забавъ: я думалъ видѣть въ очахъ твоихъ нѣкоторыя ко мнѣ благопрїятства; сїя лестная мысль побудила меня думать, что не будешь ты противиться выбору Олимпину, естьли падетъ онъ на меня: говори, прекрасная Ерминїя, я знаю твою добродѣтель, знаю твое благоразумїе, и чтобъ ты мнѣ ни сказала, принесу я всѣ восхищенїи любви на жертву тому почтенїю, которое онѣ во мнѣ возбуждаютъ.

Признаюсь, сказала ему Ерминїя съ нѣкоторою строгостїю, что не понимаю, какъ можешь ты сообразить въ подобномъ сему обѣявленїи, почтенїе, которое, по словамъ твоимъ, ко мнѣ имѣешь, и обязательства твои съ Зелонидою: либо стараешься ты уловить мою невинность, либо хощешь испытать мою добродѣтель; но не ошибайся въ томъ, Тимантъ, оба сїи намѣренїи равно мнѣ досадительны, и навлекаютъ

на тебя точію мое презрѣніе. Тимантъ безмѣрно удивившись, что Ерминія почитала его женившимся на Зелонидѣ, и желая увѣрить ее въ справедливости своихъ словъ, не колебался ни минуты разсказать ей все произшедшее между имъ и Зелонидою, и хотя сообразовалъ рѣчи свои съ благоразуміемъ своея слушательницы, однако не преминула она краснѣть многократно во время его разговора; и когда онъ его окончалъ, клявшись ей, что не можетъ болѣе инако жить какъ для нее: Я увѣрена теперь, сказала она ему, что имѣешь ты нѣкое ко мнѣ почтеніе, учиненною мнѣ тобою довѣренностію. Дабы оной соотвѣтствовать по моему сердцу и по твоимъ желаніямъ, не хочу отъ тебя скрыть, что естьли Тимантъ свободенъ, то предпочту я его съ радостію всѣмъ другимъ мущинамъ въ свѣтѣ, дабы быть моимъ супругомъ: но все, что ты мнѣ сказываешь, доказывая, что ты не сопряженъ съ Зелонидою, не удостовѣряетъ меня, чтобъ не восхотѣла она быть съ тобою сопряженна. Залогъ, который имѣетъ она отъ твоей любви, подаетъ ей великія надъ

тобою

тобою права, и можетъ ее принудить перемѣнить поступку: я не хочу, чтобъ сiе вышло на ружу, и умру съ печали, естьли имя мое будетъ примѣшано къ таковому произшествiю: и такъ доводи до того, что бы разорвать со всѣмъ съ нею, и будь обнадеженъ, что не попрепятствуетъ она тебѣ, соединиться индѣ, прежде нежели объявишь ты то Олимпѣ. И естьли не возможешь ты отстать отъ Зелониды, то будь доволенъ учиненнымъ мною признанiемъ въ томъ, что бы я съ радостiю дала тебѣ свою руку; но не говори мнѣ никогда о твоей любви.

Тимантъ находилъ толико благоразумiя въ сихъ словахъ, что почувствовалъ отъ того усугубленiе почтенiя и горячности къ Ерминiи; и какъ думалъ онъ, что не трудно ему будетъ разорвать съ Зелонидою, то согласился онъ на все, чего требовала она отъ него въ семъ случаѣ; но когда разговоръ ихъ пресѣченъ былъ прибытiемъ многихъ гостей, тогда разсталися они имѣя сердца наполненныя любовiю и надеждою. Четыре тому прошло мѣсяца, какъ Ерминiя прибыла въ Монпельеръ, и

вЪ сіе время Зелонида принесла на свѣтЪ то дитя, которое принудило ее оставить городЪ (ето была дочь) и видя, что ТимантЪ, кЪ коему она точно о томЪ писала, не старался кЪ ней пріѣхать, и ее посмотрѣть, употребила всѣ попеченіи, какЪ вЪ разсужденіи того, что касалось до должностей вѣры, такЪ и до воспитанія ея дочери; и когда была она окрещена, и отдана вЪ руки кормилицы, тогда послала она ее кЪ Тиманту, который принялЪ ее сЪ радостію, и коего новая любовь не уменьшила нимало движеній природы.

Радуясь тому, что здѣлался отцемЪ, осыпалЪ онЪ кормилицу подарками, и обѣщалЪ ей разположить щедрость по старанію, кое она о семЪ дитятѣ имѣть будетЪ. ОнЪ не видалЪ давно матери: писалЪ кЪ ней часто, и обЪявлялЪ всегда о какомЪ нибудь важномЪ дѣлѣ, возбраняющемЪ ему оставить МонпельерЪ. Зелонида была надмѣру хитра, чтобЪ допустить себя проводить такимЪ образомЪ; различіе слога писемЪ Тимантовыхъ, подало ей нѣкое подозрѣніе

ещe

еще прежде ея родинъ; по чему и употребила она множество шпіоновъ, кои скоро ее извѣстили, что имѣетъ она совмѣстницу, но совмѣстницу такую, которая была столь разумна и столь цѣломудренна, сколь она была порочна.

Зелонида огорченная, увидя себя жертвою истинныя страсти, вознамѣрилась отмстить такимъ образомъ, что бы Тимантъ долго помнилъ оказанное ей презрѣніе не ради того, что бы имѣла она ужѐ къ нему горячность столь же сильную, сколь и при начатіи ихъ любви: это бы было много; сколь бы ни сильны были страсти вертопрашекъ, однако николи не бываютъ онѣ долговремянны; но хотя бы любили онѣ, хотя нѣтъ, только не могутъ терпѣть, чтобъ ихъ покидали; когда одинъ любовникъ изъ множества у нихъ убавится, тогда считаютъ онѣ то за чувствительное себѣ оскорбленіе превосходящее гораздо то поруганіе, коимъ покрываютъ себя непорядочными своими поступками.

Она прощала Тиманту вѣтреныя волокиты, будучи надежна, что приставая то къ той то къ другой вертопрашкѣ, обратится всегда къ ней: но обязательство прямое, любовь основанная на почтенiи, и не могущая имѣть другаго намѣренiя кромѣ брака, причинила въ ней движенiи ненависти и огорченiя, кои съ трудомъ могла преодолѣть. Она находилась въ сихъ мысляхъ, когда приспѣло время ей родить, и умѣла толь изрядно себя принудить, что не дѣлала Тиманту никакова выговора ни за долговремянное его отсутствiе, ни за то, что узнала она о любви его къ Ерминiи; а сiе подавало ему поводъ думать, что не знаетъ она еще о томъ ничего. Когда прислала она къ нему дочь свою, тогда почелъ онъ за долгъ ее навѣстить, и назначилъ ей день, въ который къ ней прiѣдетъ.

Зелонида, имѣвшая свои причины, дабы не видѣть его инако какъ въ хорошей компанiи, велѣла ему сказать, чтобъ не оставлялъ онъ дѣлъ своихъ и ожидалъ ее чрезъ нѣсколько дней въ Монпельерѣ. Тимантъ

видя себя чрезъ то свободна отъ такого посѣщенія, которое не было ему болѣе пріятно, предался совершенно удовольствію, не покидать ни на минуту прекрасныя Ерминіи, коей Олимпа открыла на конецъ тѣ намѣренія, которыя имѣла она въ разсужденіи Тиманта. Сія прекрасная дѣвица съ нѣжностію ее за то благодарила, и разсказала ей отъ слова до слова произшедшій между ими разговоръ; потомъ изъявивъ ей страхъ, въ коемъ находилась въ разсужденіи Зелониды, которая будучи знатныя породы, хотя вертопрашка, могла оспорить ей въ сердцѣ Тимантовомъ, и учинить существительными свои обязательства для чести своей фамиліи, и для пользы полученнаго отъ него дитяти; но Олимпа толь изрядно ее утѣшала, предлагая ей въ примѣръ многія такого рода любовныя дѣла, кои не препятствовали нимало производившимъ оныя вступать во основательное обязательство, что нѣжная Ерминія не слушала болѣе ничего кромѣ своея склонности, и возобновила въ сердцѣ своемъ все то, что первый взоръ его возбудилъ воономъ.

Но между тѣмъ бывали минуты, въ кои по безмѣрной нѣжности печалилась, зная, что имѣлъ онъ отъ другой любви такой залогъ, который обыкновенно утверждаетъ узы; но Олимпа, отъ коей не скрывала она нимало своихъ мыслей, успокоивала ее всегда, и въ желанїи, кое имѣла видѣть Тиманта ея супругомъ, не щадила ничего, дабы истребить изъ ума ея все могущее быть тому противнымъ: естьли бы Тимантъ былъ вдовъ, говорила она ей въ одинъ день, и отъ сего перваго брака имѣлъ бы дѣтей, то была ли бы ты столько несправедлива, дражайшая Ерминїя, чтобъ ихъ ненавидѣть? и почтенїе твое къ отцу перемѣнилося ли бы отъ того? нѣтъ, безъ сомнѣнїя, сударыня, отвѣчала она ей, и я чувствую, что люблю столько Тиманта, что препоручу всѣ мои попеченїя и всю мою горячность дщери Зелонидиной, естьли бы надлежало мнѣ купить за сїю цѣну то счастїе, что бы принять его клятвы.

Такимъ то образомъ разговаривали онѣ почти всякой день, и счастливый Тимантъ воспользуясь благопрїя-

топріятными мнѣніями, кои о немъ имѣли, принудилъ прекрасную Ерминію признаться, что любила она ево столькожъ, сколько имъ была любима. Признаніе вожделѣнное принято было со множествомъ знаковъ радости и любви, и не хотя медлить своимъ благополучіемъ, принуждалъ онъ Олимпу, истребя всѣ страхи Ерминіины, согласиться на бракъ ихъ, дабы оный совершенъ былъ прежде возвращенія Зелонидина.

Ерминія пребывала долго не принявъ намѣренія, но какъ на конецъ любовь одержала верьхъ надъ другими разсужденіями, то положено было, чтобы учреждать все къ сему союзу. Во ожиданіи сея счастливыя минуты были только прогуливаніи, балы и пиры, при чемъ Тимантъ доказывалъ равно свою любовь и свое великолѣпіе. Осталось ужѐ только пять или шесть дней до того, въ который надлежало совершиться браку, какъ Тимантъ впалъ въ крайнюю болѣзнь: можно разсудить о печали Олимпиной, и о скорби Ерминіиной. Обѣ не отходили отъ него, и последняя повелѣвала въ его домѣ, какъ

какъ бывъ въ готовности, увидѣтъ себя онаго госпожею. больный, хотя былъ и при смерти, однако не могъ нечувствовать удовольствїя, видя, сколь великое участїе Ерминїя прїемлетъ въ его жизни, и сравнивая старанїи ея, привязанность, благоразумїе и цѣломудрїе со всѣмъ тѣмъ, что плѣняло его въ Зелонидѣ, благословлялъ Небо, что вывело оно его изъ заблужденїя, и не могъ удержаться, чтобъ не бояться слѣдствїй такой болѣзни, которая казалася хотящею разлучить его навсегда съ единою особою любви его достойною.

Въ самомъ дѣлѣ сїя болѣзнь такъ умножилась въ седьмый день, что надлежало оставить врачей тѣлесныхъ, дабы прибѣгнуть ко врачамъ душевнымъ. Сей печальный приговоръ объявили Ерминїи: она имѣла столько добродѣтели, что не противилась такому дѣлу, коего знала всю цѣну; но какъ ласкалась она, что любовникъ ея не зделалъ бы того никогда для радостныхъ причинъ, что въ сїю минуту не предзнаменуетъ оно ему ничего кромѣ смерти, то предалась она всей

всей своей печали. Олимпа, дабы не нарушать минутъ толь драгоцѣнныхъ для спасенія болящаго, вывела печальную Erминію, дабы не быть свидѣтельницею сей чувствительной церемоніи; и между тѣмъ, какъ входятъ онѣ въ свой домъ, обремененныя наисильнѣйшею печалію, мужъ ученый и благоразумный приходитъ къ Тиманту, и почтеннымъ своимъ званіемъ подаетъ ему знать, прежде нежели началъ ему говорить, что надобно ему помыслить о немъ: Тимантъ, который невзирая на непорядки своея младости, былъ совершенно честный человѣкъ, здѣлалъ при семъ случаѣ все потребное къ тому, дабы умереть истиннымъ хрістіаниномъ; но какъ въ дѣлахъ, въ коихъ онъ себя обвинялъ, надлежало говорить о обхожденіи его съ Зелонидою, и о плодѣ ихъ любви, то безмѣрно онъ удивился тому, что принуждалъ онъ ему обѣщать на ней жениться въ такомъ случаѣ, естьли выздоровѣетъ, и что подавалъ ему знать, что не можетъ онъ безъ преступленія обязать себя съ другою, имѣя дитя, коего состояніе

яніе не можетъ быть ничемъ исправлено кромѣ брака.

Не было отвѣта въ сіи минуты. Тимантъ не въ состояніи былъ умствовать, и не видя ничего кромѣ смерти, подвергнулъ себя всему, дабы не лишиться онаго достоянія: Но какъ почти обыкновенно случается, что успокоеніе души приводитъ въ крѣпость тѣло, то не успѣлъ привести себя въ состояніе умереть, какъ подалъ надежду о своей жизни. Олимпа не хотя, что бы присутствіе ея и Ерминіино нарушали послѣднія его минуты, туда не возращалась, но посылала всякой часъ о немъ навѣдываться, и съ несказанною услышала радостію что находился онъ внѣ опасности: Надежда взяла паки мѣсто свое въ сердцѣ Ерминіиномъ; и какъ благопристойность препятствовала ей быть у Тиманта безъ Олимпы, а сія госпожа не хотѣла тамъ показываться до совершеннаго его выздоровленія, то препровождала она дни у ногъ олтарей, или удалившися въ свою комнату, не дозволяя входить никому во оную. Между тѣмъ Зелонида возвратилась въ Монпельеръ при

при самомъ началѣ болѣзни Тимантовой; и хотя немощь его побуждала весь городъ принимать въ томъ участіе въ разсужденіи всеобщаго къ нему почтенія; однако она показалась при томъ равнодушною, и весьма рѣдко объ оной навѣдывалась. Какъ не могла она не знать, что надлежало ему скоро жениться на Ерминіи, то думали, что одна досада была причиною ея холодности; но въ томъ обманулися: Зелонида столь же легко взяла назадъ свое сердце, сколь легко оное вручила, и довольствуясь тайнымъ мщеніемъ, которое противъ Тиманта на мѣрѣ положила, слыша о немъ, произносила имя его съ такимъ пренебреженіемъ, какъ будто бы никогда не знавала его особливо.

Что до него, то получивъ свое здоровье, можно сказать, что потерялъ онъ свой покой. Гонимый любовію и природою, не зналъ, кому изъ обоихъ вручить свое сердце. Для истребленія стыда несчастнаго рожденія своея дочери, надлежало жениться на такой женщинѣ, которую не любилъ болѣе, и не могъ почитать. А естьли хотѣлъ соеди-

ниться съ тою, которую обожалъ, и которая была того достойна, то необходимо надобно было, что бы сія невинная тварь здѣлалася жертвою его удовольствія: сверхъ всего того духовникъ увѣрилъ его, что честь и совѣсть его сопряжены съ тѣмъ, что бы жениться на Зелонидѣ: все сіе дѣлало выздоровленіе его стольже скучнымъ, сколь несносна была болѣзнь его: онъ принужденъ былъ исполнить два дѣла, кои казалися ему равно жестокими; одно, что бы возвратить слово свое отъ Ерминіи; а другое, итти и препоручить клятвы свои Зелонидѣ; но не могъ ни на одно изъ оныхъ покуситься.

Между тѣмъ, какъ былъ онъ въ состояніи выходить, и должность и любовь требовали отъ него, что бы итти немедлѣнно къ Олимпѣ для принесенія благодарности Ерминіи за особливыя ея о немъ стараніи, то пошелъ онъ туда въ намѣреніи, скрыть отъ ней смущеніе своего сердца, и показать ей токмо сильную страсть, коею къ ней пылалъ, надѣясь, что не будутъ спѣшить бракомъ, пока не выздоровѣетъ онъ совер-

совершенно, и что время подастъ ему совѣты, въ коихъ онъ имѣлъ нужду. Въ семъ душевномъ безпокойствїи пошелъ онъ къ Олимпѣ, которая приняла его съ толь же великою радостїю, сколь велика была опасность ево потерять. Она находилась одна, и какъ первые знаки почтенїя и благодарности кончились, то повела она его въ покой Ерминїинъ. Свиданїе сихъ любовниковъ имѣло въ себѣ нѣчто необычайное. Ерминїя вышла на встрѣчу съ радостнымъ лицемъ и съ заплаканными глазами. Сердце ея исполненное еще совершенно печалїю, которую чувствовала, не могло изъявить инако, какъ слезами, удовольствїя, увидя его жива, а Тимантъ тронутый любовїю, благодарностїю и безпокойствомъ, бросился къ ея ногамъ не могши вымолвить ни единаго слова. Олимпа боясь, что бы присутствїе ея не было имъ въ тягость, нашла въ сїю минуту причину ихъ оставить; ибо между ими ужѐ дѣло толь далеко доведено было, что не требовалося извѣстныхъ благопристойностей.

Но Тимантъ будучи внѣ себя, пребылъ у ногъ Ерминїиныхъ, устре-

мя на нее глаза свои, и не возмогши вымолвить ни единаго слова. Сія прекрасная дѣвица чудясь, увидя его въ семъ состояніи: что же! Тимантъ! сказала ему съ горячностію, хранимое тобою безмолвіе согласуется ли съ любовію, которую вижу я изъ глазъ твоихъ. Что до меня, естьли видѣлъ ты текущія мои слезы, то ничто иное кромѣ радости принудило меня пролить оныя; я столько пролила оныхъ отъ печали, что сіе дѣйствіе настоящаго моего удовольствія должно быть мнѣ весьма простительно. Ахъ! сударыня, вскричалъ Тимантъ, сіи то драгоцѣнныя слезы, твои то милости къ нещастному, дѣлая счастіе его совершеннымъ, дѣлаютъ и его между тѣмъ стократно больше сожалѣнія достойнымъ, нежели былъ онъ при вратахъ смерти. Лишъ только сіи слова вышли изъ устъ Тимантовыхъ, какъ раскаялся онъ въ томъ, что сказалъ оныя; восхищеніе исторгнуло изъ него оныя противъ его воли; а состояніе, въ кое привели онѣ Ерминію, показало ему, что не должно ни на что отваживаться съ тѣми, кои ко множеству любви, и множество разума присоединяютъ.

Сія

Сія прекрасная дѣвица была тѣмъ тронута, и упавши въ кресла какъ будто обремененна будучи нѣкіимъ великимъ несчастіемъ: что! сказала ему съ печалію, горячность моя для тебя жесточае смерти? будучи удаленъ отъ того, что бы радоваться меня увидя, и жить для меня, кажется, что сожалѣешь ты о томъ состояніи, коему надлежало тебя разлучить навсегда со мною. Ахъ! Тимантъ, какія слова, и что довлѣетъ мнѣ изъ того себѣ предвозвѣстить? При сихъ словахъHerминія попустивъ свободное теченіе своимъ слезамъ, оросила оными прекрасное свое лице, а Тимантъ пришедшій въ отчаяніе отъ своего неразумія, а еще больше отъ причины, принудившей его учинить оное, старался тщетно исправить оное множествомъ клятвъ любви и вѣрности. Прозорливая Ерминія не была тѣмъ удостовѣрена: И догадываясь о части своего несчастія, клялась Тиманту, что не покинетъ она ево до тѣхъ поръ, пока не изъяснитъ онъ ей произнесенныхъ имъ словъ.

Ни одинъ человѣкъ не бывалъ въ таковомъ смятенiи; но какъ на конецъ правота его сердца и чистота намѣренiй въ разсужденiи Ерминiи обнадежили его о безопасности во объявленiи ей странной сей вѣдомости, то вознамѣрился онъ ей послушествовать, и требовать отъ ней совѣта въ томъ, что надлежало ему дѣлать во обстоятельствахъ толь противящихся взаимному ихъ удовольствiю; и такъ попрося ее выслушать съ большимъ сожалѣнiемъ нежели гнѣвомъ: любезная Ерминiя, продолжалъ онъ, небо мнѣ свидѣтель, что не любилъ я никово прямо кромѣ тебя, и что любовь моя провождаема почтенiемъ толь совершеннымъ, что менѣе думалъ я взять супругу, на тебѣ женясь, какъ сыскать себѣ друга, коего основательная горячность долженствовала быть благополучiемъ моея жизни. И такъ не хощу я тебѣ говорить какъ такой особѣ, коея ласкался я быть супругомъ, но какъ такому любезному другу, за коего хотѣлъ бы я жертвовать самимъ собою. Тогда разсказалъ онъ ей, не скрывая ничего, о печальномъ состоянiи, въ коемъ нахо-

находился; описалЪ ей самыми живыми красками, сколь бы позорно для него было, когдабЪ не искалЪ онЪ способовЪ ко исправленію чести своея дочери; что не могши загладить инако несчастія ея породы, какЪ женясь на ея матери, возбуждается онЪ кЪ тому сею ужасною необходимостію; что вмѣняли ужѐ ему то и вЪ законЪ вЪ разсужденіи ево совѣсти, и что сія самая бѣдственная необходимость побуждаетЪ его взирать сЪ отчаніемЪ на нѣжные опыты, получаемые имЪ отЪ ея горячности.

ОнЪ примолвилЪ кЪ сему, что не взирая на всѣ причины, могущія побудить его нарушить клятву, готовЪ онЪ, здѣлать все, что она ни присовѣтуетЪ; что впалЪ онЪ вЪ сіе нещастіе по невѣденію, не вображая себѣ никогда, что бы надлежало ему жениться на Зелонидѣ: что единственно дитя, коего онЪ отЪ ней имѣетЪ, перемѣняетЪ все, и увѣряютЪ его, что сіе чести и закону его противно, дабы оставить вЪ такомЪ поруганіи имя своея дщери, по тому что мать равна ему имѣніемЪ, породою и вольностію.

Прекрасная и разумная Ерминїя слушавшая съ крайнимъ вниманїемъ словѣ его, познала толь изрядно отчаянїе Тимантово по виду, съ коимъ изъяснялся, что нашла въ томъ облегченїе своея печали. Слезы ея обсохли, обыкновенная ея твердость заняла паки мѣсто свое въ ея сердцѣ; она думала, что будетъ подло отвращать его отъ такого поступка, въ коемъ полагалъ онъ честь свою; и сколь ни велика была горячность, однако хотѣла лучше пожерти оную славѣ любовника, нежели долженствовать своею клятвою тому, что могло ему здѣлать вредъ. Въ сихъ мысляхъ начала ему говорить такимъ образомъ.

Я разсуждала всегда, сказала ему воздохнувъ, что съ дѣвицею такова состоянїя, какова Зелонида, не можно поступать какъ съ подлою; и чемъ болѣе попустилась она въ поносные поступки, тѣмъ больше находила я тебя обязанымъ исправить такое преступленїе, которое ты одинъ учинить ее принудилъ. Признаюсь, что надлежало мнѣ не отвергать никогда сей мысли изъ ума моего, дабы соблюсти сердце отъ

страсти

страсти ужѐ надмѣру теперь утвердившейся, дабы надѣяться восторжествовать надъ нею. Нѣтъ, продолжала она силясь удержать свои вздохи, не въ моей ужѐ болѣе власти перестать тебя любить: вижу изъ всѣхъ дѣлъ твоихъ, что ты столь того достоинъ, что я въ томъ и не раскаяваюсь. Но естьли не могу я преодолѣть моея горячности, то могу предписать оной границы: Тимантъ, воспрїими, естьли можно, паки твое спокойствїе; здѣлай то, чего должность и честь отъ тебя требуютъ въ пользу Зелониды и ея дщери; возвращаю тебѣ твое слово, и беру назадъ свое единственно съ тѣмъ, что бы оставить свѣтъ. Не обнародовай сего печальнаго разрыва; оставь на меня попеченїе о моей славѣ, потому что жертвую я твоей собою; и дозволь, что бы перемѣненїе нашихъ дѣлъ казалося произойти отъ меня одной. Образъ, коимъ я поступать буду, извѣститъ тебя о томъ что тебѣ надлежитъ учинить: наипаче всего, подавай каждому тогда знать о твоей печали, когда обьявлю я мое намѣренїе; я увѣрена, что она не будетъ при-

творная, и вижу изъ твоихъ взоровъ, что ты столькоже нещастливъ сколько я нахожу себя злополучною. Прости, Тимантъ, примолвила она, протянувъ ему руку: желаю, чтобъ ты перестал быть онымъ, и что бы поступка моя научила тебя о различїи, кое довлѣетъ тебѣ полагать между Зелонидою и печальною Ерминїею.

Окончавъ сїи слова вошла она въ кабинетъ, коего затворила за собою дверь, и оставила Тиманта пораженнаго отчаянїемъ, исполненнаго удивленїемъ и болѣе влюбленнаго, нежели прежде: Онъ говорилъ ей долгое время за дверью, но она не хотѣла ни отвѣчать ему, ниже оттуда вытти; и сей несчастный любовникъ боясь, что бы кто нибудь незасталъ его въ терзаемомъ его безпокойствѣ, вышелъ отъ Олимпы, не зная почти что дѣлалъ; препроводилъ остатокъ дня у себя въ домѣ въ ужасномъ смущенїи. Ночь не болѣе промыслила ему покоя, и принятое имъ намѣренїе, итти на другой день къ Зелонидѣ, не дозволяло ему ни на минуту вкушать прїятности сладкаго покоя. на послѣдокъ думая, что чемъ болѣе будетъ медлить симъ посѣщенїемъ,

щенїемъ, тѣмъ больше возъимѣетъ къ тому отвращенїя принялъ твердое къ тому намѣренїе, и пошелъ къ Зелонидѣ, которую не видалъ онъ почти съ полгода. Онъ велѣлъ о себѣ доложить, и Зелонида приказавъ его впустить, приняла его съ холодною учтивостїю, и съ такою церемонїею, которая совершенно смутила Тиманта; и думая, что досада причиняла въ ней сїю холодность, притворился, будто оной не примѣтилъ, и поступая съ нею по прежнему, взялъ стулъ, и поставя оной, просилъ ее, выслать вонъ своихъ людей, дабы поговорить съ нею наединѣ. Лишъ только находились онѣ однѣ, какъ началъ онъ ей говорить слѣдующимъ образомъ:

Я думаю, сударыня, сказалъ ей, что ты удивишься тому, о чемъ я тебѣ хощу говорить. Ты знала всегда, что я былъ такой непрїятель брака, и толь великїй любитель вольности, что не можешь услышать безъ удивленїя, что я нынѣ помышляю весьма отъ того отмѣнно: но, сударыня, есть время на все: и какъ видѣлъ я въ тебѣ прежде таковыя же склонности, то увѣренъ, что ты по

благо-

благоразумію своему ужѐ ихъ болѣе не имѣешь, и поможешь мнѣ совершенно вытти изъ заблужденій младости: залогъ, который имѣемъ мы отъ взаимной нашей горячности, принуждаетъ насъ къ тому обоихъ; и для славы онаго, для чести твоей и моей собственной, пришелъ я тебя просить принять мою клятву, и и сочетаться со мною бракомъ: даруй же сей невинной твари такое состояніе, кое бы воспрепятствовало ей стыдиться когда нибудь тѣмъ, что получила она отъ насъ свое бытіе: не будемъ укорять себя тѣмъ, что бы отказать ей въ такомъ добрѣ, которое зависитъ отъ насъ; и союзомъ освященнаго брака прекратимъ тѣ рѣчи, кои объ насъ нѣсколько вольная поступка произвела въ народѣ. Кровь наша равна въ благородствѣ, имѣніе наше довольно знатно, чтобъ насъ удовольствовать, и здѣлать дочь нашу одною изъ богатѣйшихъ невѣстъ въ провинціи: и такъ, прекрасная Зелонида, когда честь наша требуетъ прекратить сіе дѣло, то думаю, что не будешь ты въ томъ колебаться.

Во время всего сего разговора Зелонида показывала на лицѣ своемъ безмѣрное удивленіе, и когда оный кончился: я думаю, отвѣчала она ему, что довольно спокойно тебя выслушала; и снисхожденіе мое достойно бы было того, что бы не говорилъ ты мнѣ такихъ безпутныхъ вракъ; что хощешь ты сказать о бракѣ, о залогѣ любви, и о дочери, коей довлѣетъ дать состояніе? Не ужè ли болѣзнь твоя лишила тебя разума? Думаешь ли ты, что ты ето говоришь мнѣ? Не почитаешь ли ты меня за другую? На конецъ, что мнѣ въ томъ нужды, убѣгалъ ли ты прежде брака или ево теперь ищешь? Права, Тимантъ, я ничего сего не понимаю: я не имѣла никогда сердечнаго съ тобою дѣла: не почитала тебя никогда инако какъ за пріятнаго знакомца и за великаго учтивца, коего разумъ и порода были причиною, что принимала тебя къ себѣ въ домъ съ почтеніемъ и ласкою: теперь я не инако считаю какъ что ты умышленно ругать меня вздумалъ, а въ прочемъ не можешь ты мнѣ говорить такимъ образомъ.

Естьли

Естьли Тимантъ чувствовалъ жесточайшее мученіе, учиня сію поступку, то смѣлость Зелонидина и омерзеніе оною въ него вперенное, изтребили въ одну минуту всѣ его безпокойства: безприкладное удивленіе заняло мѣсто оныхъ; и огорченный увидя таковое дерзновеніе въ женщинѣ: что, сударыня, сказалъ онъ ей съ довольною запальчивостію, не ужѐ ли шестимѣсячное время привело у тебя въ забвеніе двулѣтнее обхожденіе, и рожденіе дочери! Дезской, отвѣчала ему Зелонида, вставъ съ досадою, не много мнѣ стоитъ доказать тебѣ, что не обижаютъ меня безъ наказанія; но я тебѣ еще повторяю, что не приписываю чинимой тобою мнѣ обиды ничему иному какъ потерянію твоего разума: между тѣмъ поди, и постарайся образумиться прежде нежели опять меня увидишь.

Ето правда, отвѣчалъ ей Тимантъ, вставъ такожде, что надобно совсѣмъ потерять разсудокъ, дабы восхотѣть соединиться съ Зелонидою, и учиненный мною поступокъ толь постыденъ, что не могу я въ немъ довольно раскаяться. Онъ вышелъ окончавъ

кончавъ сіи слова; а Зелонида радуясь, что отъ него свободилась, не пеклася ни о его презрѣніи, ни почтеніи.

Что до него, то былъ онъ толь сильно пораженъ слышаннымъ, что не почиталъ себя совсѣмъ пробудившимся; чемъ болѣе о томъ разсуждалъ, тѣмъ менѣе разумѣвалъ, что бы можно было простирать толь далеко ложь и дерзновеніе. Онъ былъ еще преисполненъ симъ произшествіемъ, какъ пришелъ къ нему одинъ изъ наилучшихъ его пріятелей, который нашедъ его въ смятеніи, спрашивалъ его съ торопостію, что съ нимъ учинилося? Тимантъ не могъ противиться сему вопросу; ибо произшествія толь страннаго не можно было утаить: онъ разсказалъ другу своему про весь свой разговоръ съ Зелонидою, и просилъ его подать ему свой совѣтъ. Дамисъ, (имя сего друга) нашелъ дѣло сіе толь забавнымъ, что смѣялся оному чрезвычайно. Но, любезный мой Тимантъ, сказалъ онъ ему, по что дѣлать таковый поступокъ, по тому что въ обязательствахъ твоихъ съ Ерминіею не было безъ сомнѣнія намѣренія жениться на Зелонидѣ? Я имѣлъ мои причины, отвѣчалъ

отвѣчалъ ему съ холодностїю Тимантъ. Естьли сїе дѣло досязаетъ до твоего сердца, пресѣкъ Дамисъ, то нѣтъ ничего для тебя легче какъ пристыдить Зелониду: дочь ея крещена безъ сомнѣнїя подъ именемъ ея и твоимъ: пошли отъискать церковную сїю записку, и приведи ее въ совершенное смущенїе. Я не хочу ее больше видѣть, отвѣчалъ ему Тимантъ; но послѣдую твоему совѣту, дабы подумать, что довлѣетъ мнѣ дѣлать впредь съ моею дщерїю. Тотчасъ принявъ на себя видъ гораздо довольнѣе прежняго, отправилъ одного изъ людей своихъ въ ту деревню, въ коей Зелонида крестила дочь свою, и приказалъ ему привести изъ приходской церкви записку до сего касающуюся.

Между тѣмъ, какъ оное исполняется, бѣжитъ онъ самъ къ Ерминїи, находитъ Олимпу съ сею прекрасною дѣвицею: обѣ были въ крайней печали, и какъ скоро Олимпа увидѣла Тиманта: сколь медлишь ты своимъ пришествїемъ! сказала она ему; вотъ дѣвица, примолвила она указывая на Ерминїю, которая

гонитъ

гонитъ меня къ смерти; ибо вправду или притворно, цѣлые два часа не говоритъ мнѣ ни о чемъ кромѣ монастыря, уединенія, отвращенія мірскаго и угрызенія, кое ена чувствуетъ нарушивъ обѣтъ положенный ею по смерти своего родителя, что бы постричься; молю тебя, любезный мой Тимантъ, выведи ее изъ сихъ мыслей; ты столько въ томъ имѣешь участія, что довлѣетъ тебѣ съ жаромъ въ то вступиться. Тимантъ, коего поступка Зелонидина учинила свободнымъ слѣдовать движеніямъ своея любви, и коего радость уподоблялася прежней печали, предавшись совершенно своей страсти:

Нѣтъ, нѣтъ, прелестная Ерминія, сказалъ онъ ей, бросясь предъ нею наколѣни, съ видомъ веселымъ и нѣжнымъ; ты не разорвешь тѣхъ узъ, кои обоихъ насъ связуютъ, нѣтъ ничего, что бы могло тебѣ воспрепятствовать быть моею; и благоразумная Олимпа надмѣру достойна твоей и моей довѣренности, дабы не открыть ей тайны довлѣющей окончать мое и твое мученье. Тогда не давъ ей времени отвѣчать,

 расказалъ

разсказалъ точно Олимпѣ все прошедшее между Ерминiею, Зелонидою и имъ; и такъ, продолжалъ онъ, нѣтъ болѣе препоны моему благоденствiю и правосудiе Неба знавшаго, что Зелонида не достойна той жертвы, которую я ей приносилъ, соблаговолило на то, что бъ поступила она такимъ образомъ, дабы могъ я вручить сердце мое дражайшей моей Ерминiи.

Олимпа столькожъ чудилась сему произшествiю, сколько и повѣренной ей тайнѣ; но радуясь, что имѣла оная толь безбѣдное слѣдствiе: Не станемъ же болѣе медлить, вашимъ бракомъ сказала она, дыбы увидѣла я прежде смерти Ерминiю и Тиманта сопряженныхъ.

Что же будетъ съ симъ невинным младенцемъ, сказала нѣжно Ерминiя? Я крайнѣ жалѣю о ея судьбинѣ, отвѣчалъ Тимантъ; но когда Зелонида отрицается быть законно ея матерiю, то не могу я ничего больше для нее здѣлать. Онѣ разсуждали еще о томъ долго, и прекрасная Ерминiя здавшись на прозьбы своея родственницы и своего любовника, приняла на себя прежнюю

прежнюю свою веселость и надежду. На другой день Тимантъ получилъ церковную записку о своей дочери: но что зделалося съ нимъ, увидя, что Зелонида повелѣла окрестить оную подъ именемъ Герминіи вмѣсто своего! Гнѣвъ его былъ безмѣренъ; нѣтъ такого насилія, къ коему не почиталъ себя удобнымъ противъ Зелониды, дабы отмстить такую обиду нанесенную Ерминіи. Онъ побѣжалъ къ первой, дабы изъявить все свое свирѣпство: но она догадываясь, что будетъ онъ скоро извѣстенъ о семъ дѣйствіи ея мщенія, уѣхала въ тужъ самую ночь въ деревню, которую имѣла въ двацати миляхъ отъ Монпельера.

Отчаянный Тимантъ не зная, что дѣлать, пошелъ къ Ерминіи; и слѣдуя своему откровенному и искреннему нраву, увѣдомилъ ее и Олимпу о недостойной измѣнѣ Зелонидиной, прося многократно прощенія за сію обиду у добродѣтельной Ерминіи, и моля ее отмстить ему самому, какъ ей за благо разсудится. Сія прекрасная Дѣвица краснѣла много при разсказываніи сего новаго происшествія:

но принявъ скорое намѣренїе: перестань, сказала она Тиманту, пестань тревожиться: та, которая хотѣла принести на жертву дни свои твоей чести, удобна еще здѣлать больше для твоего покоя; когда Зелонида разсудила за благо здѣлать меня матерью, прежде нежели я думала быть оною, то хощу я принять на себя въ пользу твою титулъ оныя: довольствуясь моею невинностїю не боюсь, что бы сїя поступка оную поругала, такая правда не можетъ скрыться, и я думаю, что столь же славно для меня принять въ усыновленїе чужее дитя, сколь постыдно для Зелониды, даровать оному жизнь, и отъ того отрещися.

Не можно изъяснить, каково было удивленїе Тимантово при семъ знаменитомъ любви опытѣ и великодушїи Ерминїиномъ. Какое различїе нравовъ, вскричалъ онъ: и сколь жалѣю я о тѣхъ годахъ, кои препровелъ я тебя не знавъ; несравненная Ерминїя, чемъ могу я тебѣ воздать затоль многїя рѣдкїя добродѣтели? Всею твоею любовїю, отвѣчала она ему, одна она можетъ промыслить

мнѣ

мнѣ радость и благоденствіе. Можно думать, что влюбленный Тимантъ не остался безъ отвѣта, и какъ не было болѣе препятства сему браку, то торженствованъ онъ былъ мало дней спустя послѣ того съ великолѣпіемъ. Ерминія желала, что бы церемонія отправлена была съ знатностію, дабы объявить себя матерію дщери Зелонидиной въ глазахъ всего собранія; сей поступокъ привлекъ ей похвалы отъ всего города, и Тимантъ обще съ своими друзьями такъ постарался обнародовать истинну, что Зелонида не смѣла никогда возвратиться въ Монпельеръ.

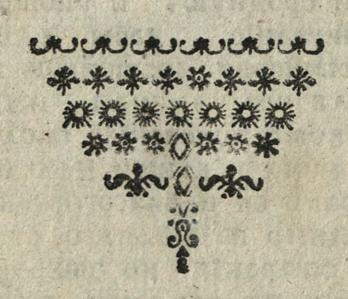
Что касается до Ерминіи, то к успѣла она присвоить себѣ титулъ матери, какъ и восприяла горячность оной сродную; и употребивъ все свое вниманіе, дабы здѣлать дщерь Тимантову достойною того, что она для нее учинила, имѣла о ней столькожъ попеченія, сколько и о тѣхъ дѣтяхъ, коими Небо благословило бракъ ея и благоговѣніе; и по дѣйствіямъ послѣдняго столько прилагала старанія ко отвращенію рѣчей могущихъ служить во вредъ

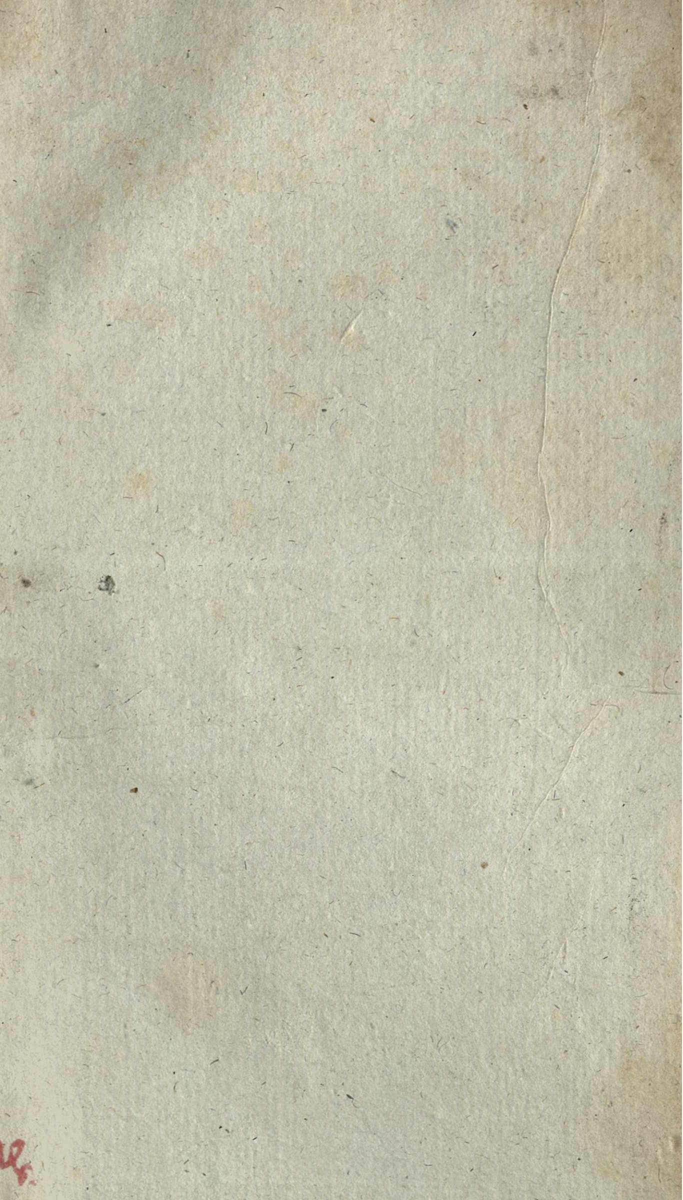
сей

сей младой особѣ, что казалось, будто совершенно она позабыла то, что долженствовала жизнію другой.

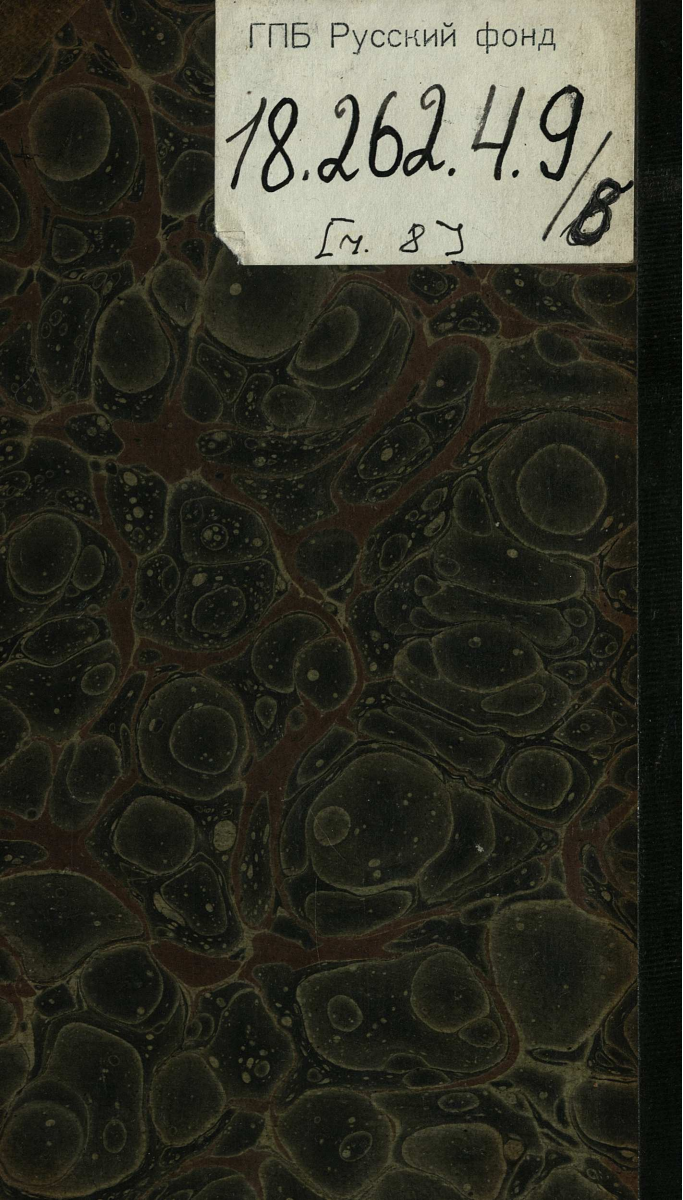
Тимантъ плѣненный добродѣтеліею своей супруги, жилъ съ нею въ совершенномъ согласіи, и доказалъ ей постоянствомъ своея любви, что одна она была способна внушить въ него то, что бракъ не всегда не собразуется съ сею страстію. И такъ любовь будучи гораздо сильнѣе въ Ерминіи, нежели природа въ Зелонидѣ, принудила ее объявить себя матерью, не бывъ еще оною; вмѣсто того что отмщеніе и порокъ истребили въ сердцѣ другой движеніи крови, и законы благоразумія.

КОНЕЦЪ ОСЬМОМУ ТОМУ.








ГПБ Русский фонд
18.262.4.9/8
[ч. 8]